

ОГОНЁК

№ 4 ЯНВАРЬ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Вот она, самая большая ГЭС земли!

ЗА ЧТО УВАЖАЮТ ЧЕЛОВЕКА

Илья Матвеевич Калинкин

АВТОГРАФ

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Фото А. ГОСТЕВА.

Специальные корреспонденты «Огонька»

В круглом оконце самолета лазоревая бездна...

— Сколько живет ГЭС? — спросила я своего соседа по салону Александра Алексеевича Белякова, председателя государственной комиссии по приемке гидроагрегатов Красноярской ГЭС.

— Смотря что вы имеете в виду. Если плотину, то это практически вечное сооружение,— со свойственной для инженера конкретностью уточнил он.— Известно, что в Египте каменная плотина у Кошейш была построена за четыре тысячелетия до нашей эры. Когда я был на Асуане, мне говорили о ней. Долго живут даже земляные плотины. Уралец Фролов построил в Змеиногорске плотину двести лет назад, и какую высокую — восемнадцать метров! Действует,

«...Здесь разум и труд человека слепую стихию взнуздали...». Панно в вестибюле здания ГЭС исполнено группой ленинградских художников под руководством Г. Пессиса.

ВО ИМЯ СОЛИДАРНОСТИ

Проходившая в Каире с 10 по 13 января V конференция Организации солидарности народов Азии и Африки рассмотрела вопросы, связанные с усилением борьбы народов двух континентов против империализма, колониализма и неоколониализма, за свободу, независимость, демократию и прогресс. С большой гордостью участники этой конференции констатировали те замечательные достижения, которых добились народы этих континентов с момента образования ОСНАА. Более 70 колоний и полуколоний завоевали за эти годы политическую независимость, свыше полутора миллиардов человек вырвались из колониального рабства. В единогласно принятой общей декларации подчеркивается «неуклонно возрастающее значение движения афро-азиатской солидарности в совместной борьбе против сил агрессии и империализма, отсталости, расизма и колониализма, за укрепление политической и экономической независимости освободившихся стран, за укрепление мира во всем мире и дружбы между народами».

Участники конференции выступили против империалистических сил, решительно осудив преступную агрессию империалистических кругов США в Индокитае, а также экспансионистскую политику Израиля. Они высказались за создание системы коллективной безопасности в Европе, Азии и на других континентах.

Конференция, прошедшая в Каире, со всей убедительностью продемонстрировала стремление афро-азиатских народов крепить фронт антиимпериалистической борьбы, сплачивать ряды борцов против империализма, колониализма и неоколониализма.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 4 (2325)

22 ЯНВАРЯ 1972

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АНДЖЕЛЕ ДЭВИС

Дорогая сестра!

Я обращаюсь к тебе так, потому что твои предки были привезены несколько сот лет назад из Африки, мои тоже, твоя семья жила на юге США и знает, что такое дискриминация, моя тоже. Мой отец умер из-за того, что его избили куклуксклановцы в Миссисипи.

Ты окончила Калифорнийский университет, а я — Московский государственный университет, ты получила степень магистра философии, я — степень кандидата исторических наук.

Если судьбы наших предков были одинаковы, то наши с тобой разошлись. Сейчас я живу в Советском Союзе, куда моя семья бежала от дискриминации в США, ты находишься в американской тюрьме.

Хочу коротко рассказать о кампании в твою защиту у нас в СССР.

Во многих городах и селах, на фабриках, заводах, в совхозах и колхозах проходят многочисленные митинги и собрания. В Москве, в Советском комитете защиты мира, мы провели митинг, на котором корреспондент газеты «Дейли уорлд» в Москве Майкл Давидов выступил с речью. Поэт Теодор Лозинский прочел свои стихи, посвященные тебе. В исполнении композитора Леонида Печникова и певицы Светланы Миловидовой прозвучала песня «Свободу

живет. Археологи раскопали в Армении и в Средней Азии гидросиловые установки, которыми пользовались древние. А вот у турбины самая короткая родословная, гидроэлектрические станции появились недавно — менее сотни лет назад. Каков век гидротурбины? Судите сами: в 1909 году на Мургабе было закончено строительство ГЭС. Ее турбины служат до сих пор...

Мой собеседник, сам заслуженный строитель ГЭС, откинул седую, с разлетающимися прядями волос голову и задумался.

* * *

...Минус тридцать пять. Парит обнаженный Енисей. И будто рожденная из волн его и тумана, в мечущихся белых клочьях, во всем своем белокаменном великолепии предстала перед нами самая большая ГЭС земли. Торжествен фасад станции с полыхающим, как знамя, портретом Ленина. Музею подобен ее вестибюль с панно во всю стену, символизирующим укрощение дикого буйства реки. И вот машинный зал. Широта и простор под светлым, будто тканый ковер, сводом. Вместо громоздких крестовин, заполняющих всю площадь зала Братской или волжских ГЭС,— дюжина веселых, ярко-малиновых призм на белых подставках. Вот и все, что выступает наружу от мощных гидроагрегатов,— на несколько этажей углубились они под землю, до самой подошвы здания. Зал тут короче Братского — не пятьсот, а четыреста метров. И намного меньше тут машин. Но каждая из них — уникальное произведение науки и техники. Десяти Днепрогэсам или двум с половиной Джон Деям — крупнейшая ГЭС США — равна сосредоточенная в них мощность. Это ради них в такой же морозно-лютый день, как сегодня, почти девять лет назад шли тысячи строителей на героический штурм Енисея. Чтобы забилось электрическое, в шесть миллионов киловатт, сердце ГЭС, годами трудились проектировщики, конструкторы, рабочие, инженеры. И каждый из них вложил в это электрическое сердце частицу своей мысли, своего труда.

...Шли государственные испытания последнего, двенадцатого агрегата. В нескольких метрах от него на деревянной скамье сидели строгие члены приемочной комиссии.

— Сейчас начнутся страшные издевательства над турбиной,— сказал Александр Алексеевич Беляков.— Представляете, агрегат нагружается на четверть своей мощности — 125 тысяч киловатт. И вдруг нагрузка мгновенно сбрасывается. Ротор генератора начинает увеличивать обороты, но они не должны превышать установленные нормативы. Потом то же повторяется при нагрузке 250 тысяч киловатт, 375 тысяч киловатт и, наконец, при полной нагрузке — 500 тысяч киловатт. Чем больше нагрузка, тем сильнее «разгон»... Такое может быть и в жизни — обрыв на линии передачи, например. В мировой практике известны случаи, когда все разрывалось вдребезги. Как выдержит такое зверство наша турбина?

...Я заспешила по крутой лесенке вниз. Один этаж, другой, третий. В круглой камере, освещенной рядами трубок дневного света, ясно, как днем. Светло и тесно. У раскрытых сервомоторов стояли с приборами прорабы, монтажники, наладчики и сам шеф-бригадир с Ленинградского металлического завода—инженер Бобашов. В проем толстой чугунной брони — невольно вспомнилась защита атомных реакторов — видно, как с огромной скоростью крутится могучий красный ствол агрегата. Диаметр вала — 2,3 метра.

«Внимание!—громоподобно разнесся голос инженера диспетчерского пункта.— Проводится сброс 250 мегаватт двенадцатого агрегата. 21, 22...»

25! И в ту же секунду будто вздрогнуло все здание. Все застыли у приборов. А кто-то ринулся в проем чугунного панциря, окружающего вал. Посмотрел на прибор, похожий на секундомер, затянулся сигаретой и прильнул к прозрачному кожуху, под которым клокотала, ходила волнами смазка,— точь-в-точь врач, выслушивающий пациента.

— Что он там делает? Кто это?

— Илья Матвеевич. Измеряет биение вала в турбинном подшипнике. Очень важный узел. Калинкин отвечает за него. Его бригада все двенадцать турбин ставила тут.

На следующий день после того, как последний агрегат мужественно, достойно, блестяще, как охарактеризовал Беляков, выдержал многократные зверские испытания, я спросила Калинкина:

— Сколько же на вашем счету турбин вообще?

— Давайте считать. Раухиала — две, Энсо — три. Это на Карельском перешейке. Там, как списали меня с фронта, и началась моя жизнь монтажника. Там и с Бобашовым познакомился — видели его вчера на сбросе? Константин Петрович Полушкин, управляющий нашим трестом, тогда еще был молодым прорабом, а я начинающим, Илюшкой — так он тогда меня звал. На Храмской ГЭС высоконапорную турбину ставили, перепад двести метров...

Калинкин, перечисляя названия, цифры, тут же комментировал их, давал характеристику агрегатам. Эта капсюльная была, малюсенькая, а эта — типа Френсиса, а та, поворотно-лопастная, громадина, на равнинных реках такие ставят. Чувствовалось, что во всех этих делах он дока. И не только как практик. Теоретически подкован.

— На Кавказе я подзадержался: пять лет жил, в Сухуми — четыре машины, потом Севан, Боржоми, Красная Поляна...

— Кажется, на Кавказе вы стихи писать стали?

— Кто это вам сказал? — Калинкин сдернул берет с головы, сердито хлопнул им по колену и сразу помолодел на десять лет: волосы у него густые, черные, вихрами в разные стороны.— Не иначе как Тихомиров или Мирохин. Тоже мне горе-информаторы. Не до стихов теперь! Счет продолжим? Долго считать придется — за полсотни агрегатов будет!

Анджеле!». В зале была размещена фотовыставка о твоей жизни и борьбе.

Такой же митинг был проведен и во вместительном зале Московского Дома ученых, где выступил Джеймс Джексон и другие твои друзья и соратники.

В твою защиту с заявлениями выступили Комитет советских женщин, Комитет молодежных организаций СССР, Студенческий совет СССР, Советский комитет защиты мира, Союз журналистов СССР и другие общественные организации.

Анджела, дорогая! Для нас, советских людей, ты, молодая, мужественная женщина, крупный ученый, известный борец за гражданские права, коммунистка, смело выражающая свои политические взгляды, олицетворяешь собой прогрессивную Америку, борющуюся против лжи, лицемерия и мракобесия.

Мы понимаем, что американские расисты и реакционеры хотят расправиться не только с тобой, дорогая сестра. Они хотят запугать всех тех, кто, подобно тебе, вступает на путь борьбы. Не они ли руками наемных убийц уничтожили Мартина Лютера Кинга и многих других героев американского народа? Неприкрытая расправа со своими политическими противниками стала для них обычным делом. В твою защиту, Анджела, сегодня выступают миллионы и миллионы людей.

Мы, твои братья и сестры, все советские люди, поздравляем тебя с твоим днем рождения! Мы восхищаемся твоим мужеством и твердостью и уверены в твоей правоте.

Твоя сестра
Лия О. Голден.

На снимке: Анджела Дэвис. Фото ЮПИ.

БАСТУЕТ РАБОЧАЯ АНГЛИЯ

На угольных шахтах Англии полностью прекращена работа: 280 тысяч шахтеров требуют повышения заработной платы в связи со стремительным ростом цен в стране. Бастующих горняков поддержали докеры, железнодорожники, машиностроители, работники почт. Среди тех, кто поддерживает кампанию солидарности с бастующими горняками,— Билл и Джин Массэй. По просьбе «Огонька» в этой семье побывал собственный корреспондент АПН в Англии Феликс Алексеев.

Билл и Джин Массэй прожили в Лондоне четыре десятилетия. Недавно Билл вышел на пенсию. Однако по-прежнему его легко разыскать на строительных площадках Лондона или в отделениях профсоюза, секретарем которого он избирается более 30 лет. Джин Массэй — член комитета кооперативного общества Лондона.

— Что принес нам прошедший год — мне и Джин, сыну и дочери, нашим четырем внукам? Не могу сказать, что я доволен нашим правительством. Оно руководствуется одним чувством — эгоизмом правящих классов и ослеплено враждой к социализму. Кажется, тори забыли, что мир изменился и времена великих колониальных империй давно прошли. Сегодня правительству Англии, если оно действительно думает об интересах страны, следовало бы играть иную роль.

Мир и безопасность в Европе — вот что особенно важно для людей нашей страны. И я могу сказать, что время для общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества назрело. Знаете ли вы, сколько английское правительство тратит ежегодно на военные расходы? 2 миллиарда 500 миллионов фунтов стерлингов. А в стране сейчас около миллиона безработных! Правительство расходует значительную часть национального богатства на гонку вооружений, но у него оказывается пусто в кармане, когда речь заходит о модернизации верфей Клайда! Восемь тысяч рабочих ведут борьбу за жизнь шотландских верфей, за свое право на труд. Потомственные корабелстроители, у которых мастерство и любовь к профессии передаются из поколения в поколение, полны решимости отстоять свои права. Мы с Джин — выходцы из Клайда. И нашей семье хорошо известно, как бедствуют сейчас там люди. В конце прошлого года правительству удалось протащить через парламент драконовский антирабочий закон. Его цель — подчинить профсоюзы системе государственно-монополистического капитализма. И сейчас, в дни всеобщей забастовки шахтеров, все мы понимаем, как важна солидарность всех трудящихся нашей страны.

Сотни тысяч моих товарищей-строителей не могут найти работу. Многим из тех, кто ее еще имеет, грозит безработица. Вот почему солидарность — это девиз жизни каждого, кому приходится отстаивать свои права.

Пикеты бастующих окружают в эти дни доки, шахты, угольные склады и электростанции с целью воспрепятствовать перевозке угля. Горняки полны решимости продолжать борьбу до победы. Эти шахтеры из графства Кент пикетируют электростанцию в Лондоне.
Фото ТАСС.

Прибалтика и Урал. Подмосковье и Казахстан. Кольский полуостров и Сибирь. Только Мамаканской ГЭС, что на Ленских золотых приисках, отдал он четыре года жизни. Там Аня, младшая дочурка, родилась. А сам он из-под Тулы. Раиса Алексеевна, жена, тоже строитель, она из Башкирии. Есть у него два закадычных друга, Александр Мирохин и Анатолий Тихомиров. Судьба то сводила их, то разлучала. И вот столкнула здесь, у Дивных гор. Семь лет уже вместе, в одной бригаде. Тут, у Дивных гор, Калинкин снова попал к Андрею Ефимовичу Бочкину, ветерану энергетики, Герою Социалистического Труда, известному гидростроителю. За ним числится, говорят, не менее десяти рукотворных морей. Бочкин возглавлял крупные стройки в Сибири. И до недавнего времени, до ухода на пенсию, был начальником «Красноярскгэсстроя».

— А с Андреем Ефимовичем знаете, где встретился впервые? На Свистухе. Есть такая река на Ставропольщине. Андрей Ефимович ГЭС строил там. Эта станция в «Кавалере золотой звезды» описана. Вспомнили? Много ли читаю? Люблю. Только вот хороших книг у нас тут, в Дивногорске, и не купишь. Не доходят. Когда я у Бочкина на Ангаре работал — там больше было... Авторитетный он человек, Андрей Ефимович. Уже на отдыхе, а как узнал, что последние агрегаты пускают, приехал.

А что говорит Бочкин о Калинкине?

— Один из лучших рабочих-гидромонтажников. Оптимист по натуре, не умеющий хныкать. Очень требователен к себе и к бригаде. Потому у Калинкина переделок никогда не бывает. Человек редкого трудолюбия, инициативы, творческой энергии.

Вот о ней, о творческой энергии, и пошел у меня в другой раз разговор с Калинкиным. Он сам завел этот разговор. Не о себе, конечно.

— Жаль, не застали вы Палатина Ивана Ивановича, заслуженного строителя! В Канев недавно проводили его. Вот бы вам с кем поговорить! Богатейшая биография. Родился на Свири, там и вырос. Свирскую ГЭС под началом самого академика Графтио строил, а после войны восстанавливал ее. С ним я на Гюмушской ГЭС состыковался. Он бригадир такелажников, а монтажникам без такелажников делать нечего. Вот и тут, на Красноярской, с самых низов, с первой плиты на скале под здание станции, вместе идем. Генераторщики еще когда придут, года через два, а мы с Палатиным уже пуд соли съели, и Иван Иванович, смотрю, идею подбросил... Четкий у него почерк... Словно в тайге дорожку печатает...

Илья Матвеевич достал спички, прикурил.

— Мы должны были ставить статоры первых турбин. Ничего тут еще не было: ни этого зала, ни мостовых кранов, только-только со дна енисейского поднимались. В статоре — шесть секторов. Тридцать тонн каждый. Чем их поднять? Ждать, когда кран поставят? Палатин походил вокруг тех секторов, прикинул и объявил: «Подымем. Три обычных крана нужны. Застропим траверзой». Как же точно надо было просчитать движение стрелы каждого крана, чтобы они сработали синхронно! Тут и Горев, наш прораб, принял участие. Затовский, наш начальник, на собрании потом говорил, что такая операция на полгода ускорила монтаж первых агрегатов, а значит, и станции.

Мой собеседник, скромный Илья Матвеевич, не учел, что тот же Затовский, рассказывая мне про эту операцию, назвал трех равноправных авторов — Палатина, Калинкина и Горева. Известно мне было от Николая Васильевича Затовского и о других идеях, к рождению которых Калинкин либо причастен был, либо они принадлежали только ему.

На Братской ГЭС установка валов занимала очень много времени и требовала огромных усилий. Тут счет на доли миллиметра идет. Калинкин и бригадиры генераторщиков Василий Яковлевич Сахатырь, Герой Социалистического Труда, и Михаил Михайлович Ждданович нашли остроумный и удобный способ намного облегчить эту ответственную и сложную операцию. Их способ принят, поступил на вооружение академии гидростроительства, коей называют Красноярскую ГЭС. Способ этот уже успешно повторен на Вилюйской и Хантайской ГЭС.

А вот «автограф» и самого Калинкина. При сборке турбины между крышкой и регулирующим кольцом предусмотрен зазор, просто щель. Время от времени в зазор может попасть мусор, и тогда скольжение кольца ухудшается. Казалось бы, какое монтажнику до всего этого дело? Собрал агрегат, как предписано ленинградским заводом,— и баста! А Калинкин стал думать, как предотвратить попадание в эту самую щель всего неположенного. Нашел выход! Ленинградские конструкторы, когда приехали, согласились с ним, внесли в чертежи поправку. Завод исполнил. На двух последних агрегатах, одиннадцатом и двенадцатом, стоят защитные козырьки, придуманные Калинкиным. Рабочим Калинкиным. Будут стоять они весь турбинный век!

Конечно, козырек не бог весть какая важная деталь в огромном теле сложного агрегата. Но сам факт его появления говорит о многом: и о взволнованной душе советского рабочего и о его кровной заинтересованности во всем, что касается дела, которому он служит.

...Солнце, укутанное туманом, было похоже на фонарь в многослойной матовой оболочке. Язычками пламени раздувались ветром флаги на ближних скалах и на здании ГЭС. Флаги в честь пуска станции на полную мощность. В честь людей, создавших ее. И в честь Калинкина тоже.

Илья Матвеевич в ушанке, овчинной куртке стоял у кромки набережной рядом со своим другом Саней Мирохиным. «Эти горы разве горы!» — донесся до меня голос Калинкина, глуховатый, будто простуженный. Проехал «газик», и я не слышала следующей строчки. А ведь пишет все же стихи!..

Образованию Союза ССР — 50 лет

ОРБИТА СОВЕТ

КОММЕНТАРИЙ К БИОГРАФИИ

2.000 верст на автомобилях советского производства

ЭТА ФОТОГРАФИЯ ПЕРВОГО АВТОПРОБЕГА ПЕРВЫХ ДЕСЯТИ СОВЕТСКИХ АВТОМОБИЛЕЙ БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА В 1925 ГОДУ В № 2 «ОГОНЬКА». РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА ПОПРОСИЛА ПРОКОММЕНТИРОВАТЬ ЕЕ С. А. НИКИТИНА, ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО ТЕХНОЛОГА МИНИСТЕРСТВА АВТОМОБИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР.

— В 1925 году география советского автомобилестроения исчерпывалась одной точкой на карте страны — Москва, завод АМО. Сегодня к автомобильной промышленности причастны десятки городов. И что самое примечательное — крепкие корни пустила наша промышленность почти во всех союзных республиках: России, Белоруссии, на Украине, в Грузии, Армении, Латвии. Производство отдельных агрегатов и узлов к автомобилям развернуто в Киргизии, Литве и Казахстане.

А вот и другая мера нашего роста: не одна, как было вначале, а сотни модификаций машин самого различного назначения! Только на Горьковском автозаводе производятся десятки модификаций машин. Грузовые перевозки обеспечивают семь крупных автозаводов: ЗИЛ, ГАЗ, Минский, Кременчугский, Уральский, Кутаисский и Белорусский. Они выпускают машины с бортовой платформой и тягачи, лесовозы и самосвалы, шасси для автофургонов, автоцистерн, автозаправщиков, автолавок и передвижных мастерских, для машин медицинской и ветеринарной службы — словом, предназначенных для обеспечения разнообразных нужд народного хозяйства. Самые «легкие» грузовики — на 0,8—1 тонну — рождаются в Ульяновске; самые тяжелые, специально для карьеров и горных выработок,— в Белоруссии. Уже созданы экспериментальные образцы БелАЗов на 120 тонн.

Бурно пополняется и семейство легковых машин. Особенно быстро наращивает темпы завод в Тольятти, выпускающий «Жигули». Вот совсем недавно была сдана в эксплуатацию вторая очередь Волжского автозавода. Расширяется, как известно, в два раза производство «Москвичей». Реконструируется завод «Коммунар». По плану он к концу пятилетки должен выпускать 140 тысяч «Запорожцев» в год. Но коммунаровцы решили довести это количество до 150 тысяч машин. Для этого во всех цехах ведется работа по увеличению производительности труда и улучшению качества продукции. Уже во второй половине этого года с главного конвейера сборки будет сходить «Запорожец» новой модели — «ЗАЗ-968».

В ближайшие годы легковых машин будет выпускаться больше, чем грузовых.

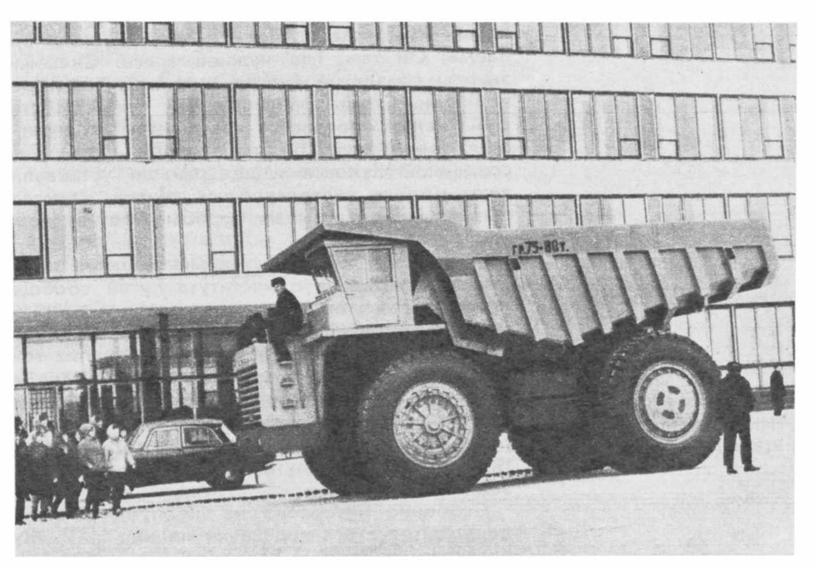
На автобусный парк страны работают заводы во Львове, Кургане, Ликине, Павлове, Риге. В дальнейшем к ним присоединится и завод Урицкого в Энгельсе. Здесь будут делать автобусы на 38 мест.

Вот как далеко шагнуло автомобилестроение от тех первых десяти амовских машин! Сравните три цифры: 1924 год — 10 грузовых автомобилей, 1925-й — 116 (только грузовых), 1940-й — 145,4 тысячи, из них легковых — 5,5 тысячи, а в 1971 году заводами нашего министерства было выпущено свыше миллиона машин. Директивами XXIV съезда КПСС это количество на конец пятилетки должно быть удвоено. За счет чего? За счет расширения и реконструкции существующих предприятий и строительства нового гиганта в Татарии — КамАЗа.

О количественном и качественном росте советского автомобилестроения свидетельствуют все возрастающие поставки за рубеж. В ряде стран созданы посреднические фирмы, которые занимаются продажей советских машин. Наши автомобили идут в страны СЭВ, в Англию, Австрию, Бельгию, АРЕ, Финляндию, ФРГ, Францию, Швецию, Японию — почти в 70 стран мира.

КАМАЗ

СКОГО АВТОМОБИЛЯ

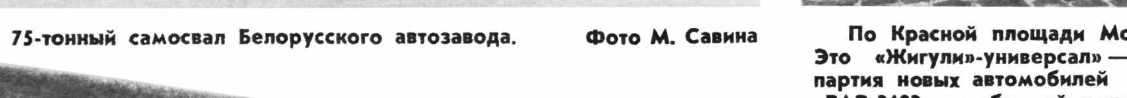

75-тонный самосвал Белорусского автозавода. Фото М. Савина

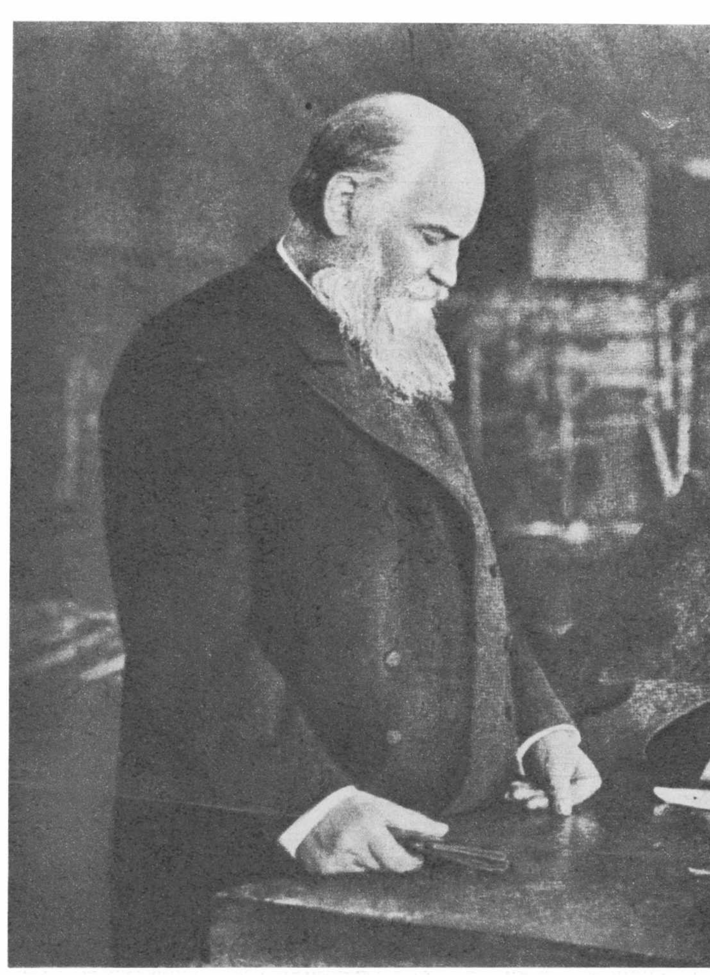
По Красной площади Москвы легко скользит элегантная машина. Это «Жигули»-универсал» — детище Волжского автозавода. Первая партия новых автомобилей была изготовлена в канун Нового года. «ВАЗ-2102» от обычной модели отличается кузовом усовершенствованной конструкции, более объемным, и вместительным багажником. В нынешнем году новый автомобиль будет поставлен на конвейер.

Фото В. Созинова, ТАСС.

Недавно жители Казани с интересом наблюдали за большегрузным автомобилем с веселым солнечно-желтым тентом. Без труда преодолевая подъем, круто разворачиваясь на перекрестках, стремительно двигался он по улицам. Это экспериментальный КамАЗ — машина, которую будут производить на строящемся ныне Камском автомобильном гиганте. В Казань КамАЗ заглянул по пути из Москвы в Набережные Челны.

Фото А. Шакирзянова.

Н. Е. Жуковский.

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

ГОД ЖИЗНИ

Имя прославленного ученого, «отца русской авиации», как назвал Н. Е. Жуковского В. И. Ленин, известно каждому. Кажется почти невероятным, что после победы Октябрьской революции Николай Егорович Жуковский прожил меньше четырех лет,— так много сделал он для развития советской авиации, так органично была связана его работа с жизнью молодой Страны Советов. А ведь профессору Московского университета и Технического училища Н. Е. Жуковскому шел тогда уже семьдесят первый год. Как же встретил старейший ученый революцию! Как участвовал он в коренной ломке старого! Как помогал рождению нового! С этими вопросами наш корреспондент Ванда Белецкая обратилась к начальнику сектора по разработке научного наследия Жуковского и Чаплыгина НАДЕЖДЕ МАТВЕЕВНЕ СЕМЕНОВОЙ.

Ответ на эти вопросы скрывается в пожелтевших страницах архивных документов, многие из которых еще не опубликованы, немногочисленных свидетельствах современников. По крупицам собирали эти скупые сведения сотрудники Музея Н. Е. Жуковского. Достаточно проследить по этим документам жизнь Николая Егоровича лишь в течение одного года, года, следующего сразу после победы Октября, чтобы понять, сколь крепко старый ученый был связан с судьбами своей Родины.

Уже 28 декабря 1917 года он пишет в Технический комитет Главного управления военно-воздушного флота: «Я очень интересуюсь прохождением проектов Аэротехникума и Аэроинститута. Желательно иметь определенные задания для продолжения нашей учебной работы в начале нового года».

Ученый не ждет, когда его позовет революция. Он идет сам добиваться осуществления своей мечты — создания высшего и среднего училищ для авиаторов.

1918 год. Суровый, голодный. В особняке, где помещается теперь Музей Н. Е. Жуковского, чуть теплится камин. Ученый работает. Он по-прежнему читает лекции студентам, считая создание авиационных технических кадров первоочередной задачей, обучает военных летчиков, которые потом будут сражаться с белогвардейцами и интервентами, участвует в решении больших народнохозяйственных задач.

Он продолжает и непосредственно научную деятельность. Выходит в свет коллективный труд «Аэродинамический расчет аэропланов». Готовятся рукописи последней части статьи большой работы «Вихревая теория гребного винта», «Исследование устойчивости конструкции аэропланов». И все это в голодный, холодный восемнадцатый год.

В музее хранится пропуск Николая Егоровича в Народный комиссариат путей сообщения. «Вы знаете,— говорит В. И. Ленин,— как тяжела для страны железнодорожная разруха...» Транспорт — один из ответственнейших фронтов борьбы за революцию. Для его восстановления при Комиссариате путей сообщения созывается особое совещание профессоров и специалистов-практиков. 18 апреля 1918 года начинает свою деятельность Экспериментальный институт путей сообщения. Не прекращая работы в авиации, Н. Е. Жуковский немедленно приходит на помощь железнодорожникам. Итог этой деятельности — научные исследования о движении, силе тяги и колебании паровозов на рессорах.

К концу подходит семьдесят первый год жизни Жуковского. Но его энергия неисчерпаема. Он там, где нужнее всего. Снежные заносы грозят не только путейцам, но и революции. Стоит транспорт, нет связи. И старый ученый ополчается против этой опасности. В аэродинамической лаборатории в Кучине, созданной Жуковским еще раньше, устанавливают модели снегозащитных щитов, на которых изучают механизм борьбы против снежных заносов.

В ноябре 1918 года ученый пишет в совет Экспериментального института путей сообщения: «Мне кажется, что мне удалось открыть истинную причину образования снежных заносов и засорения речного русла... В этих тонких вопросах, как говорил покойный Менделеев, весьма важно, как ведется эксперимент: «с фонарем или без фонаря». Правильная теория есть тот фонарь, который должен осветить запутанный путь решения упомянутых задач...»

Особенно интересно из неопубликованных документов этого года выступление Н. Е. Жуковского на Втором Всероссийском авиационном съезде в Москве 18 июня 1918 года. Но сначала небольшая предыстория. Все документы, относящиеся к деятельности Расчетно-испытательного бюро, о котором говорится в выступлении Жуковского, еще мало известны. А между тем от работы этого научного учреждения идет прямая линия связи к организации Центрального аэрогидродинамического института — прославленного ЦАГИ.

Началось с малого. Управление военно-воздушного флота попросило Жуковского произвести поверочный расчет прочности аэроплана «Фарман-27». Просьба была выполнена, а вслед за ней появилась другая — организовать в аэродинамической лаборатории Технического училища систематические аэродинамические испытания военных самолетов. Отсутствие исследовательского центра, за который в свое время так ратовал Николай Егорович, не очень заметное в мирное время, стало весьма ощутимым в годы войны. По существу, Жуковскому предлагали создать такой центр. В состав нового учреждения (его назвали Авиационным расчетно-испытательным бюро) вошли ученики Жуковского, впоследствии прославленные инженеры и ученые В. П. Ветчинкин, А. Н. Туполев, А. А. Архангельский, К. А. Ушаков, Г. М. Мусинянц, В. М. Петляков, Б. С. Стечкин и многие другие.

Авиационная наука многим обязана деятельности этого научного учреждения.

На Втором Всероссийском съезде авиаторов, на котором выступил Жуковский, присутствовало около 250 делегатов. И особенно интересно, что, принимая свои решения, съезд отводит Н. Е. Жуковскому и возглавляемому им коллективу руководящую роль по созданию советской авиации и поддерживает все предложения Жуковского.

Публикуемая с сокращениями речь Жуковского хранилась у его ученика В. П. Ветчинкина и была передана им работникам музея. В документах съезда она почему-то отсутствовала.

В этой речи особенно интересны идеи Жуковского о связи теории с практикой, характерное для почерка ученого отношение его к ученикам, мысли о коллективной работе исследователей.

Речь заслуженного профессора Н. Е. Жуковского на общем заседании II Всероссийского авиационного съезда в Москве 18 июня 1918 года

...Управление Воздушного Флота согласилось устроить Расчетно-Испытательное Бюро. Оно организовалось при Высшем Техническом

Училище в Москве. Начал работать я, окруженный моими учениками. Приношу им высокую благодарность. Просто, как ученый, я не разобрался бы в этих делах. Расчетно-Испытательное Бюро работает 2 года. Из наших работников 6 человек представили проекты аэропланов новых систем и получили звание инженер-механиков. Один из этих проектов — гидроаэроплан, представленный нашим инженером Туполевым, представляет выдающееся исследование, как он подымается с воды, как садится на воду, и благодаря исследованию молодого ученого, который воспользовался английскими опытами, это дело вполне выяснилось. Если бы эти исследования были напечатаны, то они составили бы славу для русской ученой авиации.

Повторяю, что мы имеем за последний год, когда возникает вопрос, жизненно ли Расчетно-Испытательное Бюро, 5 проектов новых аэропланов, которые составлены моими учениками.

Расчетно-Испытательное Бюро уже издало 6 выпусков своих трудов, которые вы можете получить. Многие работы уже окончены и ждут только напечатания, а 2 уже напечатаны и только не положены в обложку.

Самое важное для меня, повторяю, как старого ученого,— образовавшееся соединение практики с теорией. Некоторые из моих учеников летают, любят летать, знают, что тут на самом деле происходит, суть явления для них совершенно ясна. Дело темно, пока явление стоит в чисто теоретической области. Но когда оно соединено с настоящей практикой, а наблюдатель аэроплана вместе с этим и ученый и умеет немножко и сам править, то тонкие части вопросов, которые оставались темными, разъясняются.

Вопрос о том, жизненна ли деятельность Расчетно-Испытательного Бюро, мне кажется совершенно странным. Сначала, тогда можно было подымать вопрос о жизненности Бюро и говорить, то-то не умеют проектировать, этого не знают, а не теперь, когда у нас разъяснились самые главные обстоятельства. Например, у нас разрешен вопрос о посадке, т. е. выяснено, с какой высоты данный аппарат способен выдержать парашютирование, не поломав себе шасси, и с какой скоростью при этом он подойдет к земле. Это для нас теперь совершенно ясно.

Перейду к вопросу о винтах. В старину решали Ранкин и другие ученые, но к окончательному решению не пришли. Для всякого аппарата, для его скорости и для его мотора нужен особый винт. Решение вопроса о типе этого винта принадлежит чести Расчетно-Испытательного Бюро. Прежде винт пригонялся к данному аппарату практически, причем винты часто имели низкий к.п.д. вследствие неудачного подбора. Теперь мы имеем полную возможность подсчитывать винт по данным условиям его действия.

Все эти результаты накоплены аэродинамическим Бюро.

И, господа, вам надлежит судить, жизненно ли Бюро.

...Сентябрь 1918 года. Н. Е. Жуковский ставит в НТО ВСНХ вопрос о достройке большой аэродинамической трубы МВТУ, 9 октября авиасекция ВСНХ слушает проект организации аэродинамической секции и Центрального аэродинамического института. На квартире Николая Егоровича с 4 по 19 ноября разрабатывается подробное положение о ЦАГИ, а 23 ноября за подписью Жуковского и Туполева посылается в НТО ВСНХ. Центральный аэрогидродинамический институт — венец деятельности Жуковского — начал работать с 1 декабря 1918 года...

«Николай Егорович был великим патриотом. Он глубоко любил свою Родину. Он болел ее несчастьями, болел ее горестями и всегда хотел быть ей полезным.

Вы помните, когда пришла Советская власть и у Николая Егоровича появилась возможность работать вместе с коллективом, который у него собрался, работать шире и быть полезным нашей Родине, ни один, никто из нашего коллектива ни одной минуты не колебался. Отсюда та жизненность и то развитие, которые получили в дальнейшем его идеи в работах его учеников» — так говорит о своем учителе старейший советский авиаконструктор Андрей Николаевич Туполев.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

В БОРЬБЕ ЗА САМОЕ ГЛАВНОЕ

Виталий **КОРИОНОВ**

Фокусом мировой политики по-прежнему остается борьба прогрессивных сил человечества за упрочение мира. Эта борьба носит отнюдь не академический характер. «Партия войны» в империалистическом стане не складывает оружия.

Недавно один из исследователей подсчитал, что если бы каждую секунду на землю падал доллар, то понадобилось бы 126 тысяч лет, чтобы собрать сумму, которую к 1980 году мир будет тратить на вооружение (имеются прежде всего в виду долгосрочные военные заказы Пентагона). Такие гигантские суммы летят на ветер в то время, когда 10—15 процентов людей на земле голодают, от трети до половины людей недоедают, 800 милионов остаются неграмотными.

Но милитаристам и этого кажется мало. Они вновь и вновь раскручивают маховик гонки вооружений. Силы вчерашнего дня судорожно силятся изменить основную тенденцию современности — укрепление сил социализма, прогресса и мира, возвратить человечество в окопы «холодной войны».

Тон здесь задают, разумеется, американские милитаристы. Логика их просто поразительна. На днях «Нью-Йорк таймс» поместила статью У. Бичера, в которой сообщается, что американское правительство, «исходя из слишком медленных, по его мнению, темпов нынешних переговоров о сдерживании гонки стратегических вооружений» подумывает... О чем бы вы думали? Оказывается, заботы, которые обуревают вашингтонских лидеров, сводятся к тому, чтобы утвердить на финансовый год, начинающийся в июле, военный бюджет в размере около 83 миллиардов долларов, то есть примерно на 5 миллиардов больше, чем предусмотрено в бюджете на текущий год. И это выдается за акцию мира!

Чтобы заставить налогоплательщика еще больше раскошелиться во имя Молоха войны, агрессивные круги пускают в ход все средства. Последнее из них — «Операция тревога», развертывающаяся в США в последние дни. Организуется «поход», цель которого — «предупредить американский народ о серьезности советской военной угрозы». «Америка в опасности» — оглушают обывателя организаторы этой непристойной провокационной затеи.

От хозяев спешат не отстать и их лондонские «клиенты». На днях консервативная газета «Дейли телеграф» опубликовала доклад некоего «института по изучению конфликтов», в котором содержится все тот же тезис о «беззащитности» капиталистического Запада. «Силы НАТО уже сокращены до «критического минимума», и дальнейшие сокращения невозможны»,— с самым серьезным видом изрекает сей «институт».

Так пытаются обмануть народы, заставить их безропотно тянуть ярмо изнуряющей гонки вооружений.

Но народы отвергают эту безрадостную перспективу. Народы многому научились в нашем столетии. Взор человечества ныне куда более зорок и бдителен в отношении происков зачинщиков военных авантюр, чем, скажем, лет пятьдесят назад.

Ныне на страже мира стоят могучие силы. Главная среди них — Советский Союз и другие социалистические страны, объединяемые Организацией Варшавского договора.

Социалистические страны, являющиеся наиболее динамично развивающимся индустриальным районом мира, представляют собой самый надежный бастион мира на земле. Целеустремленно и последовательно отстаивают они дело всеобщего мира, вносят наиболее весомый вклад в дело достижения европейской безопасности. Всемерно укреплять позиции мирового социализма, добиваться дальнейшей консолидации социалистических государств, дальнейшего развития дружбы и сотрудничества с ними — в этом наша партия, наша страна видят одну из основных задач своей международной политики.

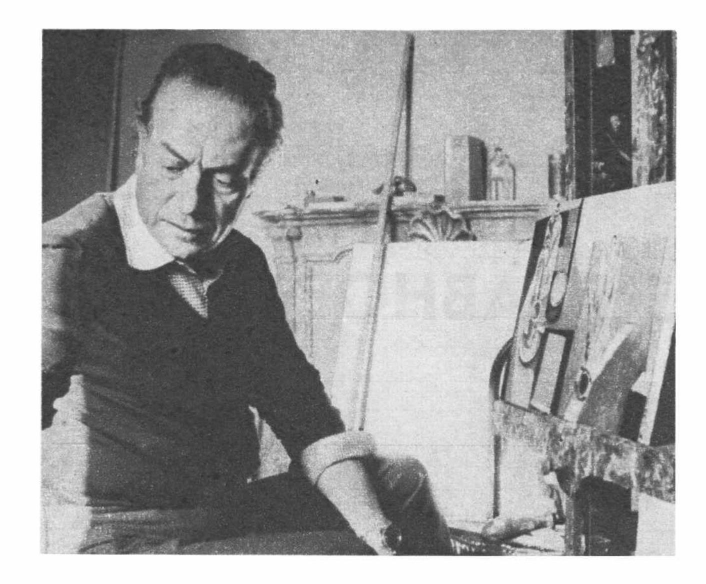
Провозглашенная XXIV съездом Коммунистической партии Советского Союза Программа мира в короткий срок проявила себя как действенная сила изменения международной обстановки в пользу мира и безопасности народов. Жизнью доказывается, что осуществление этой программы означает улучшение условий строительства коммунизма в СССР, социализма в других социалистических странах, создает надежные предпосылки прочного мира во всем мире.

Растущая решимость народов взять дело мира в свои руки составляет одну из наиболее характерных черт современной международной обстановки. Это еще раз подтвердила закончившаяся недавно в Брюсселе консультативная встреча представителей общественности 27 европейских стран, принявшая решение провести в Бельгии в июне этого года ассамблею представителей европейской общественности за безопасность и сотрудничество. А до этого в феврале в другой европейской столице — Париже состоится Всемирная конференция против войны в Индокитае.

Все более широкую международную поддержку получает выдвинутое Советским Союзом и другими социалистическими странами предложение о созыве общеевропейского совещания государств. Теперь уже ряд правительств несоциалистических стран Европы призывает приступить к практической подготовке совещания с тем, чтобы создать условия для проведения этого совещания в 1972 году.

Силы социализма и мира сохраняют историческую инициативу в своих руках. Это — гарантия того, что зловещие замыслы империалистических противников мира будут сорваны.

Н. ПРОЖОГИН

РЕНАТО ГУТТУЗО

На склонах Квиринальского холма сохранилось несколько уголков старого Рима. Маленькая, неправильной формы, с крутопокатой мостовой, площадь Дель Грилло нижней своей стороной примыкает к руинам Форума Августа. Сверху выход на нее замыкает башня XIII века. А сама площадь застроена зданиями XV—XVIII веков. Что здесь старо, что ново?

Последний из маркизов Дель Грилло, чья семья дала название и башне, и площади, и спускающейся к ней улочке, умер лет сто назад. Принадлежавший ему дворец разделен на квартиры. В одной из них живет Ренато Гуттузо.

В том же доме, на верхнем его этаже, находится мастерская художника.

— Здравствуйте. Как вы поживаете? Садитесь, пожалуйста.— Гуттузо явно нравится произносить по-русски эти запомнившиеся в Москве слова. И он добро улыбается.

Обычно я устраиваюсь не на стуле, а на приступочке у окна, из которого видны черепичные крыши домов, купола церквей и микеланджеловская башенка Капитолия. Отсюда, не загораживая света, я могу лучше наблюдать за работой художника.

Недалеко от окна, посредине большой комнаты, скорее даже зала с расписанным потолком и карнизами, стоит массивный мольберт. Вокруг него — низенькие столики с красками, кистями, наборами карандашей, телефонным аппаратом, вырезанными из журналов фотографиями, пепельницами. Несколько стульев. Диванчик для натурщицы. Газовая печка. В дальнем углу — стол, заваленный рисунками и этюдами.

Вдоль гладко выкрашенных стен расставлены подрамники с натянутым на них холстом. Некоторые картины уже закончены, другие только начаты. Прищурившись, Гуттузо окидывает их взглядом и, выбрав одну, ставит ее на мольберт. Часто это натюрморт. Художник не сооружает для него специальных композиций, а пишет окружающие его вещи: груды полувыжатых тюбиков с потеками краски, раскрытую на недочитанной странице книгу, стулья с вмятыми плетеными сиденьями, наброшенный на спинку кресла пиджак — то, что повседневно и непосредственно связывает его с миром предметов, с предметным миром. И, перенесенные на холст, эти вещи продолжают жить, хранят на себе след его прикосновения, тепло его рук.

Гуттузо рассказывает, что писать натюрморты вошло в привычку с молодых лет — со времен фашистской диктатуры. Тогда изображение повседневных, обыденных предметов было для него своего рода протестом против ложного пафоса официального искусства. А иной раз они выражали и политические взгляды художника: среди простых вещей на столе лежал молот или серп.

Теперь место натюрморта иногда занимает пейзаж. Художническая память Гуттузо поразительна. Как-то я застал его в римской мастерской пишущим морской пейзаж с куском скалистого берега. Вода на полотне была такой синевы, воздух такой кристальной прозрачности, как можно увидеть только на Капри. Оказалось, что он ездил туда недавно и теперь захотел по памяти написать вид, открывавшийся из окна его номера в гостинице.

Мне думается, что, работая над натюрмортами или пейзажами, Гуттузо, быть может, подсознательно стремится не давать самому себе ни дня передышки, постоянно совершенствуя свое мастерство, тренируя глаз и руку.

Однажды мне посчастливилось наблюдать за началом его работы над большим портретом. Сбоку от мольберта стоял, позируя, молодой художник Франко Анджели. Рисуя углем контуры фигуры, Гуттузо поддерживал беседу. Я заметил, что больше всего в таких случаях он любит говорить о политике — о положении в Италии или о последних событиях в мире. К политике, как и к искусству, он относится профессионально. Его суждения продуманны и четки. В тот раз он расспрашивал меня о жизни в Советском Союзе.

Гуттузо хорошо знает нашу страну, наши достижения и наши трудности. Отвечая как-то одной буржуазной итальянской газете на антисоветский выпад, он писал, что никакие трудности не могут поколебать в нем «убеждений интернационалиста и верности Коммунистической партии Советского Союза». Для него современный мир немыслим без «силы коммунистических партий и среди них той партии, которая совершила Великую Октябрьскую социалистическую революцию и основала первое социалистическое государство».

Сеанс продолжался немногим более часа. За это время фигура во весь рост была хоть и начерно, но закончена. Подозвав нас к мольберту, Гуттузо спросил наше мнение. Франко сказал, что набросок ему нравится, но не следует ли немного приподнять голову. Мне тоже показалось, что столь сильный наклон головы неоправдан. Гуттузо взял тряпку, стер какие-то ненужные ему штрихи, но до рисунка головы не дотронулся.

Во время этого сеанса я сделал несколько фотографий и, проявив пленку, на первом же кадре увидел Франко Анджели именно в той позе, которую схватил Гуттузо. Когда же портрет был закончен, сомнений оставаться не могло. Эта поза наиболее полно выражала характерную для Анджели внутреннюю напряженность, хотя он и пытается скрывать ее.

Как всегда за работой застал я Гуттузо и в последнюю недавнюю нашу встречу в день его отъезда на Сицилию, куда он уезжал с женой, чтобы встретить там Новый год и день своего рождения.

...Взобравшись на каменное чудище, мальчишка внимательно, с интересом, но и тревогой всматривается в даль. Чудище — одна из каменных фигур, установленных на стене, огораживающей знаменитую виллу Палагония в маленьком городке Багерия, находящемся неподалеку от Палермо и служившем некогда местом летнего времяпрепровождения сицилийской знати. Мальчишкой, оседлавшим каменную статую, изобразил себя на картине из автобиографического цикла Ренато Гуттузо. Он родился шестьдесят лет назад и вырос в этом уже обедневшем тогда городке.

Когда-то Гете, посетивший Багерию, отозвался о статуях виллы Палагония более чем скептически. Они показались ему только странными и уродливыми. Не следует, однако, забывать, что Гете совершил путешествие по Италии в поисках образцов античной красоты.

А вот статуи — карикатуры виллы Палагония, наверно, могли бы вдохновить Гойю. Они были одним из самых первых жизненных впечатлений Гуттузо и своей экспрессивностью впоследствии повлияли, как он сам считает, на формирование его художественных взглядов.

Как художник Гуттузо сложился на севере, в Милане. Со временем он впитал в себя богатейшее наследие европейской культуры. В его картинах чувствуется влияние, нет, лучше сказать, преклонение перед Микеланджело и Дюрером, Гойей и Делакруа, Караваджо и Курбе. Но, не зная Сицилии, трудно понять специфику гуттузовского творчества.

В итальянском названии Багерии угадывается старое арабское: Баб эль-Герид, что значит Ворота Ветра. Говоря это, я думаю не столько о вьющихся волосах Ренато и его лице сарацина, сколько о ярости красок и неистовости многих художественных образов его картин.

На Сицилии все видится крупным планом, жизнь смотрится словно через увеличительное стекло: великолепие природы и человеческая нищета, широта народной души и низменные страсти политиканов. Все чувства, будь то радость или горе, проявляются там особенно бурно. Не случайно стиль барокко, господствующий в облике старых сицилийских городов, получил там столь пышное развитие. Местные мастера даже каменные колонны заставляли извиваться змеей. В фантастически изогнутых стволах старых оливковых деревьев, в причудливых складках драпировок, в замысловатом плетении корзин и узорах листьев, которые так любит рисовать Гуттузо, угадываются воспоминания о фасадах палермитанских церквей. Впрочем, для насыщенного остроты социальными проблемами творчества Гуттузо куда важнее то, что противоречия современного капиталистического мира также проявляются на Сицилии особенно контрастно и обнаженно.

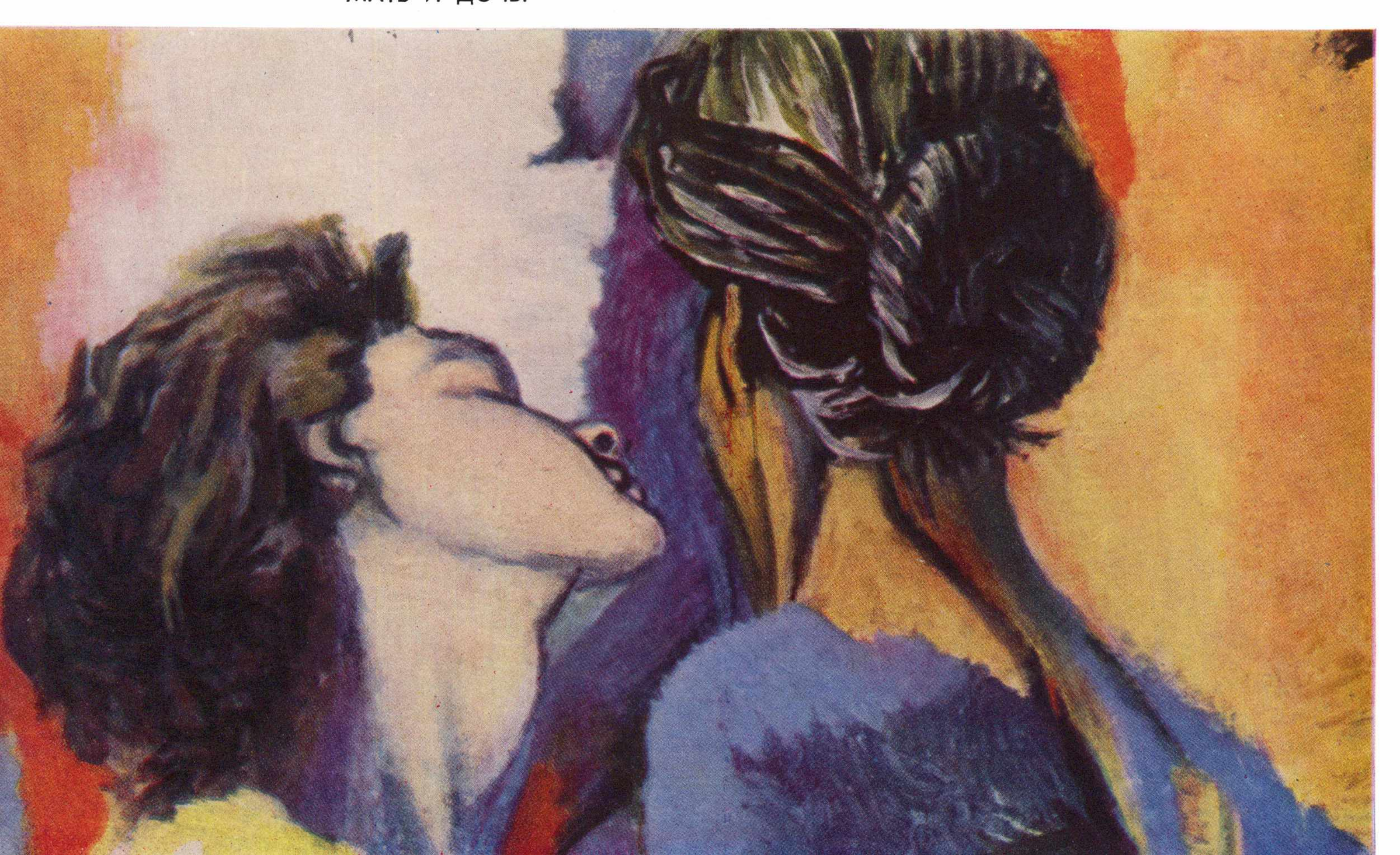
Ренато Гуттузо. СПЯЩИЙ РЕБЕНОК.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ. ЛОМБАРДИЯ.

Ренато Гуттузо. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЕСТ СПАГЕТТИ.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Несколько лет назад Гуттузо написал цикл автобиографических картин. Об одной из них я уже упоминал. Цикл открывается картиной, названной «Сицилия — это остров». Используя технику коллажа, художник наклеил на полотно старую карту и вырезанную из журнала фотографию — опрокинувшийся мотороллер и истекающий кровью человек. Рядом нарисованы две фигуры рыдающих женщин. Поясняя свой замысел, Гуттузо говорит:

— С того времени, когда я был мальчишкой, на Сицилии мало что изменилось. Там все еще существуют латифундии, неграмотность, мафия, преступление, горе. Остров по-прежнему такой же, каким был тогда, когда вычерчивалась эта карта времен господства Бурбонов. Убитый человек между живых изгородей из колючих кактусов и женщины, плачущие за закрытыми ставнями,— все еще неотъемлемая часть его пейзажа.

Долина, спускающаяся от Багерии к Палермитанскому заливу. Розовато-золотистое небо и светлая, почти белесая полоса залива, отгороженная от моря скалистым мысом, за которым уже скрылось солнце. На переднем плане у корней оливкового дерева белеет череп. Его можно было бы принять за дань памяти предкам, лежащим в этой земле. Так старые итальянские художники изображали под распятием череп прародителя Адама. Но на картине Гуттузо есть еще одна деталь, придающая ей особое звучание. В плавную мелодию выдержанного в серовато-жемчужных, «вечерних» тонах этого во всем остальном столь мирного, даже идиллического пейзажа врываются два ярко-желтых тревожных световых аккорда: крупно нарисованные половинка разрезанного лимона и завиток срезанной спиралью лимонной кожуры.

В прошлом году я ездил в Багерию вместе с Гуттузо. Больше всего из этой поездки мне запомнились одуряющий запах лимонов и то, как передавалась из уст в уста новость: неподалеку от города в пещере нашли скелет. Люди говорили: «Лучше бы о таких находках ничего не сообщали. Они лишь растравляют старые раны вдов и сирот».

Понятно, почему многие картины из автобиографической серии Гуттузо посвящены родной художнику Сицилии — обездоленному краю нищеты, насилия, человеческого горя и надежд. Но это не просто одни лишь воспоминания. Из многообразия жизни художник выбрал те эпизоды, которые и сегодня звучат так же актуально, как полвека назад.

Вот еще один из них: «Отправление парохода на Неаполь». Неаполь — первый этап дальнего пути многих сицилийцев, вынужденных и сейчас покидать дом, семью в поисках работы на чужбине. Борт парохода, край причала. Лица уезжающих и лица провожающих. Деревянный чемодан на чьем-то плече. Мужчина, держащий на руках мальчонку с такой тоненькой шейкой и так трогательно оттопыренными ушами, что сердце сжимается. Запрокинутая вверх голова девушки, ищущей взглядом кого-то, уже поднявшегося на палубу. Мозолистая рука, сжимающая в прощальном жесте белый платок.

Интересно сравнить эту картину с другой, не имеющей к автобиографическому циклу отношения и названной с теплой улыбкой «Франкфуртские расставания». Художник написал сценку: крепко обнявшись, стоят парень и девушка. От картины веет лирической грустью. Но, глядя на нее, и правда хочется улыбнуться, потому что вероятнее всего это расставание до завтрашнего дня. Как не похоже ее настроение на драматизм «Отправления парохода на Неаполь».

Как-то, рассказывая мне о своей жизни, Гуттузо сказал:

— Проводы отъезжающих на Сицилии — всегда большое событие. Ведь многие уезжают далеко и навсегда.

А все же и в этой, казалось бы, специфически сицилийской по своему сюжету картине художник поднимает тему, способную взволновать человека, где бы он ни родился и ни жил. Он нашел ее даже у Данте. Я вспоминаю один из чудных рисунков Гуттузо к «Божественной комедии»: лодка. Женщина, кормящая грудью ребенка. Мужчина, печально уронивший голову на ладони. Парень, перебирающий струны гитары, и другой, глядящий в море, за которым уже не видно берега... Под рисунком стихи поэта:

В тот самый час, когда томят печали
Отплывших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали...

Характерно отношение Гуттузо к самой работе над иллюстрациями к «Божественной комедии», которые он, впрочем, предпочитает называть «рисунками на дантовские темы». «В поэзии Данте,— говорит художник,— меня привлекли прежде всего те неизменные чувства, которые испытывал человек XIV века и которые будут волновать его в XXI веке. Я использовал в рисунках и современные персонажи. Их пороки помогли мне осознать Данте, воплотить то, что хотел сказать поэт, заклеймить убийц, тиранов, подлецов, которых я знаю так же, как он знал тех, что жили в его время».

Видимо, сила таланта Гуттузо наряду с его мастерством реалиста в том и заключается, что, отправляясь от конкретных жизненных событий, он придает им характер большого художественного обобщения. Такова уже самая первая по времени значительная работа Гуттузо «Бегство с Этны во время извержения» — картина, написанная им в 1938 году. Нет, на ней изображено не стихийное бедствие, а ужасы грядущей войны, которую художник уже предчувствовал в наглой интервенции, развязанной фашистами против республиканской Испании. Недаром историки искусства называют ее теперь итальянской «Герникой», имея в виду знаменитое панно Пикассо.

«Стенная газета», май 1968 года, писалась по горячим следам событий во Франции. Но Гуттузо не иллюстратор. Так же как графическая серия военных лет «Gott mit uns» («С нами бог» — надпись на ременной бляхе солдат гитлеровского вермахта), бичевавшая нацистские зверства в оккупированной Италии, даже политические рисунки Гуттузо, которые он делает для «Униты», никогда не являются хроникой в прямом смысле этого слова. Тем более не мог он пойти по пути фиксации конкретных, хотя бы и очень важных самих по себе фактов в таком монументальном произведении, каким была им задумана и выполнена «Стенная газета». Конечно, баррикада, мостовая здесь парижские. Но объятые пламенем здания напоминают скорее американские небоскребы, нежели дома Парижа, а некоторые этюды демонстрантов делались с натуры прямо в Риме. Да и обрамлена картина деталями, отражающими события, происходившие очень далеко от Франции, но связанные с «парижским маем» не только по времени. Это и борьба американских негров за гражданские права, и борьба народов Латинской Америки, и война во Вьетнаме, за ходом которой так пристально следит художник. Вчера взрыв произошел во Франции, завтра он может случиться в любой другой капиталистической стране, словно говорит Гуттузо.

Близка «Стенной газете» не по сюжету, но по своей теме центральная часть триптиха «История Лота», также написанного в 1968 году. Заимствуя библейский сюжет, художник предрекает гибель, взрыв изнутри современного Содома буржуазного мира.

Иногда говорят, что Гуттузо — художник трагического склада, что ему больше удаются картины, изображающие разрушение, страдания, гибель людей. Думаю, что это верно лишь постольку, поскольку время, в которое он живет, насыщено многими драматическими событиями и художник не чувствует себя вправе оставаться равнодушным к ним. Его детство пришлось на годы первой мировой войны, юность совпала с установлением в Италии фашистской диктатуры. Он возмужал в антифашистской борьбе, в которой пали многие его близкие друзья, и сам он тогда не раз смотрел смерти в лицо.

Но его картины говорят и о другом. Трудно сказать, чего больше — солнца или сыновнего тепла — в портрете отца, входящем в автобиографический цикл. Джиоккино Гуттузо был бедным землемером, жившим среди крестьянской бедноты, но память о нем и сейчас жива на Сицилии, его именем названа школа в Багерии, в Палермо недавно вышел посвященный ему сборник. Он участвовал в организации кооперативного движения на Сицилии, пропагандировал среди крестьян агрономические знания. Его интерес к литературе и искусству — Джиоккино Гуттузо писал стихи и рисовал — сыграл определенную роль в пробуждении художественного призвания Ренато, которое отец понял и поддержал, хотя оно, казалось, не сулило сыну в жизни никаких благ.

А сколько света, радости жизни в картине, посвященной народному художнику Эмилио Мурдоло — мастеру, расписывавшему, как это было принято на Сицилии, борта тележек сценами из поэм Тассо и опер Верди! Он был первым да и единственным учителем Гуттузо в живописи.

В московском Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина хранится подаренная Гуттузо картина «В космосе». Это портрет пионера космонавтики Ю. А. Гагарина и в то же время торжественная песнь славы сыну человеческому, дерзнувшему преступить порог земного притяжения.

Год назад Гуттузо выставил первые полотна из серии «Посещения», которую он еще намеревается продолжить. Как поэтичны и лиричны те из этих больших панно, на которых изображены желанные художнику «гости» — сидящий за столом Пикассо или сошедший со своего автопортрета Дюрер с распущенными по плечам золотистыми волосами. На другом — легким и широким шагом входит через широко распахнутую дверь в дом художника молодая женщина. Нет, олицетворение самой весны. Пожалуй, трудно найти в западной живописи нашего времени столь совершенное выражение современного идеала юности, грации, женственности.

...В эти дни на общенациональной выставке итальянских художников в Милане демонстрируется новая большая композиция Гуттузо, насыщенная острым политическим содержанием. Она называется «Последние известия». На фоне городского пейзажа, который может быть уголком того же Милана или любого другого западного города, стоит увешанный свежими выпусками газет и журналов киоск. А рядом, здесь же, на улице этого западного города, словно сойдя с газетных страниц, знакомые по фотографиям в печати образы: вьетнамский партизан, расстрелянные антифашисты, люди, отдавшие и отдающие свои жизни в борьбе за независимость, за мир, за социализм. Художник знает сам и напоминает другим, что борьба за свободу, где бы она ни происходила, касается каждого честного человека, живущего на земле.

Мне думается, что в этой последней по времени написания большой картине Гуттузо выразил сущность своей политической позиции в искусстве — он не только свидетель событий нашего времени, он непосредственный и активный их участник. Конечно, не случайно и, добавлю, с полным основанием художник изображал самого себя во многих своих полотнах. Мы видим его лицо в «Бегстве с Этны во время извержения» и в потрясающей силы «Распятии» 1941 года, вызвавшем скандал в клерикальных кругах...

Когда вскоре после окончания второй мировой войны и освобождения Италии Ренато Гуттузо писал картину «Битва гарибальдийцев на мосту Аммиральо», он и в ней изобразил себя на месте своего деда — участника этого сражения. Да и в других персонажах, окружающих Гарибальди, узнаешь борцов движения сопротивления фашизму. Взявшись за оружие, поколение Ренато Гуттузо продолжило борьбу за свободу Италии, начатую их дедами, но ими поднятую на новую ступень.

Гуттузо вступил в Итальянскую коммунистическую партию еще в 1940 году, когда она находилась в глубоком подполье. Сейчас он является одним из ее видных руководителей — членом ее Центрального Комитета. Гуттузо был рожден, чтобы стать художником. Жизнь сделала его революционером. Художник, борец, мыслитель слиты в нем воедино. Через всю жизнь пронес он свою главную тему — тему борьбы добра против зла, света против тьмы, человеческих мук и неистребимой человеческой надежды.

Сказать, что Ренато Гуттузо встречает свое 60-летие в расцвете творческих сил, значило бы отделаться общей фразой. Начиная с автобиографического цикла, то есть с 1966 года, Гуттузо вступил в новый, счастливый период своего творчества. По силе социального анализа действительности и художественной выразительности его произведения последних лет принадлежат к лучшим образцам искусства нашего века.

Рим.

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Василий НЕКРАСОВ

Рисунок И. МИХАЙЛИНА.

РАССКАЗ

1

Уже давно свыкся с холостяцкой жизнью Иван Захарович. Дни проходили в суете и постоянных разъездах по участку. Но все же иногда в душе будто прорывалось что-то тайное и больное, глубоко скрываемое не только от людей, но и от самого себя. И тогда печальной гостьей приходило и раздумье, и грусть, и воспоминания о короткой, мимолетной весне его жизни...

В этот раз он возвращался домой с областной конференции медицинских работников.

Ожидая поезд, он долго шагал по маленькому привокзальному скверу. Резкий ветер протяжно завывал в обнаженных деревьях, широко раскачивая матовый шар фонаря. По мокрой, туго поскрипывающей под ногами дорожке металась черная неуклюжая тень. Где-то во тьме надоедливо хрипел маневровый паровоз.

Горькая досада на так нелепо сложившуюся личную жизнь поднималась у Ивана Захаровича. Ну, вот он приедет сегодня домой. А кто ждет его? Один лишь пес Нерон. А хотелось семейного уюта, тепла, дружеского участия...

На конференции много говорили о Киндяковской больнице — приводили в пример как одну из лучших в области. В газете об Иване Захаровиче был помещен большой очерк с его портретом. Этот очерк очень смутил и встревожил его. Он почувствовал себя как бы обнаженным перед всеми; о многих сторонах своей жизни он не говорил даже самым близким и друзьям своим...

«Ну зачем, зачем надо было писать об этом?— с досадой думал Иван Захарович,— ведь это же мой долг, моя обязанность...»

...В вагоне было пусто, неуютно. Закопченный фонарь, беспомощно мигая, еле-еле освещал длинный, теряющийся в сумерках проход. За окнами глухо чернела осенняя тьма, бежали бескрайние полевые просторы с тусклыми огоньками невидимых селений.

Говорливый перестук колес, равномерное покачивание вагона навевали дремоту. Иван Захарович, плотнее запахнувшись в пальто, сидел с закрытыми глазами; часто бывая в разъездах, он привык спать в любых условиях. Но на этот раз заснуть он не мог. Приходили на память подробности этих суматошных четырех дней: заседания, посещения театров, встречи с друзьями... С навязчивой назойливостью его преследовал разговор с главным врачом центральной областной больницы. Тот снова (в который уже раз!) предложил Ивану Захаровичу перейти из Киндякова в областную больницу на должность заведующего хирургическим отделением.

— Ну, батенька мой, ровным счетом ничего не понимаю!— услышав категорический отказ, раздраженно воскликнул он.— Такое заманчивое предложение, а ты?.. Н-нет, дружище, в наше время люди поступают умнее. Караси-идеалисты сейчас не в моде...

— Это я-то «карась-идеалист?»— рассмеялся Иван Захарович.— Нет уж, Киндяково я не променяю ни на какие блага...

В полночь поезд подкатил к станции, окруженной могуче разросшимися тополями. Яркая полоса света из окна конторы косо лежала поперек мокрого перрона. Ещя стоя в тамбуре вагона, Иван Захарович увидел больничного конюха в длинном брезентовом плаще, с надвинутым капюшоном.

— Ну вот, в аккурат и приехали,— сказал Илья Кузьмич, помогая Ивану Захаровичу сойти с подножки.

— Здравствуй, Илья. Ну, рассказывай, как тут? Все ли в порядке?

— Бог милует, Иван Захарович.

— Вызовы были?

— Из Малинок однова́ приезжали. Да так, по малому делу.

Они свернули за станцию. Кузьмич, хлюпая грязью, исчез во тьме. Неподалеку хрустела овсом лошадь, побрякивая уздечкой.

Садясь в тележку, Иван Захарович с легким сердцем подумал:

«А ну ее к шутам, областную больницу — там-то без меня обойдутся. Здесь я нужнее в тысячу раз...»

Издали, сквозь поредевший парк, замелькали огоньки. Из мрака выплыла смутно белеющая башенка с железным, уныло поскрипывающим флюгером; когда-то она обозначала границу усадьбы князей Мещерских. Широкая аллея столетних лип вела к дому. В вышине стоял ровный дремотный гул.

Иван Захарович едва успел переступить порог передней, как ему на грудь бросился Нерон — мохнатый, темно-рыжий сеттер.

— Соскучился, старик? Ну, здорово, здорово!..— потрепал он его шелковистые, теплые уши. Пес усердно прыгал, пытаясь лизнуть хозяина в лицо.

Каждый шаг Ивана Захаровича гулким эхом отзывался в этом древнем, обжитом многими поколениями доме. Он включил свет — под высоким дубовым потолком вспыхнула старинная люстра. Большая, с черным мраморным камином в углу и высокими узкими окнами комната была по-холостяцки неуютной. Ничего лишнего: кровать, стол, широкий диван и два шкафа, доверху набитых книгами. Единственное украшение — сиявшая тусклой позолотой круглая рама какого-то фамильного портрета. С потемневшего полотна как бы с укором и удивлением смотрели грустные синие глаза бледной женщины с полными обнаженными плечами, утопающими в пене кружев...

Сбросив пальто, Иван Захарович закурил

трубку. Вот он и дома. Тишина и одиночество! Лишь за стеной уныло воет осенний ветер.

Он устало опустился на кровать. Нерон, постукивая об пол хвостом, положил ему на колени голову и понимающим взглядом уставился на хозяина.

— Такие-то, старик, дела! — сказал Иван Захарович, — скучновато мы с тобой живем. Скучновато... — И как бы отвечая на свои тайные мысли, в раздумье добавил: — Да, а хотелось бы все-таки знать, где-то наша Ольга Андреевна? Может быть, ее давно уже нет в живых, а я, старый дуралей, все еще вспоминаю и жду ее...

С зажатой в зубах трубкой Иван Захарович долго лежал и думал об Ольге.

Нет, никогда не забыть ему первой зимы, которую они после свадьбы провели в этом старом княжеском доме.

Почти каждый день, в любую погоду, они на лыжах уходили в поле. Возвращались глубокими сумерками. Он, не зажигая лампы, затапливал камин. Яркое трескучее пламя жадно охватывало сухие березовые поленья. В высоких синих окнах лучисто вспыхивали ветвистые морозные узоры.

— Ванечка, милый... Мы с тобой как в средневековом замке... — таинственно шептала Ольга, забираясь с ногами на широкий кожаный диван. Набросив на плечи белый пуховый платок, она брала в руки гитару.

И как она была хороша тогда, в зыбком полусвете камина!.. На матово-бледном лице с широкими дугами бровей сияли крупные цыганские глаза. На грудь падала тяжелая черная коса.

Иван Захарович готов был целыми вечерами слушать ее пение. И даже вот сейчас, по прошествии стольких лет, в ушах у него все еще продолжал звучать ее мягкий, грудной голос:

Не сиди, мой друг, поздно вечером,
Ты не жги свечу воска ярого.
Ты не жди меня до полуночи,
Ах, прошли, прошли наши
красны дни...

Это была ее любимая песня...

А потом?..

Иван Захарович, приподнявшись на локте, заложил в трубку новую щепоть табаку. Зажег спичку.

— А все-таки иначе я поступить не мог. Никак не мог, — как бы пытаясь убедить кого-то вслух, редко роняя слова, сказал он. — Да, да, не мог!..

Нерон, услышав голос хозяина, настороженно вскинул голову, блеснув во тьме глазами.

С неутолимой горечью и болью Ивану Захаровичу вспомнился последний год их жизни. В ту зиму у них уже не было ни лыжных прогулок, ни вечеров у весело пылавшего камина, ни песен под гитару.

Ольга почти не бывала дома. Она либо уходила к приятельнице играть в лото, либо целыми вечерами пропадала в избе-читальне — с кружковцами разучивала песни, ставила спектакли...

Их размолвки начались с того, что Иван Захарович решительно отказался переезжать в Москву.

— Моя мечта — быть артисткой оперного театра, — горячо доказывала ему Ольга. — И я непременно должна окончить консерваторию. В педучилище все были в восторге от моего голоса и предрекали мне блестящее будущее. И я, несомненно, давно бы училась в консерватории, если б не мой родитель — поповнам все дороги закрыты. В Москве нас ждет дядя Костя. У него большие связи в медицинском мире. И он помог бы тебе отлично устроиться...

Иван Захарович пытался убедить Ольгу, что путь в искусство не так-то прост и легок. Да, у нее неплохой голос, но сумеет ли она пробить себе дорогу на сцену? Еще неизвестно, что их ждет в столице. Стоит ли идти на риск и ломать уже налаженную, спокойную жизнь? Тем более он еще на студенческой скамье решил работать только у себя на родине.

— Значит, ты трус и мямля! — с возмущением бросала она ему. — Ты просто боишься столичной конкуренции. Ну и сиди здесь, в деревне. А я не собираюсь похоронить себя в этой глухомани и всю жизнь учить сопливых ребятишек грамоте...

Летом она уехала к своей сестре в областной город.

А спустя месяц он получил от нее оскорбительно-холодную записку:

«Иван Захарович! Между нами все кончено. Меня приняли в опереточную труппу, и я через несколько дней уезжаю на гастроли. Все мои вещи передай родителям. Прощай. Ольга...»

2

Поднялся Иван Захарович, как всегда, ровно в шесть. Сизый утренний сумрак заливал комнату. Доктор оделся и, распахнув застекленную дверь, вышел на террасу. Полной грудью вдохнул острый, пропахший сыростью и опавшей листвой воздух. Легкая дымка окутывала парк. В обнаженных кустах сирени стрекотали сороки, мелькая пестрым оперением. Где-то совсем близко старательно трудился дятел.

— Да что там! Я без своего Киндякова и дня не проживу, — сказал Иван Захарович, набивая трубку.

К себе в кабинет он вошел с легким чувством благоговения и тихой радости. Тридцать лет назад он в первый раз переступил порог этой угловой комнаты с высокой изразцовой печью и огромным столом красного дерева под зеленым сукном.

И ему почему-то показалось, что он очень давно не был здесь. Приятно было снова очутиться в привычной обстановке, увидеть на своих местах застекленный шкаф с аккуратно разложенными, сияющими никелем инструментами, и книжную этажерку с комплектом «Медицинской энциклопедии», и мраморный умывальник.

Обход больных Иван Захарович начал с родильного отделения.

Широкая липовая аллея, густо усыпанная мягко шелестевшими под ногами мокрыми листьями, вела к недавно построенному из силикатного кирпича корпусу с огромной застекленной верандой.

Поднимаясь на крыльцо, он встретился с фельдшером Рудневского медпункта — молоденькой девушкой в забрызганном грязью плаще и неуклюжих резиновых сапогах. Ее худенькое, усыпанное веснушками лицо было озабоченным и печальным.

— Ой, Иван Захарович!.. Знали бы вы, как я жду вас...

— А что такое? — насторожился он.

— Да с медпунктом все... — плаксиво протянула она, шмыгая маленьким, покрасневшим носом. — Платон Иванович снял рабочих. И кирпич, который был приготовлен для печей, увез от нас.

— Как же это так?.. — Иван Захарович недоуменно пожал плечами. — У нас же с Мокроусовым полная договоренность — к Октябрьским открыть в колхозе новый медпункт. В чем же дело?..

— Платону Ивановичу сейчас не до медпункта. Клуб отделывают. Ну и вот...

— Понятно... Ты только, голубушка, не расстраивайся: утрясем этот вопрос. Завтра я буду у вас, ну и поговорю с Платоном Ивановичем. А что у тебя на участке?

— Пока все благополучно.

...Кузьмич запрягал лошадь, а Иван Захарович надел порыжелую кожанку и натянул обильно смазанные дегтем яловые сапоги с высокими голенищами. Со стены снял двустволку, перепоясал себя тяжело набитым патронташем.

Нерон с радостным повизгиванием метался по комнате.

— Сейчас, сейчас, старик... — разговаривал с ним Иван Захарович. — Сегодня денек у нас будет хлопотливый.

К крыльцу подъехал Кузьмич.

— Тпр-р-р, леший! — послышался его сердитый окрик.

Буланый жеребчик с места взял ровной рысью. Миновав парк, дорога свернула в разлужье. За плотными, как свалявшаяся шерсть, дымчатыми облаками светило солнце; мягкий матовый полусвет заливал опустевшие поля, овраги, перелески с пожелтевшей листвой. В отдалении, теряясь за увалом, густо зеленела озимь. Кое-где колхозники докапывали поздний картофель. То тут, то там дымились костры — ребятишки жгли ботву. Сладковатым запахом гари тянуло в чистом, свежем воздухе.

3

У Волшутинского болота Иван Захарович сошел с тележки. Закинув за спину ружье, он исчез в густых зарослях ольховника. Впереди его по узкой тропинке, усыпанной желтыми листьями, принюхиваясь, бежал Нерон. Под ногами хлюпала ржавая вода. На озерках плавали дикие утки. Нерон, повизгивая, с укором смотрел на своего хозяина, как бы говоря: «Ну чего же ты медлишь? Стреляй скорее...»

Иван Захарович часто останавливался и стоял в глубокой задумчивости, вслушиваясь в настороженную тишину. Где-то в низко нависшем сером небе плыли на юг журавли, и их гортанно-протяжные крики, как камни, падали на землю.

У родника Сердитого он по крутому откосу спустился к звонко журчавшему ручейку. Это место ему было особенно дорого. Когда-то здесь, на широком, покрытом зеленым мхом камне он признался Ольге...

И как памятен ему был этот далекий, далекий день знойного лета, когда они, взявшись за руки, возвращались из Секиринского леса. На Ольге был легкий ситцевый сарафанчик. Ее загорелые плечи и руки золотились на солнце, будто отлитые из бронзы. В черных, заплетенных в длинную косу волосах покачивались небрежно воткнутые лиловые лесные колокольчики.

— Да-да, не повезло нам с тобой. — Иван Захарович в раздумье потрепал лежавшую у него на коленях голову Нерона. — Потерять такого человека...

С запада поползли рваные клочья сизых туч. Дохнуло свежестью. В обнаженных ветвях протяжнее заныл ветер. В воздухе закружились рыжие листья. Мелкая сырая мгла оросила лицо, руки, крохотными призрачными капельками задрожала на кожанке.

— Пойдем-ка, старик, до дому. Пора... — поднимаясь, сказал Иван Захарович.

В поле — строгая тишина и покой.

Иван Захарович еще издали, сквозь деревья, заметил, что окна в его комнате освещены. Поперек террасы, вырывая из тьмы белые колонны, лежала широкая полоса голубого света.

«Кто бы это?.. — подумал он. — Должно быть, фельдшер Василий Васильевич с шахматами дожидается».

В коридоре Нерон, поведя носом, сердито зарычал.

— Иди, иди, своих не узнаешь, дурачок!..

Иван Захарович, распахнув дверь, невольно отпрянул назад. Горячая испарина выступила на лбу.

На письменном столе горела лампа под голубым абажуром. В кресле, листая журнал, сидела женщина в темно-зеленом шелковом платье с глубоким вырезом и большим черным бантом на плече.

Иван Захарович, сжимая вспотевшей рукой дверную скобу, неподвижно застыл на пороге. Он все еще никак не мог поверить, что перед ним была Ольга.

Она вскинула на него глаза.

— Леля... Это... это ты?.. Ты?.. — едва слышно, заикаясь, проговорил он.

Отбросив на стол журнал, Ольга медленно поднялась с кресла.

Темные волосы ее были прошиты седыми прядями. Черты лица стали резче, острее...

— Да, это я, Ванечка, — сказала она тихо и робко. — Ты, конечно, не ждал меня?

— Боже мой!.. Да разве я мог подумать... Ты... ты снова у меня...

— Да, все получилось как-то неожиданно. Совершенно неожиданно. — Она взяла из лежавшего на столе серебряного, покрытого чернью портсигара сигарету и жадно затянулась. — Мы здесь на гастролях... Представь себе, в гостинице мне попадает в руки номер местной газеты. А в нем — твоя фотография и про тебя большая статья... Ну... ну и вот... — Подбородок у нее дрогнул. — Меня неудержимо потянуло в Киндяково. Захотелось побродить по парку. Посмотреть на старинный княжеский дом. Вспомнить далекое прошлое... А когда я узнала, что ты живешь один, решилась зайти к тебе. Ты прости меня, что я нарушила твой покой...

— Ну как ты можешь говорить это? Конечно, я очень рад тебе. Ведь мы же в конце концов не чужие...

— А я так волновалась...

— Ну здравствуй!.. Здравствуй, Леля...— Он, торопливо сбросив кожанку, крепко, обеими руками сжал ее руки.— Признаться, меня никогда не оставляло предчувствие, что мы непременно должны встретиться.

— Ты ждал нашей встречи?— удивленно протянула она, высоко вскинув черные полукружья бровей. На лице ее сквозь густой слой пудры проступил румянец.— Господи, а ты все такой же!— усмехнулась она, откидываясь на спинку дивана.— Так неужели я не была здесь уже тридцать лет? Тридцать лет?.. Подумать только... А у тебя здесь все так же, как и прежде. Даже грустная дама в золоченой раме на своем месте. Да и ты совсем не изменился. А я представляла тебя эдаким дородным, голубоглазым дядей, отцом семейства, с почетной лысиной и солидным брюшком...

Через полчаса на столе шумел самовар. Ольга постелила скатерть. Расставила вазочки и тарелки с незамысловатым домашним угощением. К платью вместо фартука пришпилила полотенце. От присутствия женщины в комнате стало как-то и теплее и уютнее. Ольга гремела посудой, ее каблучки весело постукивали по рассохшемуся паркету.

— А ты, я смотрю, закоренелый холостяк,— шутила она,— временные холостяки страшные неряхи. А у тебя всюду образцовый порядок. Значит, ты человек конченый. Невесты, которые на тебя имеют виды, могут со спокойной душой вычеркнуть тебя из своих списков...

Иван Захарович открыл нижний ящик письменного стола и поставил перед Ольгой большую старинную чашку из тонкого фарфора с золотым рисунком по лиловому полю.

Ольга всплеснула ладонями.

— Моя чашка!.. Это же моя чашка!..

— Да, это твоя чашка.

— И ты... ты берег ее?..

— Как ты уехала, никто ее не брал в руки.

Ольга с виноватой улыбкой ладонью медленно провела по его руке и потом, закусив губы, отвернулась. Подбородок у нее снова дрогнул.

Он пододвинул к ней вазу с крупными антоновскими яблоками.

— Угощайся, Леля. Это наши, рудневские...

Она взяла яблоко и, приложив его к щеке, задумчиво произнесла:

— Рудневские яблоки!.. Как это хорошо! Помнишь, как мы зимой в маленьких санках ездили в Руднево? Какими чудесными блинчиками кормила нас твоя мама!..

— Еще бы не помнить!— улыбнулся Иван Захарович.

— Чудесное было время. Впереди была целая жизнь.— Ольга, не отнимая от щеки яблока, мечтательно, с застывшей улыбкой уставилась в окно; на глянцевито-черном стекле искристо сияли крупные дождевые капли.

— Леля, а ты бы рассказала о себе. Как живешь? Я слышал, что ты с успехом выступаешь в оперетте. Значит, мечта твоя осуществилась?

— Ты говоришь «с успехом»?— с горечью бросила она.— Эх, Ванечка, Ванечка, для того, чтобы добиться успеха в театре, одного лишь желания недостаточно. Для этого надо многое, очень многое — и талант, и умение устраиваться, и еще кое-что... Правда, одно время я работала в оперетте. Но я скоро поняла, что из меня настоящей опереточной актрисы никогда не будет. И я вынуждена была перейти в гастрольно-эстрадное объединение. Началась цыганская жизнь. Бесконечные разъезды. Я исколесила всю страну... Знал бы ты, Ванечка, как тяжел и горек хлеб у нашего брата. И зимой и летом — на колесах. Всего хватает... А моя мечта о славе, почете, богатстве осталась такой же далекой и неосуществимой, как она была и прежде...

— Но если так, ты бы могла всегда вернуться к прежней своей работе. Мне думается, лучше быть хорошим учителем, чем плохим артистом...

— Нет, нет, это невозможно, Ванечка. Никак невозможно. В том-то и дело, что свою работу я все-таки очень люблю. И только эта любовь помогает мне мириться со всеми трудностями и невзгодами нашей профессии. Вот посмотри, как тепло нас принимают зрители...— И она из своего дорожного чемодана достала альбом в потертом бархатном переплете. В нем были фотографии, вырезки из газет, отзывы зрителей.— Где только нам не приходится бывать! На отдаленных приисках, на новостройках, в целинных совхозах, на лесозаготовках... И всюду люди нас встречают с радостью. Сколько приходится слышать от них благодарностей...

— Я рад за тебя, Леля. Очень рад...

— Да, ради одного этого, что ты людям приносишь радость, стоит жить на свете. Иногда приходится попадать в такую глухомань, прямо-таки на край света... В прошлом году мы обслуживали нефтяные промыслы в Тюменской области. И я тебе...

— Ну, а как сложилась твоя личная жизнь? Счастлива ли ты?— перебил ее Иван Захарович.

Опершись подбородком в крепко сцепленные пальцы, Ольга с минуту сидела молча, не поднимая глаз.

— Ну что я тебе могу сказать?— пожала она плечами.— В личной жизни у меня ничего нет хорошего. Ни-че-го!..

Иван Захарович, дымя трубкой, насупившись, зашагал по комнате.

Неужели перед ним была Ольга, та самая желанная Ольга, которую он любил всю жизнь, о которой постоянно думал с надеждой и радостью?..

Но почему же сейчас на сердце было так тяжело и тоскливо?

Эта постаревшая, измученная женщина вызывала в нем только сострадание и жалость. Его душила жгучая обида, что Ольга так нелепо и глупо искалечила и свою и его жизнь. Невольно вставали перед ним мучительные ночи, которые он проводил без сна, в лютой тоске, после того как она оставила его...

Взглянув на свои крохотные ручные часы, Ольга, как бы спохватившись, резко поднялась с дивана.

— Ванечка... А мне же надо на поезд... Ты извини меня, но я прошу тебя — помоги мне добраться до станции.

— Ты... ты уезжаешь?— остановившись посреди комнаты, удивленно протянул он, глядя на Ольгу.— Останься хоть до утра.

— Видишь ли... Завтра у нас концерт в железнодорожном клубе. И мне непременно надо быть на репетиции.

— Ну, если так... Пожалуйста. Я сейчас распоряжусь...

Он надел кожанку и вышел на крыльцо. В лицо ударило холодным ветром и дождем. Он горячей ладонью потер лоб, тяжело, всей грудью вздохнул.

В глухой, непроглядной тьме бушевала осенняя непогода. Грозно гудели столетние липы, из водосточных труб хлестала вода. Под фонарем, у конюшни, в лужах тускло блестели большие пузыри.

Придерживаясь рукой за мокрые, холодные перила, он медленно спустился с крыльца. И, отвечая на собственные мысли, вслух сказал:

— Что кончено, то кончено!..

Когда он вернулся в комнату, Ольга стояла у зеркала и пудрилась. На ее длинных, накрашенных ресницах дрожали слезы.

— Мне вспомнилось, как когда-то мы коротали в этой комнате вечерние часы у камина,— с теплой грустью сказала она.— Какое это было прекрасное время! Боже мой!.. Боже мой!..— И она обеими ладонями закрыла лицо.

И снова острая жалость сжала сердце Ивана Захаровича. Он как-то ощутимо представил себе горькую, бездомную жизнь Ольги. Вот сейчас в эту холодную, ненастную ночь она должна ехать куда-то. А кто ее ждет там, на чужой стороне? Кому она нужна?..

Он шагнул к ней. Положил ей на плечи руки.

Она плакала очень тихо, с детской беспомощностью и покорностью, мелко вздрагивая плечами.

— Ну, успокойся, успокойся, Леля,— наконец выдавил он.— Слезы теперь не помогут. Я понимаю тебя. Ну, давай поговорим откровенно...

Она выпрямилась. Подняла на Ивана Захаровича полные слез глаза.

— О чем же нам говорить, дорогой? Все же ясно... Ты не обращай на меня внимания. Это нервы.— И, глубоко вздохнув, добавила:— Значит, такова судьба. А сейчас надо ехать. Времени до поезда остается совсем немного.

Он помог ей поверх пальто натянуть жесткую брезентовую накидку.

— Я провожу тебя.

— А зачем? — Она недоуменно пожала плечами.— Не надо. Я одна доберусь.

— Нет, нет... Я поеду с тобой.

4

Длинным темным коридором они вышли из дома. Кузьмич ходил вокруг тележки и обминал положенную в нее огромную охапку пышного сена.

Иван Захарович взялся за вожжи. Огромный дом со строгими, четко выступающими белыми колоннами, мутный фонарь у конюшни, сутулая фигура Кузьмича остались позади.

В поле было ветрено, холодно. Косые капли дождя барабанили по брезенту. Однообразно брякало колечко на дуге. Из-под копыт лоша-

---

МОИ ЗВЕЗДЫ

— Что дальше Луны?

— Солнце.

— А дальше Солнца?

— Звезды.

— А дальше звезд?— допытывалась у своих родителей-агрономов любопытная черноглазая девчонка.

С тех пор прошло много лет. Девочка выросла и стала первой армянкой, защитившей диссертацию по астрономии, и в атласы звездного неба вошли объекты, названные ее именем. Астроном Эльма Парсамян живет в мире удивительных людей, для которых расстояния в миллиарды километров так же обычны, как для нас сантиметры, эти люди запросто рассуждают о возрастах в миллионы лет, о температурах в тысячи миллионов градусов, о свете, покинувшем свой источник так давно, когда на Земле не было еще человечества.

Небо над Бюраканской астрофизической обсерваторией, где работает Эльма Парсамян, всегда ясное. И красота тут такая, что глаз не оторвешь.

...Утро. По снежным дорожкам обсерватории спешат в свои кабинеты и лаборатории звездочеты, чтобы продолжить свой разговор со Вселенной.

Эльма Парсамян вместе с другими сотрудниками поднимается в свой кабинет, просматривает отснятые за ночь пластинки... Есть на небе очень странные звезды. Вдруг, казалось бы, ни с того ни с сего, они за несколько минут изменяют свою яркость в сотни и даже тысячи раз. Почему? Тайна. Может быть, звезды просто болеют, а потом выздоравлива-

ди летели ошметки грязи. Под колесами булькала вода.

Ольга с надвинутым на лицо капюшоном сидела рядом с Иваном Захаровичем, понурая, неподвижная, безразличная ко всему.

Оба они молчали.

Ему не верилось, совсем не верилось, что рядом с ним сидела Ольга, с которой он когда-то катался на лыжах, ездил в Руднево в гости, проводил долгие зимние вечера у камина...

И ему вдруг послышались тихие переборы гитарных струн и сильный молодой голос:

«Ах прошли, прошли наши красны дни...»

Эти воспоминания поднимали в нем что-то очень хорошее, глубоко сокровенное и светлое...

Сквозь густую сетку дождя маслянистым пятном расплылся зеленый глаз семафора. Над головой протяжно и певуче загудели телеграфные провода. Прогремел дощатый настил переезда. Через несколько минут лошадь остановилась у станции.

Иван Захарович и Ольга прошли в контору. Поезд запаздывал.

Ожидание было тоскливым и томительным. Они сидели на диване около жарко горевшей печи и говорили о разных пустяках. Ольга была печальна. Она курила одну сигарету за другой. Иван Захарович чувствовал себя смущенно — было неудобно и за свою порыжевшую кожанку и за неуклюжие яловые сапоги, залепленные грязью. На Ольге было нарядное, свободного покроя, светло-серое пальто с высокими плечами и фетровая шляпка с черным пером. Белые лайковые перчатки плотно обтягивали ее маленькие руки.

Она несколько раз предлагала Ивану Захаровичу вернуться в Киндяково.

— Ну ради чего ты теряешь время? Неужели я не сяду в вагон без твоей помощи?

— Оставь, пожалуйста! Никуда я не поеду, пока не посажу тебя,— наотрез отказывался он, хотя отлично понимал, что было бы действительно гораздо благоразумнее оборвать как можно скорее это затянувшееся, очень мучительное для них расставание. Но сделать этого он не мог. Странное чувство, что они не сказали друг другу самого главного и очень важного, не оставляло его. И он чего-то ждал...

Мимо окон с грохотом промчался паровоз.

— Ну наконец-то!— вздохнула Ольга.

У вагона, подавая Ивану Захаровичу руку, она тихо, с грустью сказала:

— Прощай!.. Увидимся ли еще?..

— Леля!.. Слушай, Леля!.. — Он крепко сжал ее руку и, торопясь, горячо заговорил:— Слушай... Если... Если тебе будет трудно, приезжай. Приезжай без всякого стеснения... Куда же тебе деваться, кроме Киндякова?..

— Милый, милый мой Ванечка... Родной мой Ванечка! — Ольга тихо всхлипнула. И робко прильнула к его лицу своей мокрой от слез щекой...

Поезд тронулся. Застучали колеса. Мелькнули красные фонари последнего вагона и, удаляясь, исчезли в туманной, дождливой мгле, будто растаяли.

А Иван Захарович все стоял на перроне, прислушиваясь к ровному, постепенно затихающему грохоту колес. У семафора протяжно прогудел паровоз. Степной простор откликнулся глухим и коротким эхом.

ют? А может, это какие-то закономерные процессы? Вот такими-то звездами и занимается Эльма Парсамян.

— Мне повезло,— говорит она, показывая отснятые пластинки.— Я поймала вспышку. Вот серия снимков, сделанных через каждые пять минут. Звезда, смотрите-ка, крохотуля, а тут вспышка, и видите, как она сразу увеличилась. А вот уже и опять стала такой, как раньше. Почему? Этот вопрос волнует меня так же, как и многих астрономов мира. Ибо тут скрыта одна из захватывающих тайн строения Вселенной...

Вот как далеко завел любознательную черноглазую девчонку интерес к звездам!

В. ВАСИЛЬЕВА

Лев КОНДЫРЕВ

СОЛЕНЫЕ ЛАДОНИ МОРЯ

ТАВРИДА

В клубок свернулся вечер
Под лозиной,
Студеный ветер
Тянет на Азов.
И море пахнет
Мокрой парусиной
Рифленых
Треугольных парусов.
В короне
Рыжих скал,
В воде запечатленных,
Глядит Таврида
В сумрачную даль.
И молнии
Сверкают в удлиненных
Ее глазах,
Похожих на миндаль.

ВЫСОТА

Как тур,
Сраженный на бегу,
Упал пучине в лапы
Утес на плоском берегу,
На траверзе Анапы.
Кричал орел
В свой мегафон
Ему: «Не дрейфь, братишка!»
И он не дрейфил,
Ибо он внутри
Был не пустышка,
Не дав дробить себя воде,
Над зыбким ее тентом
Он встал
Назло своей беде
Гранитным монументом.
Мурены красного пера
Всплывали там в провале,
Дымком бензинным катера
Ему салютовали.
Сбегались к берегу цветы —
Фарфоровые братцы,
Дивясь, как можно
С высоты
Упасть
И не сломаться!

КРЫМСКОЕ УТРО

Нет добрей,
Нежней и горячей
Крымских фиолетовых лучей.
Словно дождь фиалок,
Сверху вниз
Падают они
В рассветный бриз,
На лету,
Над плоскостью песков,
Рассыпая блестки лепестков,
В свете их
Смягчается оскал
Взнузданных прибоем
Диких скал,
Табунами скифских косяков
Мчащихся
Из марева веков.
И прибрежной
Таврии леса
Поднимают сосен паруса,
Чтобы плыть в далекое, туда,
Где с людьми
Братается вода,
Где в пути
Романтика и труд,
Трубочный табак
Для трубок трут.
И дела вершатся
Не в речах,
Не впотьмах,
А в солнечных лучах.
Не во вред
Народу моему,
А на радость
Миру и уму.
Ах, друзья,
Ну как же я хочу
По земле идти,
Как по лучу
Красоты, отваги
И добра,
Что дороже
Злата-серебра.

ПАРУС

Навытяжку
Стояли в бухте грабы...
Под сенью их,
Отыскивая корм,
Как серый шелк,
В песке шуршали крабы...
Синоптики
Предсказывали шторм!
И он возник
В какое-то мгновенье
Из нежных волн,
Взлетевших в облака,
Из трещин гор,
Из трав,
Из дуновенья
Невинного младенца-ветерка.
Визжала галька;
Вторя ей свирепо,
Зубами скрежетал
Морской причал.
Заплесневелый,
Тяжкий запах склепа
Провал
Ночного порта источал.
Бежало все живое
Прочь от тока
Высоковольтных молний
Возле скал.
Лишь лермонтовский
Парус одиноко
В пучине вод
Судьбу свою искал...

САМАРКАНД

ОТКРЫТИЯ МУХИДА-АКА

Самарканд... Купола медресе, облицовка стен свежестью бирюзы соперничают с синевой летнего неба. Но как часто это сходство омрачается унылыми пятнами обожженной глины!..

Мысль мастеров не знала покоя. В самом деле, почему с керамической плитки опадает рубашка цветной глазури? Впрочем, ответить на «почему» еще можно: перепады температуры, погода — медленные, но неотступные разрушители. Труднее добиться, чтобы глазурно-стекловидное покрытие жило столько же, сколько и изразец.

На этот вопрос наконец-то и нашел ответ народный художник Узбекистана, кандидат искусствоведческих наук Мухид Каримович Рахимов. Совместно с химиками и керамиками-технологами он разработал рецепты изготовления изразцов, в которых черепок и глазурь имеют один и тот же коэффициент объемного расширения. Теперь они одинаково реагируют на дождь и мороз, на солнце и ветер.

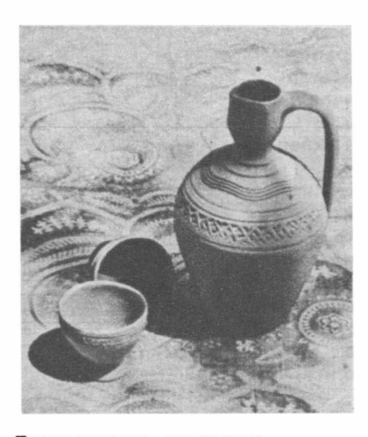
Заботила Мухида Каримовича и другая загадка: из чего и как делали свои чудесные сосуды, блюда, чаши умельцы древнего Афрасиаба? Неужто привозили издалека какие-то особые материалы?

И снова сослужили свою добрую службу годы учения на керамическом отделении Ташкентской художественно-кустарной школы, а затем и изучение тонкостей технологии керамического производства под руководством профессора А. В. Филиппова. Опыты, проведенные М. К. Рахимовым совместно с химиками и технологами, показали, что для тонкостенной, изящной, расписанной по афрасиабским образцам керамики вполне пригодны местные глины и красители.

О. АПУХТИН,
Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Народный художник Узбекистана Мухид Рахимов.

Тонкостенная керамика.
Фото О. Апухтина.

Маленькому мальчику бабушка подарила первую книжку. Она купила ее на базаре за две копейки. Книжка была в ярком линючем переплете, оставлявшем на пальцах красные и лиловые пятна. Пятна эти почему-то быстро перебирались на щеки, на подбородок, на лоб. К вечеру мальчик был основательно раскрашен. Зато восторгу его не было границ. Он влюбился в эту свою первую книжку. Необычайное название навсегда врезалось ему в память — «Волшебный рог Оберона». Шутка сказать! Не каждый раз встречаешь такие названия, от которых мороз пробегает по спине и сердце начинает усиленней биться...

Было это без малого семьдесят лет тому назад. Мальчика звали Валя.

...Старый писатель сидит за письменным столом, на котором в строгом порядке лежат книги, папки, листы чистой и исписанной бумаги. Зимнее солнце обшаривает комнату косыми лучами, свободно льющимися в широкие окна. За окнами — ослепительный снег, деревья покрыты плотными снежными шапками. Писатель работает над рукописью. Он не признает диктовок стенографисткам или машинисткам. Рукопись покрыта ровными строчками крупных букв, в начертании которых есть что-то упрямое, острое, готическое. Навсегда остался у него в памяти совет учителя — Ивана Алексеевича Бунина: «После того, как вещь готова в рукописи, можете перепечатать на машинке. Но само творчество, самый процесс сочинения, по-моему, заключается в некоем взаимодействии, в той таинственной связи, которая возникает между головой, рукой, пером и бумагой, что и есть собственно творчество».

Рукопись называется «Волшебный рог Оберона». Рог этот продолжает звучать в его ушах до сих пор. Писатель радуется, что именно это название для новой своей книги пришло ему в голову. Оно представляется ему чрезвычайно удачным. Влекущие слова — Волшебный Рог Оберона — он произносит со вкусом, медленно, растягивая слоги. Давным-давно оставленные позади детство и юность вновь возникают перед ним в этом словосочетании.

Собственно, это и есть книга о прожитой жизни, лирико-документальная книга о том, что было видено, перечувствовано. Она состоит из отдельных новелл, не связанных между собой сюжетной линией или протокольной хронологией. Сегодняшний день может оказаться в начале, дни детства — в конце: как вспоминалось, так и писалось. Вспоминалось прошедшее, но освещалось сегодняшним, настоящим. Это не переживания мальчика, или юноши, или молодого человека, нет в книге врастания автора в образы прошлого — в книге рассуждает и рассказывает человек, стрелка жизни которого вплотную подошла к цифре «75». Чем дольше живет человек, тем шире распахивается перед ним горизонт, глаз становится зорче, человек видит то, что раньше ускользало от внимания, возникают новые оценки людей и прошедших событий с высот завоеванных опыта и мудрости. Так путник, поднимаясь в гору, лишь у вершины способен верно оценить красоту и прелесть окружающего мира во всей его объемности.

Валентин Петрович Катаев берет в руки толстую папку с надписью «Волшебный рог Оберона». «Это уже переписано,— говорит он,— а вот эти страницы,— он берет папку потоньше,— надо еще переписать. Месяца через два-три все будет окончено... Нет, не все,— почти вскрикнул он,— не все! Меня уже обступили со всех сторон замыслы написать книгу о моих литературных друзьях и современниках, о тех, кого любил и люблю, кто оставил немеркнущий след в моей душе. Я даже знаю, как будет называться эта книга — «Алмазный мой венец». Я в ней расскажу о Есенине и Маяковском, о Блоке и Зощенко, об Олеше и Пастернаке, конечно, об Ильфе и Петрове, об Асееве, Демьяне Бедном и Мандельштаме. Разумеется, это должна быть не книга биографий, а книга размышлений... Вообще-то надо торопиться,— заметил он.— Кажется, Лев Толстой сказал, что память уничтожает время, стирает его течение, но я добавил бы к этому, что и время уничтожает память...»

Косой серебряный луч зимнего солнца ворвался в комнату, побаловался зайчиком на полу, осветил лицо писателя, сидевшего в глубоком кресле,— стали виднее шрамы, нанесенные временем, резче нарисовался узор морщинок вокруг глаз, но сами глаза — нет, глаза оставались прежними, катаевскими, живыми, озорными, веселыми, в которых, как и всегда, как и встарь, горели жизнерадостные огоньки катаевского юмора. Значит, не так уж права внучка — любимица всего дома,— когда она, ласкаясь к деду, говорит: «Ты, дедушка, старый-старый».

Когда знаешь человека несколько десятков лет, то, налагая одно впечатление на другое, создаешь мысленно какой-то «средний» его портрет, в котором вмещаются и черты молодости, и зрелости, и нынешнего времени. И человек предстает неизменяемым. Жизнь старшего поколения советских людей неотделима от книг Валентина Катаева. Они присутствовали на всех этапах нашего бытия. Они наша молодость и зрелость. Они наше время. Переживания героев его книг — наши переживания. Двадцатилетними людьми мы от души смеялись над персонажами его «Квадратуры круга», в которых видели свои собственные изображения. Тридцатилетними восхищались прелестной, поэтической повестью «Белеет парус одинокий» — в ней звучали струны и нашего детства. Железный шаг эпохи отчетливо слышали в романе «Время, вперед!» — вокруг гремело и шумело от края и до края. Кипела стройка, обновлялась страна, каждый из нас был участником этого обновления; жизнь, отраженная в романе, была нашей жизнью.

Четырехтомная эпопея, начатая книгой «Белеет парус одинокий» и завершенная романом «За власть Советов», в середину которой хронологически вошли и «Хуторок в степи» и «Зимний ветер», охватила целое сорокалетие — от первого штурма самодержавия в 1905 году до разгрома германского фашизма, то есть основные события вре-

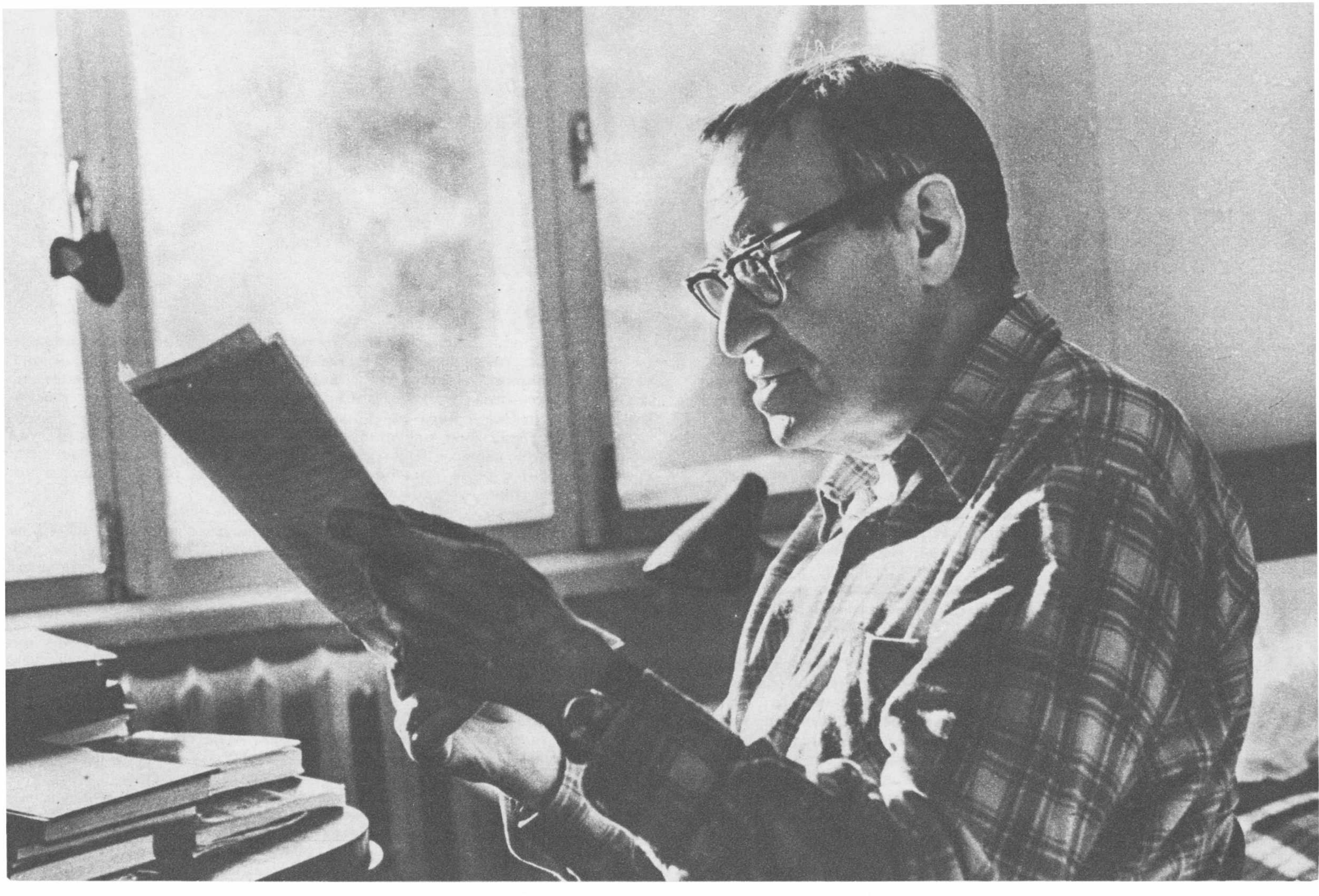

Фото Дм. Бальтерманца.

мени, определившие судьбы нашего народа и всех народов мира. Как же не воспринимать это как свое кровное, дорогое сердцу?! И «Я сын трудового народа», и «Сын полка», и его новеллы и рассказы, начиная от самых ранних, всегда находили живой отклик в душах советских людей, его современников, и не только его современников — всех, кто любил и ценил родную русскую, советскую литературу, ибо всем было ясно, что в лице Валентина Катаева мы получили художника сильного, яркого, самобытного, со своим красочным видением жизни, со своим усложненным миром чувств, со своей пластикой речи.

Сам о себе, полемизируя с Иваном Буниным, Валентин Катаев писал:

«...Наше русское — мое — поколение не было потерянным. Оно не погибло, хотя и могло погибнуть. Война его искалечила, но Великая Революция спасла и вылечила. Какой бы я ни был, я обязан своей жизнью и своим творчеством Революции. Только Ей одной...»

Объемистые шкафы на квартире у Катаева наполнены его книгами и переводами с них; переводов множество, трудно назвать страну, где бы не знали славного советского писателя. В пожилом возрасте легко «забронзоветь», отложив в сторону бумагу, сказать: «Вот сколько написано, хватит, пора и отдохнуть». Но какая-то незримая, но властная сила каждый день бросает его к столу, и время, проведенное без творческого труда, кажется потерянным, досадно ускользнувшим из рук.

Вот уже засеребрились волосы на висках, и морщины легли вокруг рта, и усталость чаще посещает, но нет, черт возьми, старости, книга за книгой выходят из-под пера писателя: «Маленькая железная дверь в стене», «Святой колодец», «Трава забвенья», «Кубик». И на выходе в свет «Волшебный рог Оберона». И в замыслах «Алмазный мой венец»...

Вышедшие книги вызывали споры, столкновения мыслей и чувств, но никого не оставляли равнодушными. В них читатель слышал ту же симфонию катаевской прозы, в них теплилась та же катаевская улыбка, в них цветами разгоралась издавна присущая автору яркая образность речи, соединенная с точными реалиями действительности.

Я открываю наугад «Траву забвенья» и читаю описание встречи в Париже с Верой Николаевной Муромцевой, вдовой Бунина, вскоре после его смерти: «Она повела нас в столовую, и опять меня поразила запущенность, чернота ненатертого паркета, какой-то ужасно дореволюционный русский буфет с прожженной в нескольких местах доской, обеденный стол, покрытый тоже какой-то дореволюционной русской клеенкой, рыжей, с кружками от стаканов в разводах, с обветшалыми краями, и на проволочной подставке обожженный газом чайник, разнокалиберные русские кузнецовские и французские лиможские чашки и среди них — тарелка с меренгами — украшение стола». Какой точный глаз, какая зоркость, какое умение, оперируя ничтожными деталями, показать, как жил большой русский писатель, уехавший на чужбину!

Недавно я перечитал первые рассказы Валентина Катаева, написанные в ту пору, когда он был зеленым юнцом, семнадцатилетним — девятнадцатилетним. Меня поразил язык его тогда еще далеко не совершенных произведений: в них буйствовали цветы и травы, вкусно пахло разнообразными запахами жизни, все вокруг звучало или пело, дули загадочные морские ветры, шумели косые дожди, словом, это был Катаев, ранний, но Катаев, с присущими ему свойствами зорко видеть, писать ярко, сочно, своеобычно.

Я поделился с Валентином Петровичем своими впечатлениями. «Конечно, я не могу не считать Ивана Бунина своим учителем,— сказал он,— отрицать это было бы несправедливо, но мое знакомство с Иваном Алексеевичем произошло позже. До этого у меня был другой источник познания — отцовский книжный шкаф, где лежали тома Пушкина и Лермонтова, Чехова, Гоголя и Тургенева, Толстого и Некрасова, Никитина и Кольцова. Отец привил мне любовь к книге, я жадно поглощал все, что лежало в его шкафу. Великие русские реалисты наложили на мое мальчишеское тогда сознание неизгладимый отпечаток. Ну и, кроме того, я ведь начал свою литературную работу со стихов. Впрочем, многие так начинают... Я донимал стихами своих родных и знакомых до такой степени, что некоторые из них считали меня тронутым. А, как известно, стихотворчество — отличная школа для прозаика...».

...Семьдесят пять лет — большая, славная дата. Особенно, когда жизнь не прожита напрасно, дала золотые плоды, нужные людям.

И по-прежнему звучит волшебный рог творчества, зовет и влечет неодолимо. И призывы его желанны, радостны, прекрасны!

Ник. КРУЖКОВ

ЫЙ РОГ ОБЕРОНА

ЧЕРЕЗ ПОРОГ ДЕТСТВА

Блага **ДИМИТРОВА**

Фото Д. УХТОМСКОГО.

Далекий гул. Зунг тушит коптилку. В темноте грохот сильнее. Но Зунг не пугается. Ничего, что в шалаше они только с сестренкой. Она уже большая. Десятилетняя. Мать говорила, что в этом возрасте уже ходила в джунгли одна. Сестренка спит. Она еще такая маленькая, что даже не знает, что такое страх.

Гул ближе. Зунг должна прислушиваться не к ударам бомб, а к тихим шорохам. Они важнее.

Если три раза просвистят в банановый лист, она должна посчитать до десяти и ответить троекратным стуком двух камешков. Она всегда носит их в карманчиках своих штанишек. Они тяжеленькие. Но Зунг радуется их тяжести. Это напоминает, что брат Дин придет. Обязательно придет. Если не этой ночью, то следующей. Но никто не должен его видеть.

Старик опять что-то оставил для него. Где оно спрятано, знает только Зунг. Дин старше, гораздо старше. Ему тринадцать. Переплывает реку. Знает много тайн. А Зунг знает только одну. И никому не должна ее выдать.

В десяти взрослых шагах от порога шалаша течет Бенхай, глубокая река. Она делит деревушку на две половины — северную и южную. Одна грохочет, другая прислушивается. Бенхай — граница. Тот, кто перейдет ее на лодке или вплавь, становится взрослым. Зунг спрашивает себя с замиранием сердца, даст ли ей река стать взрослой.

Гул приближается. Зунг тормошит сестренку. Вытаскивает ее из-под теплой рогожки. Малышка привычно нащупывает в темноте ножками сандалики и семенит за ней. Они прыгают в окоп перед шалашом. Зунг думает о змее, свернувшейся восьмеркой, но храбро шагает вперед, чтобы приободрить сестренку. Бегут по изгибам окопа до входа в подземелье. Зунг сует хрупкую ручонку сестры в костлявую руку какой-то старухи, торопящейся в убежище. А Зунг возвращается к змее, к грохоту, к всполохам в темноте. Она на посту. Она должна ждать.

Первым ушел ее отец. Потом однажды вечером — мать. Только показала ей, где зарыт кувшин с рисом. И ушла, не сказав, куда. Зунг узнала первое правило взрослых: ни о чем не спрашивать. Только глаза ее долго спрашивали следы ног матери, оставшиеся на речном песке.

Все ближе взрывы. За рекой. Вдруг тарахтение самолета уже на этой стороне. Перешел небесную реку, разделявшую небо надвое. Зунг падает ничком на землю. Была бы змея в окопе, девочка бы ее обняла, чтобы в смерти не быть одной. Зловещий треск. В такие мгновения общий гул соединяет две половины деревушки в одно целое, в сплошной грохот.

Взрыв. Словно раздирают небо и землю. Зунг приходит в себя от острой боли в ушах. Перепонки болят, будто их облили кипятком. Ее окружают плотная, непроницаемая темень и тишина.

Зунг слышала, что солдаты во время сражений временно глохнут от взрывов. Это не страшно. Страшно другое: она больше не может улавливать тихие шорохи.

Только далекий гул пробивает стену ее глухоты. Девочка впервые почувствовала одиночество. Если даже брат дойдет до порога шалаша, она его не услышит. А соседей позвать нельзя. Нельзя оглохнуть даже на одну-единственную ночь. Зунг присаживается на бамбуковый порог. Шалаш только чудом не рухнул. Но сейчас девочку беспокоит только тишина. У глухих своя тишина, отдающаяся эхом неслышных шумов.

Девочка прислушивается к самой себе. Впервые улавливает барабанный бой своего сердца. Она боится, чтобы к ней не пришел страх. Она знает, что нет ничего страшнее страха.

Ночь придавила ее своей немотой. Вероломная луна перебрасывает мост через реку. Зунг уверена, что брат придет. Оглохшая для внешних шорохов, она ловит внутренний голос какого-то предчувствия. Дин придет, будет свистеть в банановый лист, но никто ему не ответит. Зунг вдруг встрепенулась. Догадка пронзает ее странным звуком. Она радуется, как ребенок, забыв, что уже не маленькая.

Вынимает камушки, считает до десяти и три раза ударяет ими. Слышит их стук ладонями. И брат услышит, если он недалеко. Опять считает до десяти. Опять ударяет три раза. Опять слышит их звонкий стук в своих ладонях, как в мембранах. Только бы не заснуть! Опять считает до десяти. Ударяет сильнее. Ладони начинают болеть. Боли она рада. Ею слышит. Боль не дает заснуть.

Опять далекий гул. Почему нельзя оглохнуть для бомб, а вернуть слух для самых тихих звуков? Они важнее всего на этой земле. Шаги людей. Шепот человеческих голосов. Тайные слова, связывающие два берега. Тихий всплеск реки, отделяющий Север от Юга, брата от сестры...

Раз, два, три...

Девочка тонкими, ловкими пальцами заплетает лыко между камышинками, собранными в остроконечный конус. Плетет шляпу брату Дину. Когда она была совсем маленькой, мать научила ее делать хорошие, гладкие, прочные шляпы, чтобы оберегали от солнца и проливного дождя, чтобы по ним скатывались пиявки, те, что бросаются с деревьев на зеленых парашютиках. Поставишь шляпу перед грудью, и она, как щит, заслонит от встречного ветра. Если бомбежка застанет на голом рисовом поле, погрузись в воду и дыши через шляпу. А поймаешь живую рыбку — неси ее в шляпе, как в корзинке.

Но на этот раз Зунг плетет особую шляпу — с двойным дном. Туда можно прятать записки или другие важные вещи, которые ее брат Дин переносит с берега на берег. Он плавает, как рыба. А шляпа лежит у него на спине, как домик улитки...

Гул рядом.

Зунг вздрагивает. Только теперь на самом деле пугается. Долго ли спала? Луна проплыла треть неба. Птицы спят. До утра еще далеко. Как пахнет трава. Зунг учится чувствовать ноздрями.

Раз, два, три... Зунг считает до десяти. Ударяет три раза камушками, как будто подает брату голос:

— Тут я, тут!

Ночь откликается знакомыми запахами. Ветер приносит влажное томление реки. Девочку пронзает зеленый трепет трав и листьев. Зунг учится чувствовать кожей.

Раз, два, три...

Ее брат плывет сюда. Он где-то на середине темноструйной реки. Его гибкое тело светится, как рыбья чешуя. А на спине шляпа, словно плавник. Только бы пересечь лунную дорожку, самое опасное место. Быстрее! Два черных ястреба бросаются сверху...

Зунг не успевает проснуться. Попадает в другой сон — кошмарный, неслыханный. Вся земля выворачивается наизнанку. Небо падает и становится землей, земля поднимается кверху и становится небом. Река кипит и клубится в облаках.

Придавленная к земле, сросшаяся с ней, Зунг чувствует землетрясение всем своим существом, всем нутром.

На рассвете, когда поднимает лицо от земли, видит, что лежит рядом с родным шалашом, превратившимся в груду веток и пепла. Она учится слышать раной, той, что в сердце.

Еле доползает до реки, чтобы смыть с себя грязь, чтобы разлепить веки, откупорить поры кожи, открыть ноздри. Чтобы слышать мир.

И так ловит вещий плеск волны. Зунг поднимает омытый взгляд. К берегу плывет одинокая шляпа, как скорлупа кокосового ореха. Зунг ступает в воду. Догоняет шляпу, ловит за поля, как будто тянет рассохшуюся, потерянную лодку. И узнает ее.

На берег вышли люди, поседевшие от подземного пепла. И среди них тот старик. И сестренка. Она ли? Между двумя бомбежками она словно выросла. Зунг одной рукой держит мокрую шляпу, а другой берет сестренку за руку. С двойного дна стекает вода. Никто не должен узнать, что ее брат Дин не доплыл.

Как много дел у одной маленькой девочки, когда рухнул ее шалаш! Сперва вырыть из-под руин кувшин с рисом, потом ведро. Издалека нести воду, потому что колодец в деревне засыпан. Это — целое путешествие через окопы, рвы и густые леса, чтобы найти новый колодец. Надо ловить раков в болоте. И не спускать черных стреловидных глаз с горизонта: самая маленькая борозда на синем небе, самая тонкая полоска дыма — это сигнал тревоги.

А тропический день ослепителен. Почти забываешь, что ты глух. Огненные лучи, натянутые, как струны, звенят. Рисовые поля поют ярко-зелеными голосами. Дерево фламбоян гудит алым пламенем. Каждая краска звучит своим неповторимым голосом. И это цветовое многозвучие говорит, предупреждает, зовет, успокаивает, придает смелость. Зунг плетет заплату из камыша для продырявленной корзины. Потом бегает с ней, чтобы перебросить воду из реки в поле. А рис зелеными ненасытными языками пьет, пьет и вечно жаждет. У девочки нет времени остановиться перед зияющими свежими воронками и спросить, в какой из них бомба похоронила ее слух, похоронила песни птиц, шепот листьев, всю пестроголосицу солнечного дня.

В сумерках втихомолку приходит старик. Берет шляпу. Медленными мудрыми руками вынимает что-то и кладет другое. Даже не смотрит на Зунг. Ничего ей не поручает.

Она надевает шляпу на голову, показывая, что поняла без слов.

Обращается к сестренке, как к большой девочке,— так ее мать обратилась к Зунг, когда уходила. Показала запомнившимся жестом материнской руки, где кувшин с рисом, и перешагнула через порог детства.

Река течет, темная и длинная, как ночь. Зунг вынимает из карманчиков камешки, чтобы не было тяжело, и бросает на берег. Сестренка найдет другие. Старик поведает ей тайну Зунг. А река поведает Зунг тайны брата. Только одного не скажет Бенхай, глубокая: как утонул он, плававший, как рыба, и где, на каком дне остались его черные глаза.

И Зунг умеет плавать, как рыба. Река, что отделяет Север от Юга, брата от сестры, принимает ее. Девочка и не надеялась, что станет взрослой так скоро...

Я из Ханоя.

По дороге в парк Дружбы.

Цветы Вьетнама.

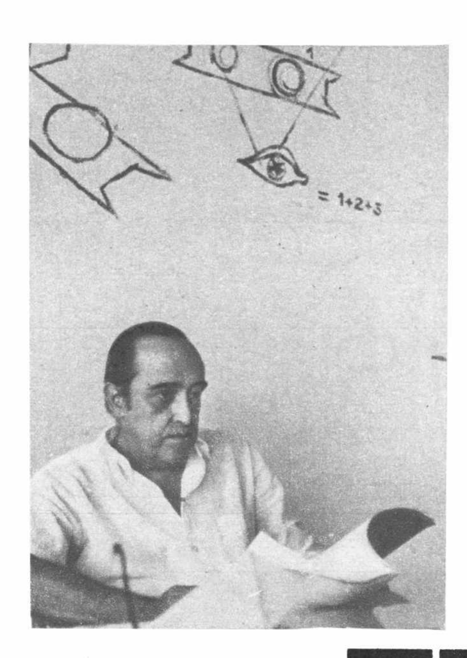
Мой папа.

Льенсо! — так приветствуют советских друзей.

Виталий БОРОВСКИЙ

Фото автора.

Оскар Нимейер в своей архитектурной мастерской.

ДОН ОСКАР И ЕГО БРАЗИЛИА

С тех пор, как мы виделись в последний раз с Оскаром Нимейером, прошло восемь лет. Годы эти были для него нелегкими и оставили заметный след: резче прорезались морщины у рта, а печальные, усталые глаза стали еще печальней...

Как и в тот раз, мы встретились в его архитектурной мастерской, в самом сердце знаменитой Копакабаны — приморского района Рио-де-Жанейро. С балкона мастерской хорошо видна огромная дуга высоких зданий, окаймленная выложенными узорчатой мозаикой тротуарами, она повторяет линию берега, пляжей и прибрежной авениды Атлантика. Теперь авениду расширяли за счет океана: по широченным трубам перекачивали сюда жидкий песок, наращивая таким образом берег, и пляж был весь изрыт, перегорожен кранами.

Увидев, что я с любопытством рассматриваю панораму развернувшихся внизу работ, дон Оскар заметил:

— Тесно стало в Рио. А вокруг, в этой огромной стране, человеческих рук ждут необъятные просторы...

Долгое время талантливый, ныне почти стомиллионный народ Бразилии не мог устроить собственный дом в соответствии со своими нуждами и вкусами. Интересы иностранцев, вывозивших из Бразилии каучук, кофе, какао, фрукты и руды, определили облик страны: все крупнейшие города лежали на тропическом побережье или близ него, а колоссальные пространства в бассейне Амазонки и на Бразильском нагорье оставались, по существу, необитаемыми.

Не удивительно, что уже давно в Бразилии возникла идея освоения планалту (нагорья) и перенесения туда столицы. Район этот расположен в самом центре страны, приподнят более чем на километр над уровнем моря и поэтому отличается умеренным климатом, значительно более здоровым, чем климат побережья.

Еще в 1823 году родилось имя будущей новой столицы — Бразилиа. Но понадобилось более столетия, чтобы мечта, к которой возвращались вновь и вновь, стала явью. Пятнадцать лет назад президент Жуселино Кубичек, выполняя решение конгресса, распорядился начать подготовку перевода столицы из старого Рио-де-Жанейро на планалту. Разработка проекта была поручена градостроителю Лусио Коста и молодому блестящему архитектору Оскару Нимейеру, ученику Корбюзье. В удивительно короткий срок был создан замечательный проект новой столицы Бразилиа.

Уже в 1958 году пятнадцать руководителей проекта приехали на место стройки, расположенное в девятистах километрах по прямой от побережья. Среди пустынной равнины, на красной, выжженной солнцем земле, возникли барачные поселки строителей. Их вскоре заполнили тысячи рабочих, приехавших с засушливого, голодного северо-востока.

За три года в суровых походных условиях были возведены основные здания центра будущей столицы — на площади Трех Властей — и первые жилые кварталы.

Архитектура Бразилиа вобрала в себя лучшие черты сложившегося национального зодчества. В то же время она бросает вызов установившимся канонам и штампам прошлого, уже несозвучным нашей стремительной эпохе, в которой понятие красоты окончательно освобождается от напыщенности и мишуры. Бразилиа прекрасна как вечное стремление людей к красоте, как мечта о лучшем, сказочно прекрасном будущем. «Я надеюсь,— писал дон Оскар,— что Бразилиа будет городом счастливых людей, которые ощущают жизнь во всей ее полноте, во всей ее хрупкости, людей, понимающих ценность простых и чистых вещей, каждый жест, каждое слово дружбы и солидарности».

Велико же было разочарование художника, когда он убедился, что действительность жестоко посмеялась над этими иллюзиями. «Мы видим с горечью, что существующие социальные условия сталкиваются с духом нашего генерального плана, создавая проблемы, которые невозможно решить за чертежной доской,— делает вывод Оскар Нимейер в своей книге «Мой опыт строительства Бразилиа».— Напрасно обращаться, как это делают некоторые наивные люди, к некоей социальной архитектуре, которая никуда не ведет, если у нее нет социалистической базы...»

Много раз вспоминались мне эти слова во время недавней поездки в Бразилиа. В осуществлении генерального плана — плана Пилото, как его назвали авторы,— был большой перерыв: казна перестала было отпускать деньги на строительство, и архитектор был вынужден покинуть страну — его лишили политических прав. Только в 1967 году творец Бразилиа, всемирно прославленный зодчий, смог вернуться на родину...

Странное ощущение остановившегося времени не покидало меня, когда я бродил по залам бразильского конгресса. Внутри застекленных (словно это огромные барокамеры) залов сената о чем-то говорили старцы в старомодных костюмах, но их не было слышно. Ничто не нарушало музейной тишины. Однажды она была прервана, когда ныне покойный президент Кастело Бранко ввел сюда войска и распустил парламент. Потом конгрессмены возобновили свои заседания. Они что-то обсуждают за стеклянными колпаками, но законы издают за них президенты.

В беседе со мной губернатор Федерального округа полковник Пратес да Силвейра рассказал, что до сих пор продолжается дискуссия о том, как должна развиваться Бразилиа в течение ближайших двух десятилетий: то ли оставаться лишь административным центром, то ли создавать свои собственные промышленные районы. Фактически жизнь высказывается за второй вариант,— я видел здесь, например, завод строительных конструкций, многочисленные мастерские. Все более остро встает проблема создания базы для широкого строительства жилых и общественных зданий. В связи с этим губернатор проявил большой интерес к советскому методу производства силикатного кирпича, сырьем для которого служит песок — изобилующий на планалту материал.

Губернатор напомнил, что по первоначальному плану Пилото предполагалось заселить Бразилиа в первую очередь ее строителями. На самом же деле, сказал мой собеседник, рабочие так и остались жить в барачных поселках, а построенные в новой столице удобные дома достались чиновникам, торговцам, банкирам. Из 520 тысяч жителей Федерального округа собственно в Бразилиа проживает лишь 140 тысяч, остальные 380 тысяч — население семи сателлитов (спутников). Как оказалось, сами эти города-сателлиты размежевались по классовому принципу. Возникли тут и просто трущобные поселки — печально знаменитые фавелы, в которых проживает более семи тысяч человек.

Я объехал некоторые из поселков-сателлитов. Даже отдаленно они ничем не напоминают блестящую столицу. Это в основном скопления деревянных домов барачного типа, разделенных кое-где немощеными улицами. На площадях — базары и украшенные аляповатыми, кричащими вывесками захудалые лавочки. Все выглядит так же, как и в тысячах старых городов и поселков Бразилии. В Бразилиа великолепные современные школы, прекрасный университет, а в городах-сателлитах и сельских поселках для тысяч детей вообще нет школ.

Увы, прекрасная архитектура и планировка ничем не отличают в социальном отношении Бразилиа от других городов страны. Тон здесь задают крупные дельцы и даже спекулянты, захватившие лучшие участки вокруг города, на берегу озера, где теперь строятся частные виллы. Богатые становятся тут еще богаче, бедняки — еще беднее.

Я поделился этими мыслями с Оскаром Нимейером. Он промолчал, а на другой день мне передали несколько исписанных его почерком страничек. Вот они:

«Для меня главным было прокладывать дороги, строить плотины, видеть, как возникают наши новые города на этом плоскогорье. Главным было дать бразильцу немного оптимизма, показать ему, на что мы способны, как щедра наша земля. Показать, что богатства наших недр, над которыми нависла угроза, ждут решения своей судьбы и энтузиастов, которые заставят их служить народу. Надо, чтобы все бразильцы почувствовали, как бедны их братья, почувствовали, как их многие годы угнетает враждебное и неравноправное общество. Мир бедняков столь велик и столь нищ, что сам по себе представляет знамя борьбы за удовлетворение справедливых требований...

Я работал над проектом Бразилиа, пытаясь выразить через современную архитектуру с ее разнообразными формами будущее этой страны, которая когда-нибудь станет счастливой и процветающей, чего мы все так хотим. Мы оптимисты и уверены, что наши иллюзии, которые сейчас рассеялись, когда-нибудь все же станут реальностью».

Прощаясь со мной, дон Оскар подарил мне на память фотографию с изображением макета здания ЦК Компартии Франции в Париже; это его последняя работа. Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» архитектор Нимейер не хочет ограничить себя только мечтами о будущем. Он хочет его строить.

Бразилиа — Москва.

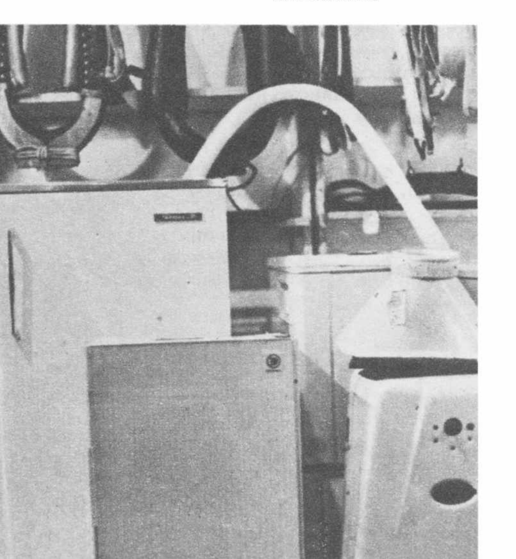
◀ Они сами плетут корзины.

Верхом на буйволе.

На втором этаже сельского магазина...

РАМЕНСКИЙ СТА

Спрос определяет предложение...

Выезжает магазин «Колос» на фермы, а сегодня заглянул к работникам теплиц.

В сельских магазинах встречается и знаменитая гжельская керамика.

К. БАРЫКИН, И. ТУНКЕЛЬ

НДАРТ

В машиносчетном бюро. Председатель райпотребсоюза Ю. В. Силаков и оператор Р. И. Байкова.

Раменский район? Вот оно, Раменское, от Москвы — рукой подать. Час с небольшим на электричке. Но это, если в сам город, а мы ехали в глубинку...

В дороге разговор неторопливый, и заместитель председателя райпотребсоюза Константин Петрович Вальцев обстоятельно рассказывает об особенностях сельской торговли, о том, как идут дела с товарооборотом (в год — более 76 миллионов рублей!), о новых магазинах. Основной покупатель в них — сельский: девять совхозов, несколько колхозов и опытных хозяйств. Но и работники заводов, строек района не чураются сельского магазина.

Раменские кооператоры — здесь главная торговая сила. Есть еще магазины — госторговли, железнодорожного орса, других ведомств, но на их долю приходится всего тридцать с небольшим процентов товарооборота. Остальное — потребсоюз. Думаешь об этом, и сам собой возникает вопрос: зачем району, тем более подмосковному, иметь такую торговую мозаику? Не знаем, какие неудобства «мозаика» приносит самой торговле, но покупатель от этого страдает безусловно. В сельском магазине лучше знают своего покупателя и стараются ему потрафить. И товар разыскать получше, и работать в те часы, что удобны сельскому жителю. А магазины иных торгов вынуждены приноравливаться не к конкретной обстановке, а следовать правилам, писанным для городских магазинов.

В общем-то, казалось бы, пусть соревнуются разные магазины, только соревнования не получилось.

...В совхозный магазин «Колос» мы заехали на минуту, только посмотреть. И невольно задержались. Если говорить о товарах, «Колос» в чем-то уступает иному городскому магазину, а в чем-то и превосходит его. Уступает, пожалуй, количеством, но вот качеством товара, а часто и обслуживанием, кажется, превосходит. Отличная обувь, трикотаж, ковровая дорожка, как палас, костюмы, пальто, галантерейная мелочь...

— У нас покупатель постоянный, мы всех знаем и нас — тоже. На совхозном отделении — три тысячи человек,— говорит директор «Колоса» Мария Ивановна Гурвич. — Если кто приобретет некачественный товар, моментально все село узнает и по округе пойдет.

Такие взаимоотношения сельского магазина с сельским покупателем создают не только доверительность, но и особую требовательность. Работники магазина ездят по базам, торгам, по предприятиям, ищут, выбирают, что получше. Продают-то ведь не безымянному покупателю, а человеку, с которым встречаются ежедневно.

— Постоянная клиентура сельских магазинов,— рассказывает председатель потребсоюза Юрий Васильевич Силаков,— животноводы, доярки. Их рабочий день — от зари до зари. В перерывах — не до магазинов. И вот московская областная партийная организация не только посоветовала кооператорам поискать новые формы торговли, но и подсказала их. Теперь наши магазины часто выезжают на фермы и с товарами и с книгами заказов. Вот так, по заказам, продали за год пятьсот холодильников, 1 267 стиральных машин, 2 477 новейших телевизоров и радиоприемников.

Юрий Васильевич — кооператор опытный. Пришел на эту работу вскоре после войны. Затем окончил кооперативный техникум. Обретал знания, опыт. Все более четко налаживалась и работа потребсоюза. Силакова избрали в ревизионную комиссию Центросоюза, а недавно он был награжден орденом Ленина. Конечно, с таким авторитетным председателем работать легче. Но не в нем одном дело. В магазинах и торгах райпотребсоюза работает 2 234 человека, многие из них учатся, некоторые уже получили дипломы институтов или техникумов.

И все же не все ладится у раменских кооператоров. Часть недостатков — на их счету, а часть следует адресовать строителям. Здесь построили и открыли за год всего семь магазинов — капля в море. В нынешнем году намечается открыть еще одиннадцать, но в строительном управлении № 5 — это основной подрядчик — работают медленно, да и не всегда на должном уровне. Однако построить магазин — еще не все заботы решить. Ставят сельские магазины иногда не на большаке, а в сторонке, поближе к жилью или к ферме. Но дорогу «забывают» подвести. И если по весенней распутице костюмы джерси или модельную обувь можно и не доставлять (подождет покупатель), то хлеб-то надо привозить ежедневно...

Вот такие огрехи и мешают раменским кооператорам вывести формулу стандарта, на который можно равняться всем. Конечно, и сейчас раменский стандарт — неплохой, добротный стандарт. Но он может и должен стать еще лучше.

Надежда КОЖЕВНИКОВА

Александр Юрлов. **Фото А. Награльяна.**

ОБЪЕДИНЯЮЩЕЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Они выходят на сцену — сто мужчин и женщин. Альты, тенора, басы, сопрано — оркестр человеческих голосов.

Строгая мозаика лиц, платьев, черных костюмов.

Пока они выстраиваются на ступеньках, зритель ждет, смотрит на боковую дверь, ведущую из-за кулис на сцену. Оттуда без дополнительного сигнала «Внимание!» должен появиться дирижер.

В его профессии — много загадочного для непосвященных. Например, как оркестрант, глядящий в свою нотную партию, одновременно видит и дирижера, ощущает всеми нервами дирижерский жест, отзывается на него, как струна под пальцами? Как сам дирижер становится аккумулятором энергии, вдохновения; как заряжает этим вдохновением оркестр, хор, зал?.. Особенно зал, который может и не знать тайн его дирижерского искусства...

Наш разговор пойдет о коллективе, называемом Республиканской Академической русской хоровой капеллой. Руководит им профессор, народный артист РСФСР, лауреат Государственной премии СССР Александр Александрович Юрлов.

Когда слушаешь хор Юрлова, то кажется, эти сто певцов срослись единой живой плотью. Пульсация крови, ритм дыхания происходят у них как в одном организме, с одним сердцем, с одними легкими... Мастерством, вдохновением покоряет капелла зал на концертах. А вдохновению тоже учат, вдохновение воспитывают...

На Бакунинской улице среди жилых домов во дворе стоит белая церковь XVII века, построенная в честь победы русских воинов над иноземными захватчиками. Реставрационные мастерские сохранили церковь, отремонтировали ее недавно, лет пять назад, как памятник старины, и отдали капелле для работы... Как известно, акустика в церквах отличная; раньше своего помещения для репетиций у капеллы не было, приходилось арендовать у клуба «Трехгорной мануфактуры». А теперь вот свой дом; на стене кнопками прикреплены объявления, висит выписка из правил внутреннего распорядка работников Академической русской капеллы. Пункт восемнадцатый гласит: «Артисты хора обязаны являться в помещение, назначенное для репетиций, за 5 минут и находиться на рабочих местах за 3 минуты до начала репетиции. Отсутствие кого-либо из артистов на своих местах, ссылка на ожидание в каком-либо другом помещении не может служить оправданием неявки или опоздания на репетицию». Другое объявление: «В субботу... числа... месяца концерт в Кремлевском Дворце съездов. Полная боевая готовность!..»

На верхнюю галерею ведет лестница. В зале с высоким куполом расположены амфитеатром места. Справа сидят женщины, слева мужчины. Впереди, у рояля,— Юрлов.

— Тусклый звук,— прерывает он певцов.— Фальшиво, потому что позиционно неправильно: формируете звук как «о», а это «у». Еще раз, пожалуйста...

В пении важны не только красота и сила звучания голоса, певец должен донести смысл, не исказить его. Необходима работа над произношением, артикуляцией.

— Нет, нет, не та нота. Глухая, толстая, интонации нет. Пожалуйста, открывайте рот. Я же говорил, достаньте подбородком до колена!.. И, помилуйте, что это за железнодорожный звук?.. Диминуэндо здесь, диминуэндо!..

Мне нужно, чтобы был необыкновенно упругий ритм! Без ритма вообще ничего быть не может: сердце останавливается — человек умирает... Все пульсирует — обязательно внутренняя пульсация!.. С альтами у меня особая встреча будет. В четверг каждого отдельно спрошу. Готовьтесь!..

В хоре сто человек, внимание их должно быть стократным. Если 99 запомнили, а один подвел, руководитель, дирижер и этого одного услышит — не спрятаться ему за чужие спины. Еще раз попросит Юрлов повторить, и получается: все терпение необходимо собрать каждому певцу, чтобы порой двадцать раз кряду повторить одно и то же, не обидеть никого и себя до крика не довести... Конечно же, решает многое опыт, большой педагогический опыт Юрлова, совместная работа его с А. В. Свешниковым... Юрлов был деканом в консерватории Баку, руководителем кафедры хорового дирижирования в Институте имени Гнесиных — вот таков этот опыт...

...Сто человек отдыхают по звонку. Десятиминутная перемена, как в школе. И, как в школе, группками собираются певцы: спорят, беседуют или парами секретничают. Через десять минут снова на местах, снова бесконечные, бесконечные повторения!.. А ведь эти сто человек слышали овации многих концертных залов, выходили на аплодисменты в театрах Парижа, Берлина, Москвы... А все равно произведения, десятки раз спетые в концертах, подвергаются на репетициях тщательнейшей чистке: Юрлов требует повторить еще и еще раз...

— После перерыва — Ведель,— говорит Юрлов.

Артемий Ведель, композитор XVIII века. «На реках Вавилонских» — концерт для хора.

— «Забвенно»... Произносите обязательно два «н»...

...Представление о каком-либо коллективе, театре, хоре, оркестре складывается из репертуара, определенного понимания стиля исполнения, а также из того нового, индивидуального, что присуще именно этому коллективу.

Капелла пропагандирует не только произведения советских композиторов. Благодаря ее работе от забвения спасены гении музыкальной культуры России доглинковской поры.

Русская старинная хоровая культура создавалась вначале как искусство церковного пения. Хотя влияние народной песни на строение церковных напевов достаточно заметно. Конеч-

но же, образная природа, идейный, психологический строй у церковной и народной музыки очень разнятся. Но в отличие от Запада, где вместе с культовой музыкой записывалась и чисто светская — песни трубадуров, труверов, миннезингеров,— на Руси велась запись только музыки литургической, церковной... Правда, тогда «религия несла с собой культуру, образованность и обеспечивала государственное единство. Естественно, что и искусство равнялось по наиболее организованной культурной силе»,— писал в 20-х годах композитор и музыкальный критик Б. В. Астафьев.

Он считал, что «с точки зрения музыкального своего содержания древнерусский культовый мелос ценен ничуть не меньше памятников древнерусской живописи. Его рисунок отличается богатством оборотов, свежестью, размахом, выразительной напевностью и пластичностью. К сожалению и к стыду нашему, русские исследователи-музыканты в отношении древнерусской музыки сильно отстали... и бродят в потемках, робко озираясь по сторонам...»

Недавно в Большом зале Консерватории в исполнении капеллы Юрлова прозвучала музыка времен Петра I. Интересно, что в отличие от большинства произведений старины это музыка яркой гражданской окрашенности. И тематика ее и стиль соответствуют нашему представлению о той эпохе, важной для развития России. В самом деле, эти произведения посвящены событиям, которые вошли в историю как памятники славы, победы русского оружия и доблести народной... Исполнялись Двенадцатиголосный концерт в честь Полтавской битвы В. Титова, «Стихира, глас пятый», кант «На взятие Дербента»... Красота и сила звучания хора, безукоризненный вкус, с каким исполняются произведения отдаленной эпохи, сделали этот концерт событием нашей музыкальной жизни.

Зарубежные гастроли Академической русской капеллы также заставили многих по-новому осмыслить удельный вес русской музыки в мировой музыкальной культуре.

«Оказалось,— писала газета «Ди Вельт» после гастролей капеллы,— не только Англия XVIII века является страной хорового пения, но и Россия, что у нас едва ли было известно».

В мае 1969 года коллектив Юрлова соревновался в Италии за получение «Римской премии» Международного фестиваля. Награждение происходило не по жанрам, а по степени эмоционального воздействия. Капелла оказалась победительницей. «Римскую премию» советским артистам вручила «мама Рома» — Анна Маньяни... На фестивале русско-советской музыки, проходившем в 1969 году в Париже, участие Академической русской капеллы стало одним из наиболее ярких событий...

В концертные программы капеллы входят образцы старинной музыки и произведения наших современников. На зарубежных гастролях вместе с произведениями Бортнянского, Березовского, Веделя, Фомина звучит музыка Прокофьева, Шостаковича, Хренникова, Свиридова...

«Курские песни» Г. Свиридова основаны на подлинных образцах песенного фольклора Курской области, издавна славящейся яркой самобытностью своего искусства. Так в творчестве советского композитора проявляется живая связь сегодняшней культуры с давней песенной культурой народа. А работа Академической русской капеллы подтверждает эту связь времен — от истоков народных до современности...

На Бакунинской, 83, все идет репетиция...

— Альты, пойте тонко, как сопрано. Эту ноту — еще «тембристее»!—требует Александр Александрович Юрлов, дирижер, руководитель капеллы...

Итак, что же такое дирижер? В чем сила его и власть?.. Какова мера его ответственности?..

Если сравнить дирижера с режиссером спектакля, то можно сказать, что оба они работают над осмыслением произведения и над воплощением осмысленного. Оба они должны обладать артистизмом и вдохновением. Обладать в такой мере, чтобы заразить ими весь свой творческий коллектив.

То есть и дирижер и режиссер должны быть, кроме всего прочего, воспитателями. Отсюда их авторитет, их власть. Их объединяющее вдохновение.

ТРАГЕДИЯ УЧЕНОГО

Н. ЛЕЙКИН

Крупный американский финансист Меллинген, личный друг президента Рузвельта, собрал в своем доме политиков, дельцов, ученых, артистов. Где-то далеко, за океаном, пылает пожар второй мировой войны, а здесь праздник, много света, музыки, цветов, изысканные угощения. И все ждут главного гостя, ради которого, собственно, и устроен этот прием,— гениального ученого, прибывшего в Америку из растерзанной фашистскими варварами Европы. Банкир Меллинген может себе позволить такую роскошь — принять в своем доме человека, давшего миру знаменитую теорию относительности. Имя его Альберт Эйнштейн.

Но почему так долго нет почетного гостя, отчего он опаздывает? Все в нетерпении. И вот, наконец, великий человек появляется. Скромно одетый Эйнштейн щурится от яркого света, протирает запотевшие очки; он явно смущен, и в то же время ему очень весело, он просто не может сдержать смеха. Оказывается, он принял за хозяина дома пышно разодетого дворецкого, и тот оказался великолепным собеседником... А потом Эйнштейн с такой же детской искренностью и непосредственностью скажет хозяину, что впервые встретил настоящего миллиардера и ему даже хочется дотронуться до него.

Так начинается спектакль «Альберт Эйнштейн».

Наконец-то эта трагедия Николая Погодина увидела свет столичной рампы. Завершенная его литературным секретарем Алексеем Волгарем, с которым Николай Федорович делился своими замыслами и планами, эта последняя работа выдающегося советского драматурга была опубликована еще в 1968 году, и просто удивительно, что до сих пор московские театры к ней не обращались. Драматический театр имени К. С. Станиславского заслуживает поддержки и благодарности за то, что первым в столице осуществил постановку драматургического произведения крупномасштабной философской и политической мысли.

Объясняя свое стремление написать пьесу об Эйнштейне, Погодин говорил: «На нем большая философия века сошлась». И, конечно же, он построил свою пьесу не на анекдотах о чудачествах и рассеянности гениального теоретика, не на бытовых легендах, окружавших его имя, а на главном трагическом противоречии его жизни. Это трагедия мыслителя, обостренно чувствующего ответственность науки за использование ее достижений. Это трагедия ученого, сознающего вопиющую несправедливость, социальное несовершенство капиталистического общества, оборачивающего в чудовищное зло те открытия, которые могли бы принести пользу и благо всему человечеству...

Таковы основные коллизии пьесы Погодина. Театр (режиссер И. Бобылев) стремится раскрыть их в остром, бескомпромиссном столкновении идей, целей, мировоззрения и жизненного опыта Эйнштейна и окружавших его в Америке людей.

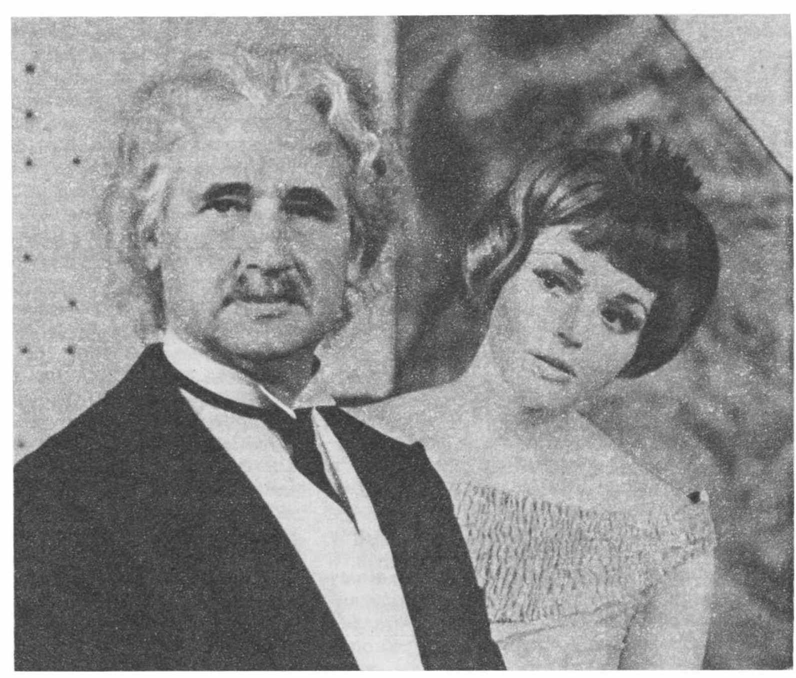
Эпизод за эпизодом развивается спектакль, и мы видим, как исчезают надежды ученого, как жестоко и безжалостно растаптывает империалистическая Америка веру в благородное предназначение науки.

Спектакль об Альберте Эйнштейне — это прежде всего самый образ человека великого, сложного, глубокого и вместе с тем необыкновенно доступного, сердечного, простого. Именно таким предстает перед нами Эйнштейн в исполнении артиста И. Козлова. Он не только добился портретного сходства, свободно овладел внешней характерностью, манерой поведения своего героя, но, главное, проник в его внутренний мир. Тонко, сильно передает актер мучительные переживания Эйнштейна, душевные борения с самим собой, связанные с проектом создания атомной бомбы и роковыми последствиями его осуществления. Эйнштейн — Козлов убедителен и в интенсивной работе мысли и в чисто человеческих, житейских, душевных порывах, таких непосредственных, окрашенных то мягким юмором, то печалью и болью.

Интересны, психологически колоритны и другие образы спектакля: прикидывающийся этаким добродушным простаком, но отнюдь не простой, твердо знающий, чего он хочет, банкир Меллинген (Н. Салант), зловещий сенатор-мракобес (Б. Белоусов), сумасбродная молодая богатая американка Фей (А. Балтер)...

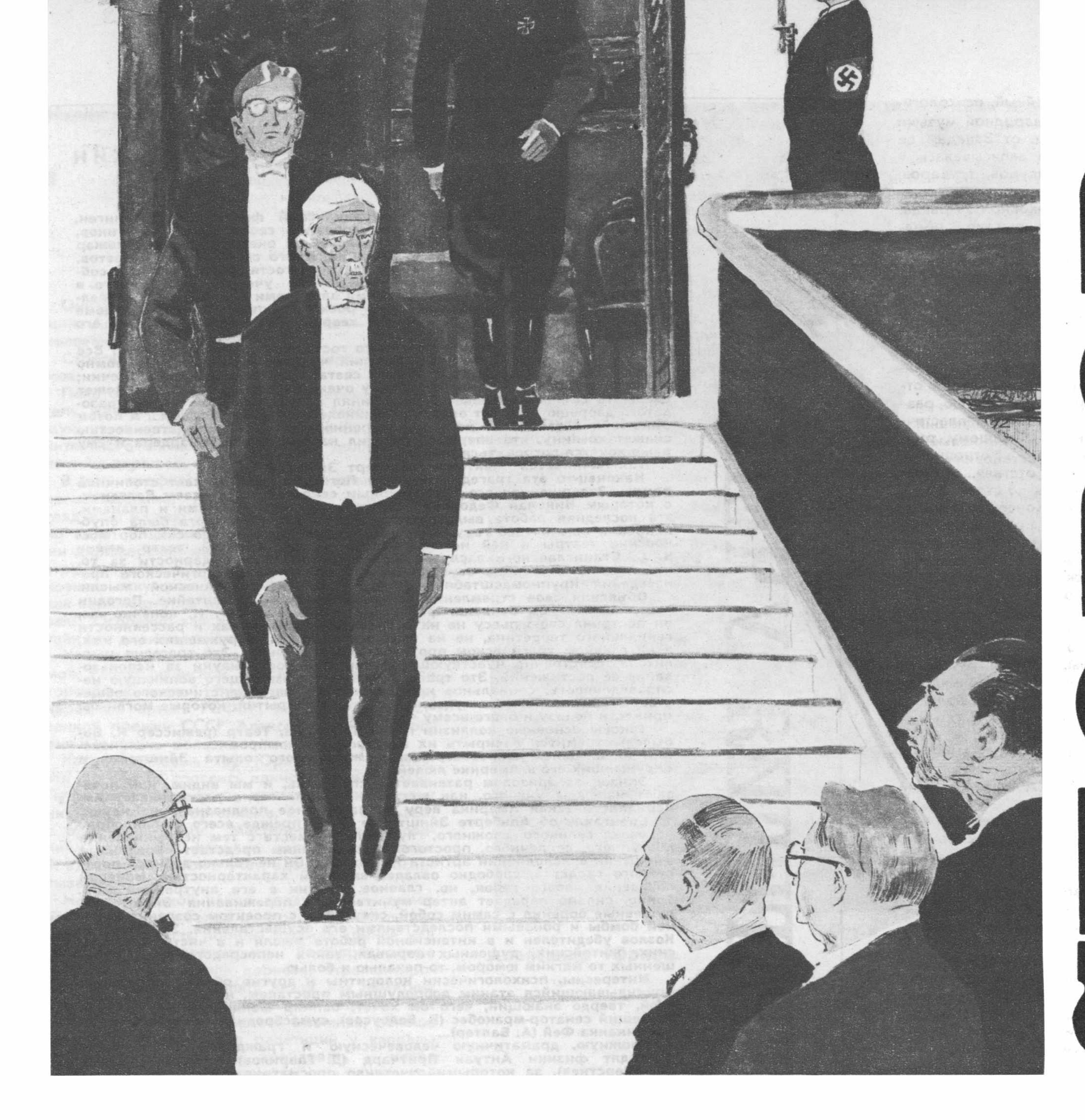
Сложную, драматичную человеческую и гражданскую эволюцию проходят физики Антуан Притчард (Д. Гаврилов) и Гарри Гордон (Ю. Шерстнев), за которыми отчетливо просматриваются их реальные прототипы — Оппенгеймер и Теллер.

Может быть, не все еще устоялось в спектакле: где-то в середине его ослабевают темп и напряженность действия, иные актеры еще недостаточно органично слились со своими персонажами. Но спектакль живет, волнует сегодняшних зрителей трагедией Альберта Эйнштейна. Еще и еще раз напоминает о суровости и остроте социальных, идеологических противоречий современного мира.

Эйнштейн — И. Козлов и Фей — А. Балтер.

Фото В. Петрусовой.

СГОВОР

Даниил КРАМИНОВ

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

Лимузины с гостями и хозяевами пересекли пустую вокзальную площадь и ринулись по узкой улице к центру маленького городка с каменными домиками и толстыми деревьями вдоль тротуаров, уже усыпанных листвой. За ними помчались полицейские машины с корреспондентами, и они оказались на тесной площади в тот момент, когда Чемберлен пожимал руку смущенному толстяку — хозяину отеля, в который доставили высокого гостя. Чэдуик шепотом окрестил это «эрзацем (заменой) исторического рукопожатия, которое не состоялось». Гостям дали лишь двадцать минут, чтобы привести себя после длительного полета и поездки в порядок, и старикам, оказавшимся без привычной помощи жен и лакеев, пришлось туго.

Все же ровно через двадцать минут — гости хотели показать, что англичане не менее пунктуальны, чем их хозяева-немцы,— Чемберлен, сопровождаемый Вильсоном, Гендерсоном и Стрэнгом (портфель, который тот держал на аэродроме, нес теперь Хэмпсон), вышел из отеля, остановился на веранде с яркими живыми цветами и снова обеспокоенно, точно выискивая кого-то или что-то, осмотрел площадь: население по-прежнему игнорировало его. Постояв с непокрытой головой, Чемберлен надел шляпу и спустился на мостовую. Парни в черном, стоявшие у открытых дверей лимузинов, захлопнули их, прыгнули на передние сиденья, и лимузины, обогнув площадь, покатились по той же узкой улице с могучими деревьями. Они миновали вокзал и выбрались на окраину городка, а затем стали взбираться по извилистой дороге, ползущей по склону горы, густо поросшей соснами. На ее вершине мраморно белело квадратное здание, похожее издали на склеп,— «Орлиное гнездо», куда поднимались лифтом внутри горы и где Гитлер принимал близких его сердцу гостей. Жил он значительно ниже — в большом доме, воздвигнутом на выступе горного склона. Снизу выступ опоясывала дорога, которая замыкалась с обоих концов двумя сельскими гостиницами, давно приспособленными под казармы эсэсовцев. Черные фигуры стояли у казарм, виднелись на поворотах дороги, прятались за стволами сосен, возникали иногда, как изваяния, на дальних скалах, отчетливо выделяясь на фоне неба.

Корреспондентов дальше склона горы не пустили, и они прокоротали там несколько часов, издали всматриваясь в дом на выступе, у которого остановились лимузины с гостями, в казармы чернорубашечников, а больше всего любуясь горами. Скоро, однако, они лишились и этого. Тяжелые облака свалились на горы, спрятав сначала их вершины, а потом и глубокую долину. Утонул в зябкой сырой мути даже Берхтесгаден, лежавший совсем рядом за их спиной. Стало совсем темно, когда лимузины с гостями, появившись из мрака, пронеслись мимо корреспондентов, ослепив их светом фар, и, помигав малиновыми зрачками хвостовых огней, скрылись в мокрой темноте. Корреспонденты бросились в полицейские машины, но на этот раз не догнали лимузины. Окна отеля на тесной площади ярко светились, однако перед ним и даже в вестибюле уже не было ни гостей, ни немецких хозяев. Кто-то сказал кому-то, что встреча завершилась соглашением и назначена другая встреча. Делясь этой новостью, корреспонденты настойчиво и напрасно допытывались друг у друга: какое соглашение? Какая встреча? Кого с кем? Когда? Ответа никто не знал, и все продолжали толпиться в вестибюле, безнадежно допрашивая один другого и поднимая глаза к потолку: там, выше, находились люди, которые знали.

С завистью смотрел Антон в узкую спину

Окончание. Начало см. в № 3.

Уоррингтона, который не спеша, словно к себе домой, поднимался на второй этаж, игриво стегая снятой перчаткой по отполированным перилам лестницы: он работал в той самой газете, которую считали рупором Уайтхолла, и от него не прятали секретов. За ним туда же поднялся седеющий, барственный и заносчивый Барнетт, с которым Антон познакомился в поезде. Правда, газета Барнетта почти ни в чем не соглашалась с правительством — либералы были в оппозиции, а газета поддерживала их — поэтому не могла рассчитывать на особое благоволение. Но Барнетт был «эмпи» (депутатом парламента), что значилось на его визитной карточке, и даже премьер-министр не мог безнаказанно выставить его за дверь. Незаметно исчезли из вестибюля, расползаясь по отелю, и другие журналисты. Внизу остались лишь Антон и Тихон, да Бауэр, следивший за ними не столь назойливо, как в прошлый раз. Друзья вышли из отеля и остановились под его окнами: за ними слышались голоса, трещали машинки, кто-то надрывно кричал по телефону, передавая по буквам чуждые и непостижимые для англосаксов немецкие фамилии.

— Что будем делать? — спросил Тихон.

— Что же нам делать? Ждать, — ответил Антон. — Может быть, удастся узнать кое-что.

Тихон взял друга под руку, молча увлекая с собой. Они обогнули пустынную площадь, шлепая по мокрым камням тротуара, и вышли на улицу. По ней несся промозглый ветер — осень в горах уже чувствовалась, — фонари раскачивались на бетонных столбах, и черные тени метались по улице, будто гонялись за кем-то быстрым и неуловимым.

— Два человека договорились о чем-то, что может определить судьбу многих миллионов, и люди даже не знают, что их ожидает, — угрюмо проговорил Антон, с горечью подумав о том, что заставило его оказаться в горах Баварии.

— Пока не знают, — уточнил Тихон. — И когда узнают, они...

— Что «они»?

— Они что-нибудь сделают, чтобы помешать тем двоим распорядиться их судьбой, — ответил Тихон. — Знания, как сказал один мудрый философ, — основа всякого действия.

— Знания, как говорили еще в школе, — сила, но знаний-то нам и не хватает.

Улица была пустынна и холодна, и друзья, пройдя по ней метров двести, остановились. Вздрогнув, Тихон поежился и предложил вернуться к отелю.

— Пошли в бар, — сказал он, как только они добрались до освещенного подъезда. — Туда, как звери на водопой, сойдутся скоро все.

В баре, к их удивлению, уже сидел Барнетт. Облокотившись на стойку, он старательно изучал в зеркале буфета свое длинное лицо, растягивая пальцами морщинистую кожу то на одной, то на другой щеке. Он был мрачен: вероятно, его восхождение на второй этаж оказалось напрасным. Взгромождаясь на высокий круглый стул рядом с ним, Антон вежливо осведомился, не возражает ли мистер Барнетт против соседства. Барнетт скосил в его сторону глаза и оттопырил губы: любой иностранец заслуживал, с точки зрения настоящего бритта, лишь презрения. Но молодой русский так старательно выговаривал каждое английское слово и так застенчиво улыбался, что Барнетт решил быть великодушным. Он улыбнулся и пробормотал:

— Нот эт олл — ни в коей мере.

— Тысяча благодарностей, — сказал Антон, улыбаясь еще шире.

— Не прибегайте к преувеличениям, — оборвал его Барнетт. — Это особенность американцев. Англичанину достаточно сказать: «Благодарю вас!»

— Благодарю вас!

— Это уже лучше, — одобрил Барнетт. — Насколько я понял из вчерашнего разговора, вы собираетесь жить в Англии, и вам надо привыкать к тому, как говорят англичане.

— Офкоз, офкоз — конечно...

— Офкоз, офкоз, — передразнил Антона Барнетт. — Своим «офкоз» вы выдаете себя. Избегайте этого слова.

— Ай вил — буду избегать, — с веселой готовностью подхватил Антон, почувствовав в тоне англичанина не только желание поучать, но и расположение, чего добивался со вчерашнего вечера.

— И еще один совет, — сказал Барнетт, поворачиваясь к Антону вместе со стулом. — Не старайтесь говорить по-английски слишком правильно: это делают только иностранцы да наши учителя английского языка.

— Благодарю за совет, мистер Барнетт.

— И этим «мистером» тоже не злоупотребляйте. Мы предпочитаем звать друг друга по имени, кого знаем, а кого не знаем — просто не замечать.

Барнетт пустился объяснять Антону особенности отношений между англичанами и кончил тем, что заказал для него и Тихона «дринк» — выпить. Затем «дринк» заказал Антон, потом Тихон, и после четвертого или пятого «дринка» они, не боясь встретить обидное молчание, стали расспрашивать своего «многоопытного, хорошо осведомленного и дальновидного» соседа о том, что интересовало их. Барнетт, как оказалось, тоже не знал сути достигнутого соглашения, но был уверен, что оно плохое, скверное, даже катастрофичное для Англии и Европы.

— Но почему? Почему? — допытывался Антон.

— Потому что правительство тори не может заключить умного соглашения, — презрительно оценил Барнетт. — Те, кто прислал сюда нашего премьера (кивок в потолок), видят в этом... (кивок в сторону портрета Гитлера, висевшего в простенке) не врага, а союзника.

— Союзника? Против кого?

— Против всех!

— Против всех? Не могут они быть против всех.

— Ну, против вас, русских. Против французов, которые все больше склоняются если не к большевикам, то к социалистам. Против итальянцев: они покушаются на наши владения в Африке. Против испанцев, этих бунтовщиков, свергнувших короля. Против американцев, которые все более наглеют и ведут себя так, будто уже захватили весь мир.

— Но Гитлер вовсе не против итальянцев и американцев.

Барнетт удивленно уставился на Антона, словно впервые слышал об этом, затем согласно наклонил красивую седеющую голову.

— Конечно, он не против итальянцев и американцев, но там, в Лондоне, надеются настроить его против. Тори ничего не понимают в том, что происходит в мире. В их нынешнем правительстве нет ни одного дельного министра. Политики с умом, опытом, с умением смотреть вперед находятся за пределами этого правительства. Лишь приход к власти оппозиции может изменить положение...

Как все люди, убежденные, что только они знают истину, захмелевший Барнетт стал с жаром излагать соседям свой взгляд на обстановку в Англии, Европе, мире. В зеркале буфетной двери Антон увидел, как в бар вкатился подвижный Чэдуик, и толкнул в бок Тихона, показав глазами на американца. Тихон соскользнул со стула, и, подойдя к Чэдуику, обнял его за толстые плечи, и пригласил выпить с ними. Тот охотно согласился и влез на стул, уступленный ему Тихоном, взял рюмку шнапса и отпрокинул в рот, не ожидая других. Написав и отправив телеграмму и уже не опасаясь соперничества, Чэдуик искал собеседников, чтобы, как выражался он, «выжать губку», то есть рассказать о том, что узнал и чем поделился со своими читателями.

Скоро они знали о недавней встрече в доме на горном выступе почти все, что удалось выпытать у кого-то расторопному американцу. Гитлер поджидал английского премьера на верхней ступеньке лестницы своего дома, не решаясь спуститься вниз: опасался повторения конфуза, случившегося год назад, когда сюда приезжал Галифакс. Сиятельный лорд принял Гитлера, сошедшего вниз, за слугу и небрежным жестом подал ему шляпу, готовясь сбросить на его руки и пальто. Барона Нейрата, тогдашнего министра иностранных дел, сопровождавшего гостя, едва не хватил удар. Он поймал Галифакса за рукав, испуганно шепча: «Что вы делаете! Это же фюрер! Фюрер!» Теперь Гитлер заставил Чемберлена подниматься к нему по ступенькам с вытянутой рукой. В огромной комнате с великолепным видом на горы премьера либо по бестактности, либо намеренно усадили под картиной, которую он не сразу разглядел. Лишь во время чаепития — было пять часов, и англичане получили свой «файф-оклок-ти» (пятичасовой чай) — Чемберлен заметил, что соседи слишком часто бросают взгляды — одни смущенно, другие с ухмылкой — чуть-чуть выше его головы. Надев пенсне и обернувшись, он замер. Прямо над ним, охваченная тяжелой, золоченой рамой, висела большая картина: молодая, по-крестьянски дородная красавица возлежала на боку, выставив на обозрение бесстыдно обнаженное зрелое тело. Серое, давно не красневшее лицо премьер-министра побагровело, он брезгливо отвернулся и, сдернув пенсне, заговорил более тонким, чем обычно, голосом:

— Я часто слышал об этом помещении, но оно больше, чем я ожидал.

Гитлер принял эти слова за намек на его грандиозоманию и раздраженно возразил:

— Это вы, англичане, располагаете большими помещениями.

— Вы должны приехать как-нибудь и посмотреть их, — примирительно заметил Чемберлен, почувствовав раздражение. Это осторожное, но явное приглашение посетить Англию не усмирило Гитлера.

— И меня встретят там демонстрациями протеста, — проворчал он, не глядя на гостя.

Чемберлен вздохнул, точно жалел о возможности демонстраций:

— Что ж, может быть, было бы мудрым выбрать подходящий момент, а мы постараемся, чтобы вместо демонстраций вас встретили манифестации дружбы.

Блеск в настороженных глазах хозяина оставался холодным. Хлопнув себя ладонями по ляжкам («жест лавочника или мясника», презрительно оценил аристократ Гендерсон), Гитлер поглядел на гостя требовательно и сказал, что готов выслушать его, словно английский премьер-министр был жалким просителем. Чемберлен поднялся с кресла и растерянно пробормотал, что хотел бы поговорить с ним наедине. Гитлер молча встал и так же молча показал на лестницу, ведущую на второй этаж. Все вскочили, оставаясь, однако, у стола; лишь переводчик поспешил за ними: Гитлер ни слова не понимал по-английски, а Чемберлен знал два-три десятка обиходных немецких фраз — у него ведь были деловые партнеры-немцы.

Оставшиеся вновь уселись, но разговор не клеился. Риббентроп злился на Гендерсона, посоветовавшего премьеру попросить у Гитлера разговора наедине. Это исключало появление имени тщеславного министра рядом с именами глав двух правительств в сообщениях и заголовках газет, чего он так жаждал. Молчаливый, холодный и прямой, как штык, генерал Кейтель, которого близорукий Вильсон принял за адъютанта и попросил принести папку, забытую им в передней, вперил бесцветные, неморгающие глаза в окно и не проронил за все время ни слова. Толстяк Ламмерс, довольный устранением Риббентропа — оба добивались благосклонности Гитлера и ненавидели друг друга, как соперники, страстно влюбленные в капризную кокетку, — рассказывал анекдоты. Англичане не понимали их: английский и немецкий юмор так различен! — но подхватывали вежливым смехом.

«Маленький доктор», находившийся в Берлине, позаботился о том, чтобы собравшимся в этой комнате не было скучно: он приказал передавать в Бергхоф «телеграммы из Чехословакии». Большие желтые листы с коротким, но крупно напечатанным на особой машинке текстом — Гитлер плохо видел, но избегал очков, и эту машинку сделали специально для него, — доставлялись адъютантом наверх, а копии вручались Риббентропу, от которого переходили из рук в руки. Огромные — в три раза больше обычного — буквы кричали о «чудовищных избиениях» в Судетской области, совершаемых чешскими жандармами и солдатами. Судороги «кровавого разгула» заставили вздрогнуть как гостей, так и хозяев. Ламмерс перестал балагурить, Риббентроп стиснул губы так, что они побелели, а Кейтель вытянулся еще прямее.

— Ужасно! Ужасно! — шептал Вильсон, возвращая дрожавшими руками желтые листы. — Это просто бесчеловечно!

— Да, это бесчеловечно, — подхватил Гендерсон менее взволнованно, но более убежденно. — От этих славян всего можно ожидать. Они коварны и кровожадны...

Когда Чемберлен и Гитлер спустились вниз, ожидавшие их с удивлением отметили, что

премьер постарел за три часа по меньшей мере на десяток лет: морщины на худом лице углубились, нижняя губа отвисла, обнажив большие, желтоватые зубы. Гитлер, наоборот, помолодел, и его глаза радостно сияли. Он сразу повел гостя к выходу, словно торопился избавиться от него. Мрамор лестницы подъезда блестел от дождя, и хозяин, едва переступив порог, подал Чемберлену руку и ушел в дом, не дожидаясь, когда гости уедут.

— Откуда вы все это узнали? — изумленно проговорил Антон, подвигая американцу новую рюмку.

— Собрал, — односложно ответил тот. Выпив и поставив рюмку на бумажную салфетку, он усмехнулся. — Надо уметь спрашивать.

— Наверно, надо еще уметь найти, кого спрашивать?

— О, для этого годится каждый, кто присутствовал, — заверил Чэдуик. — Людям нравится рассказывать, особенно детали. Не все, даже не многие схватывают и понимают суть события, но детали запоминают почти все и охотно говорят о них, считая то, что они увидели или узнали, самым главным.

— А вы не спрашивали о том, что было самым главным?

— А что, по-вашему, было самым главным?

— Как что? Конечно, соглашение между Чемберленом и Гитлером.

— Но это же известно, — почти небрежно бросил Чэдуик. — Соглашение достигнуто, и об этом, как мне сказали, оповестили уже весь мир.

— Но о чем соглашение? О чем? Ведь это же самое главное.

Чэдуик только отмахнулся.

— О, об этом скоро появится сухое и несъедобное, как пережаренный бифштекс, коммюнике. Меня это никогда не интересовало. Мое дело — собрать детали. И такие детали, чтобы мои читатели видели, как все это делается, будто они сами побывали тут. Хотите, я расскажу вам еще кое-что?

— Опять детали?

— Детали, но какие!

И Чэдуик тут же поведал им о «скандале», который разразился уже после встречи. Гости попросили хозяев дать им запись разговора премьер-министра с рейхсканцлером. Переводчик стенографировал весь разговор, и премьер хотел воспользоваться стенограммой для своего доклада Лондону. Риббентроп ответил на просьбу одним словом: «Найн!» Чемберлен, которому доложили об этом, был настолько удивлен, что засомневался в своих знаниях немецкого языка и спросил Гендерсона: «Что такое «найн»? «Найн» — нет, ваше превосходительство, — ответил посол. — Грубое «нет», которое можно ожидать только от этих опруссаченных мужланов». Чемберлен потребовал стенографистку, и сейчас он, терзая свою старческую память, старался воспроизвести весь разговор. Стенограмма тут же расшифровывалась на машинке и после просмотра автором снова зашифровывалась — на этот раз дипломатическим кодом — и по страничкам отправлялась на телеграф.

Теперь Антон понял, чем занимался Хэмпсон, который время от времени пересекал вестибюль, то выходя из отеля, то появляясь вновь. Надеясь перехватить его наедине, Антон выскакивал несколько раз вслед за ним на улицу, но Хэмпсон исчезал неведомо куда. Сразу же после рассказа Чэдуика о «скандале» Антон снова вышел, решив дождаться у подъезда возвращения Хэмпсона, вышедшего из отеля. Минут через десять машина, выкатившись из темного провала улицы, остановилась перед отелем. Хэмпсон выскочил из машины и торопливо направился к двери. Антон перерезал ему путь. Молодой англичанин остановился, молча ожидая вопроса или обращения.

— Я уже слышал кое-что, — начал Антон, — но главное...

— Главного я тоже не знаю, — перебил его Хэмпсон, торопясь. — Пока не знаю. А то, что знаю, не могу понять. Просто не могу понять.

Вероятно, разочарование и недоверие были столь явны на лице Антона, что англичанин поспешил повторить:

— Не понимаю... Честно говорю, пока ничего не понимаю. Может быть, потому, что главного не знаю.

— Но главное станет же известно? — с надеждой проговорил Антон.

— Конечно. Может быть, совсем скоро, а может быть, через час-два.

— Тогда я подожду тут, — сказал Антон, стукнув носком ботинка в плиту тротуара.

— Зачем?

— Надеюсь, что вы обрадуете меня сообщением о повороте событий в лучшую сторону, о чем говорили позавчера в ресторане под берлинской ратушей.

— Боюсь, что ваши надежды не оправдаются.

— Вы откажетесь говорить со мной?

— Нет, не в этом дело, — смущенно пробормотал Хэмпсон. — Просто я не смогу сообщить вам ничего, что могло бы обрадовать.

— Непонятно, совсем непонятно, — сказал Антон, чувствуя в тоне молодого англичанина не только неуверенность, но и вину. — Только заговорщики скрывают свои планы, боясь разоблачения и противодействия, миротворцы — а ваш премьер приехал сюда как миротворец, не так ли? — спешат обнародовать свои соглашения, чтобы получить широкую поддержку.

— Из того, что я узнал, пока трудно сделать вывод, — сказал Хэмпсон, — но, кажется, я невольно обманул вас.

— Невольно? Значит, вас самого обманывали? — спросил Антон, хотя и понимал, что вопрос излишен. Ему захотелось, чтобы Хэмпсон подтвердил это не столько для него, сколько для себя.

— Да, меня обманули, — проговорил он глухо. — Обманули бессовестно и, думаю, обманули не меня одного.

Антон взял англичанина за руку выше локтя и сжал ее.

— Кто обманул? В чем обман?

Хэмпсон освободил свою руку и немного отодвинулся.

— Меня ждут наверху, — тихо сказал он, не отвечая на вопросы. — Поговорим, когда я освобожусь.

— Хорошо, — с готовностью, почти обрадованно согласился Антон, — я буду ждать тут.

— Ждать лучше там, — посоветовал Хэмпсон, показав на дальний угол отеля, утопавший в темноте: желтые круги, лежавшие на мокрой мостовой и тротуаре, не затрагивали тот угол. — Там тише и суше.

Антон, подойдя к двери бара, поманил Тихона и попросил объяснить Барнетту и Чэдуику, что другой русский отлучился по делам. Тихон пожелал вместе с ним ждать англичанина на улице. Однако настаивать не стал, поверив Антону, что с Хэмпсоном лучше разговаривать одному.

На улице было холоднее, чем показалось Антону вначале. Подняв воротник плаща, он прижался к отсыревшим деревянным воротам и стал ждать. Машина уходила, исчезая за поворотом, возвращалась, стояла минут пятнадцать — двадцать у подъезда, потом снова уходила и снова появлялась. Захмелевшие и шумливые корреспонденты покидали отель, скрываясь в темноте улицы: шли ночевать в поезд. С последней группкой ушел Тихон, и бар погрузился сначала в полусумрак, потом во тьму. Продолжали ярко светиться окна на втором этаже: «счетовод» был старателен и упрям и не ушел на покой, пока не закончил свой доклад.

Лишь в первом часу ночи машина, возвращавшаяся с телеграфа, остановилась на углу площади. Хэмпсон отпустил ее, а сам пошел по тротуару, огибавшему площадь. Остановившись напротив Антона, он тихо сказал, скорее утверждая, чем спрашивая:

— Замерзли, наверно.

— Да, немного.

— Может быть, пройдемся.

— Пройдемся.

Они пересекли площадь с уже спящими домами и повернули на улицу, по которой трижды проезжали сегодня. Дождь, моросивший весь вечер, перестал, но ветер оставался мокрым и холодным. Втянув головы в плечи, они шагали молча рядом. Молодой англичанин молчал, либо не зная, с чего начать, либо обдумывая то, что узнал. Молчание становилось тягостным, и Антон решился подтолкнуть спутника:

— Я жду, Хью.

— Я думаю, — в тон ему отозвался Хэмпсон.

Они сделали еще несколько шагов. Англичанин вдруг остановился и, повернувшись к Антону, удрученно воскликнул:

— Я ничего не понимаю! Я просто ничего не понимаю!..

— Чего вы не понимаете?

— Ничего не понимаю, — повторил Хэмпсон. — Ничего! У меня такое ощущение, что меня поставили с ног на голову. Или, наоборот, все, что я знал, во что верил, перевернулось с ног на голову.

— Кто перевернул вас с ног на голову? Что перевернулось?

— Все перевернулось! Все! — с горечью воскликнул Хэмпсон.

Они прошли шагов двадцать молча.

— Вы не поверите тому, что я скажу, — с раздражением заговорил Хэмпсон, повертываясь к Антону. — Не поверите, как не поверил я сам тому, что узнал. — Он опять замолчал, потом странно фыркнул. — Наш премьер приехал сюда, чтобы сказать Гитлеру, что готов передать, или, как написал он в Лондон, «вернуть, матери Германии» Судетскую область. Он дал слово джентльмена, что Гитлер скоро получит эту область, не прибегая к силе.

Хэмпсон засунул руки поглубже в карманы пальто и зашагал дальше. Антон догнал его и придержал за рукав.

— Как мог он обещать передать немцам чехословацкую область? Ведь чехи намерены воевать за нее, а мы и французы поддержим их. По договору обязаны поддержать.

— Чехов заставят отдать эту область Гитлеру, а французов — смириться с этим, — с раздражением и даже со злостью проговорил Хэмпсон. — Что касается вас, то Гитлер потребовал, чтобы большевистская Россия была отстранена от какого бы то ни было участия в европейских делах. Наш премьер, к моему стыду, согласился с ним и сказал, что видит в этом одно из важнейших условий укрепления мира в Европе. Он даже похвастал, что с первого дня его прихода к власти удаление безбожной России из Европы было главной целью политики правительства его величества. Премьер заверил Гитлера, что нынешнее английское правительство относится с глубоким пониманием к стремлению руководителей новой Германии расширить свое жизненное пространство на Востоке и готово содействовать достижению ее целей. На это Гитлер сказал, что подождет и посмотрит плоды этих усилий, но недолго. И премьер дал указание кабинету, чтобы, не дожидаясь его возвращения в Лондон, сообщили французам и чехословакам, о чем тут договорились, и заставили их поскорее одобрить соглашение. Через несколько дней он встретится вновь с рейхсканцлером, чтобы...

Белый свет ударил вдруг им в лицо, ослепив, и они замерли, точно парализованные, когда рядом раздался резкий окрик:

— Хальт! (Стой!)

Только тут Антон понял, что, увлеченные разговором, они прошли весь городок и выбрались к горе, на которой, как злой Кащей, прятался в своем убежище Гитлер. Они объяснили вынырнувшим из тьмы эсэсовцам, как оказались здесь, и те, проверив документы, отпустили их, хотя свет прожектора, нацеленный им в спины, долго держал их в своем ослепительно ярком коридоре.

— Да, события повертываются совсем не в ту сторону, — с горечью заговорил Антон после некоторого молчания. — Честно говоря, я не верил, что англичане захотят преподнести Гитлеру Судетскую область, как сказал сегодня в поезде Чэдуик, на золотой тарелочке.

— При чем тут англичане? — раздраженно произнес Хэмпсон. — Они повинны в этом не больше, чем я, и хотят этого не больше меня.

— И никогда не допускал я мысли, — продолжал Антон с той же горечью и укором, — что Англия подхватит и поддержит требование нацистов об удалении России из Европы.

— Англия! Англия! — повторил, еще более раздражаясь, Хэмпсон. — Англия тут ни при чем. Правительство — это еще не страна. Англия свое слово скажет. И такое слово, что не поздоровится никому, кто тайно или явно сочувствует и помогает нацистам.

— Вы верите в это?

— Конечно! Верю, как верил всегда в здравый разум англичан.

Антон поймал руку Хэмпсона и стиснул ее.

У вокзальной площади они расстались. Антон свернул вправо, к вокзалу и поезду, где уже спали его соседи-корреспонденты, а Хэмпсон звучно зашагал дальше, к отелю.

Ренато Гуттузо. БАТРАКИ.

СМЕРТЬ РАБОЧЕГО.

Ренато Гуттузо.

РАБОЧИЙ,
ЧИТАЮЩИЙ ГАЗЕТУ.

БУГИ-ВУГИ В РИМЕ.

Виктор ПАРФЕНТЬЕВ

МОЯ ВОЛГА

* * *

Что зовут ее русской,
Великой,
Я не буду вовек отрицать.
Только Волга,
Она многолика,
Наша Волга
России под стать.

И скажу,
Не боясь оборотов
Громогласных,
Коль громки дела!
Волга —
Дружба российских народов,
Всех
К своим берегам собрала.

* * *

Ты знаешь,
Поедем под Углич,
Где тихая речка течет.
Хором там не будет,
А угол
Нам кто-нибудь, в общем, найдет.

Тебя я из крынки багряной
Парным молоком напою.
Румянец, сменивший румяна,
Проявит мне нежность твою.

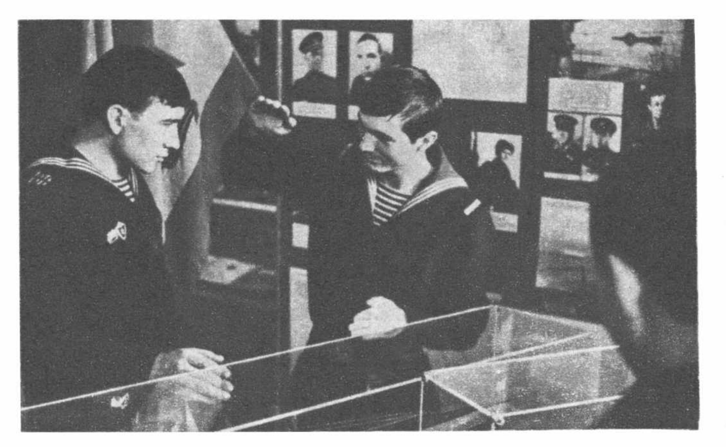
Ну что ты теряешь?
Поедем!
И ты в этом мире найдешь
Грибы под разлапистой елью,
Цветы,
Забежавшие в рожь.

Ты знаешь,
Поедем под Углич,
Где тихая речка течет.
Хором там не будет,
А угол
Нам кто-нибудь, в общем, найдет.

* * *

Дорога по весне
Всегда повыше
Весенних,
Развалившихся снегов.
Она чернеет
Только лишь
с боков,
Пока ручьи
Дорогу не распишут.

Зато тогда,
Когда сойдут снега,
По ней
и не пройти
И не промчаться...
Она течет,
Как черная река,
Которой белые снежинки снятся.

ВЛАДИВОСТОК

ОТ БАЛТИЙСКОГО ДО ТИХОГО...

Макеты подводных лодок, военно-морские флаги и вымпелы, приборы и другие реликвии с вошедших в историю гвардейских и краснознаменных подлодок, боевые награды и личные вещи героев-подводников, фотографии, плакаты... Живой рассказ о возникновении, развитии и боевом использовании подводного флота, о героических подвигах советских подводников. Все это собрано в экспонатах передвижной выставки «Подводный флот нашей Родины», развернутой Центральным военно-морским музеем в залах Владивостокского Дома офицеров.

Рассказ начинается с 1719 года, с первого в мире подводного корабля, созданного в России Ефимом Никоновым, и заканчивается современным ракетным атомоходом, способным совершать на большой глубине кругосветные походы.

На макетах лодок четко выписаны номера: «С-56», «Щ-205», «М-172». Торпеды, посланные с этих подлодок, разили гитлеровцев на разных широтах. Сами подводные корабли уже стали достоянием истории, но и поныне живут в памяти людей. Их вахтенным журналом стала книга отзывов.

Вот запись, сделанная Евгенией Ивановной Коротковой из Ульяновска: «Мой единственный сын Петр Коротков в годы войны служил на подводной лодке. Редко приходили письма в мой дом, а последнее было от командира соединения. Сухие строки сообщали о гибели Петиного корабля. И вот на выставке я снова встретилась с сыном. Он смотрит на меня с коллективной фотографии экипажа подводной лодки «Д-3», героически погибшей в борьбе с фашистами...»

Большую и добрую работу проводит передвижная выставка ленинградского музея, тепло встреченная тихоокеанцами.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора.

На снимке: воины-тихоокеанцы у экспонатов выставки.

ЗАПОРОЖЬЕ

ЧТОБ ПОСУДЫ БЫЛО БОЛЬШЕ

Эти сверкающие белизной кастрюли, которые держит в руках контролер-сортировщик Наташа Романенко, изготовлены на Запорожском метизном заводе. Цех эмалированной посуды выпускает, кроме кастрюль, различные миски, кружки, бидоны, чайники — всего более сорока наименований бытового инвентаря. Такие изделия на магазинных полках, как говорится, не залеживаются. Можно ли производить их в большем количестве? Этот вопрос мы задали главному инженеру завода Е. В. Караулову.

— Да, конечно, мы уже пересмотрели наши планы. За 1970 год мы выпустили девять миллионов двести шестьдесят семь тысяч изделий, а в прошлом году запланировали выпустить двенадцать миллионов девяносто шесть тысяч штук. Впрочем, план ежемесячно перевыполнялся, так что эту цифру мы увеличили почти до тринадцати миллионов... За счет чего? Резервов у нас много: механизируем процессы, улучшаем технологию труда.

С. БОРИСОВ
Фото А. Красовского.

СПРАВКА О «ГОРСПРАВКЕ»

Вчера я в течение шести минут подряд набирал по телефону цифры 09 и 05 — всем известные номера справочной службы. Едва дозвонился. Нужную справку мне выдали, правда, в считанные секунды. Значит, справочная работает хорошо? Но чему же тогда приписать те шесть минут частых гудков? Я повторил свой опыт. Результат оказывался примерно таким же. И в девять утра, и в двенадцать дня, и в шесть вечера, и в одиннадцать ночи.

— Сколько же потерянных зря часов складывается из этих минут?

Этот вопрос я задал начальнику информационно-справочной службы города Н. А. Николенко. На мой вопрос он точного ответа дать не мог, но зато спросил меня сам:

— А вам известно, сколько в нашем огромном городе справочных киосков? Одиннадцать...

За три десятка лет население Новосибирска выросло в три раза и достигло миллиона двухсот с лишним тысяч человек. «Горсправка» буквально «задыхается» от обилия всевозможных запросов — только за 1971 год выдано более полумиллиона справок. Между тем в организации труда информационно-справочная служба города не сделала ни малейшего шага вперед. Механизация и автоматизация словно и не касаются справочной службы. Оборудование, техника здесь дедовских времен, хотя давно уже существуют технические средства, способные улучшить работу этой службы. А те же киоски справочного бюро с их убогим внешним видом? Архитекторы отказываются давать разрешение на установку таких киосков. И правильно делают. К тому же существующие киоски неудобны, не приспособлены к условиям сибирской зимы. Между тем и здесь не нужно ничего изобретать. Есть в Москве завод бытового и коммунального обслуживания, который выпускает отличные, удобные киоски. Получить бы чертежи и наладить строительство в Новосибирске.

— Так в чем же дело? — удивился я.

— Вот и я удивляюсь,— ответил товарищ Николенко.— Бесчисленные просьбы, предложения по улучшению организации труда справочной службы отклика у руководителей горбыткомбината не находят.

«Странно,— подумал я. — Наверно, у них, то бишь у руководителей комбината, со слухом не все в порядке». И решил обо всем этом написать. Не слышат, так, может быть, прочтут?

Ю. ЛУШИН, собкор
«Огонька»

Новосибирск.

Джек ЛИНДСЕЙ

НОВАТОРСТВО

Перечитывая замечательные романы Шолохова и всякий раз заново восхищаясь их ярким и мощным совершенством, я задавал себе вопрос: что же делает их столь явно непохожими на любой из романов, написанных ранее?

Произведения Шолохова — в особенности «Тихий Дон» — отмечены громадной эпической широтой. Это, конечно, обусловлено самим характером исторического материала — великими битвами, в которых рождался Советский Союз и завоевывалось его дальнейшее победоносное развитие; но потребовались силы таланта Шолохова и ясность его художнического зрения, чтобы этот необъятный материал был претворен в произведение искусства. Есть другие романы, в которых был использован тот же или сходный материал, но, как бы ни были хороши и впечатляющи некоторые из них, они не открывают такого потрясающе широкого кругозора и не обладают таким щедрым богатством образов, как творения Шолохова.

Обращаясь к более отдаленному прошлому, сразу вспоминаешь «Войну и мир» Толстого, единственное произведение, с которым можно уверенно сопоставлять «Тихий Дон». У Толстого мы ощущаем ту же колдовскую силу, вызывающую на страницы книги всю жизнь целого народа в критическую пору потрясений и перемен. Однако различия здесь так же велики, как сходство. У Толстого взят более широкий социальный круг, его персонажи принадлежат почти ко всем слоям тогдашнего русского общества, их изображение требует более обширного и многообразного повествовательного фона, чем в «Тихом Доне». Во-вторых, эпоха 1812 года со всеми ее конфликтами, при всем том месте, которое она заняла в истории России, не имела и не могла иметь такого гигантского исторического значения, как показанная у Шолохова эпоха великого перелома, скачка из цепей классового строя угнетения в мир подлинной социальной свободы и равенства для всех людей.

Я провожу эту параллель с Толстым потому, что она помогает нам сразу уловить нечто существенное из творческого метода Шолохова, метода, внесшего совершенно новое начало в природу романа и в искусство вообще. Если, как я уже сказал, социальный круг героев у Шолохова менее разнообразен, чем у Толстого, то идеи, которые взращивает в своем творчестве Шолохов, проблемы, которые он решает, идут на неизмеримо большую глубину. Шолохову несвойственно при этом толстовское медленное, неторопливо развивающееся от участка к участку освоение всего поля романа, на котором вырастают и толстовские ярчайшие описания и изумительные по выразительности галереи портретов разнообразных людей. Шолохов живет и творит в другом месте, и задача у него иная. Он не озабочен кропотливой разработкой мельчайших деталей психологии своих героев, постепенным, шаг за шагом, включением их в общую широкую картину. Шолохову нужна более быстрая и действенная изобразительная технология, одновременно возвышенно-лирическая и сурово-драматическая и всегда динамическая.

Его метод лиричен в том смысле, что он создает непрерывное движение и смену ярких, четко очерченных человеческих образов, примыкающих, теснящихся друг к другу, согретых общим человеческим теплом; лиричен этот метод и в том отношении, что в горячем, увлекающем потоке повествования мы постоянно живем среди примет времени и места, ощущаем не только физическое присутствие людей, но и краски, запахи, изменчивую прелесть земли, по которой они ступают.

Метод Шолохова драматичен не только изображением мощных сил в их грозном столкновении, но и тем, что на фоне этого борения стихий мы на любой странице романа остаемся свидетелями нескончаемых единичных схваток, рывков вперед, отступлений, вражды, примирения.

Лирическое начало сливается у Шолохова с драматическим в цельное единство. Оба начала нуждаются друг в друге, одно обогащает и усиливает другое.

«Тихий Дон», по сути дела, повествует об одной казачьей семье — Мелеховых. Точнее говоря, средоточием всего романа является один член этой семьи — Григорий. Но в силу теснейшей связи его с земляками, повседневного их общения на почве быта и жизненного опыта, в силу того, наконец, что жизнь хутора отражает судьбу всего казачества, личная история Григория естественно приобретает эпические очертания. Этим объясняется характерная для мастерства Шолохова особенность — непрерывное расширение и сужение перспективы повествования, диалектическое сцепление между чисто личными порывами, желаниями и надеждами героев и объемлющей все это, все определяющей общей обстановкой. Неустанные переходы от малого к большому, от ограниченно-личного к безгранично-социальному — это и есть то новое, что Шолохов принес в роман: напряжение, борьба противоречий, которая то и дело затухает, возникает снова, обостряется, разрешается, вновь заявляет о себе на более широкой и сложной основе.

Отсюда идет у Шолохова и потребность в постоянном органическом сочетании лирического с драматическим. Только при этом остром и свежем подходе к творческой задаче, постоянно совершенствуемом, оказалось возможным и дисциплинировать гигантский объем материала и придать ему художественную форму. И что надо особо подчеркнуть — ни разу мы не оказываемся втянутыми в какие-либо личные переживания, которые были бы оторваны от главной темы и идеи романа, и, с другой стороны, ни на одной странице поток исторических событий, взятый в абстракции, не подавляет и не стирает черт индивидуального своеобразия каждого из героев. Ни в одном из предшествующих произведений в области романа не удалось достигнуть этого в такой удивительной полноте. Найденная в упорных поисках и настойчиво применяемая Шолоховым творческая манера сделала то, что в громадном эпическом построении живой и выразительной предстает перед нами каждая малость.

Именно поэтому творческий метод Шолохова есть прежде всего метод динамический. Возникает даже соблазн сказать — «кинематографический». Не то, чтобы я стал утверждать, что Шолохов, работая над своими произведениями, находился под прямым воздействием киноискусства, хотя не исключено, что творческие заботы и поиски, подобные тем, из которых родилась режиссерская техника такой картины, как «Броненосец «Потемкин», могли быть и у автора «Тихого Дона». Ведь в своем романе Шолохов упорно боролся за сохранение неразрывной связи потока больших событий с острым, безотлагательным воздействием каждой изобразительной детали, каждого мимолетного переживания героя, его поступка, даже каждой перемены в окружающем пейзаже. Во всяком случае, Шолохов внес в искусство романа новаторский способ — вести быстрое, энергичное общее повествование, одновременно обеспечивая полноценность и живую самобытность каждого отдельного эпизода.

Сложное композиционное равновесие, новаторски осуществленное Шолоховым в «Тихом Доне», есть плод присущей ему широты исторического видения, позволяющей правильно соединить различные по своему размаху и удельному весу конфликты, из которых складывается здание романа. И здесь сказывается, в свою очередь, горячая, страстная заинтересованность Шолохова в описываемых революционных событиях и вместе с тем мудрая, прозорливая их оценка. Можно еще добавить и тонкое и проникновенное понимание того, как большие факты истории отражаются в мыслях, чувствах и поступках отдельного человека в зависимости от его характера и жизненного опыта.

Таков дар революции Шолохову, и это же он дарит в ответ революции.

Поражает у Шолохова и следующее: монументальность общего замысла неизменно служит надежным противовесом быстрой, прихотливой смене беспокойных, словно вскипающих вдруг деталей картины. Короткие, как будто отделенные перегородками сцены, повинуясь главенствующему замыслу, сцепляются, «стыкуются» в одно целое, полное движения, перемен, развития. Можно было бы сказать, что действуют бесконечные взаимосвязанные цепи напряжений внутри единого силового поля. Личное преображается в социальное, социальное — в личное; узы семьи, дружбы, работы, боевого товарищества рвутся и снова связываются, распадаются и вновь соединяются в более широком единстве; но неизменно более слабые напряжения и конфликты обретают свое бытие и значение в природе большого целого.

Слияние у Шолохова лирического начала с драматическим, о чем я уже говорил, влечет за собой и новую форму взаимоотношения комедийного и трагедийного. Контраст между тем, что люди сами думают о своих поступках, и тем, что они делают в действительности, всегда был благодарной темой для писателей; но у Шолохова это противоречие поднято на новый уровень. Ибо борьба, которая бушует в шолоховских романах,— это не столкновение одной частной цели с другой частной целью. Это—единоборство между старым миром классового угнетения со всеми его сложными разветвлениями, фальшью и предрассудками и бесклассовым обществом, которое рождается и в донских станицах, но рождается тяжело, в муках и существует пока лишь в сознании, решимости и надеждах тех, кто увидел иной исторический путь и устремился к революционной цели. Лирическое в шолоховском таланте то вспыхивает, вскипает, когда речь заходит о противоречиях и нелепостях обстановки, в которой оказываются населяющие роман люди, то приобретает окраску теплого сочувствия, когда в них проступает то доброе, что заложено в жизни простых людей. Трагическое же дает себя знать в обрисовке невзгод и упадка, которые несет с собой на первых порах разлом старого быта — и не только для тех, кто наживался и жирел при старом порядке, но и для тех, кто не может ясно увидеть то лучшее, что предлагает революция.

Григорий, представитель середняцкого слоя казачества, несущий в себе исконную обиду на мироедов, бывших хозяев жизни, не в состоянии, однако, по-настоящему уразуметь, что сулит крестьянству социализм, новый жизненный уклад. Его сознание разрывается в мучительных противоречиях между природной способностью здраво судить о вещах и укоренившимися, безнадежно устаревшими предрассудками старой деревни. Так в главном герое концентрирует автор сплав лирического с драматическим. Григорий каждому читателю видится в лирическом свете — у него незаурядная энергия, способность наслаждаться жизнью, любить, чувствовать себя частицей окружающей прекрасной природы; но он несет в себе и семена того трагического, которым окрашено многое в переживаемой эпохе революции, ибо сами достоинства Григория, делающие его человеком, способным возглавить и вести за собой других, все время ограничиваются и искажаются из-за неспособности его преодолеть врожденные собственнические иллюзии крестьянина.

По сути дела, весь роман — это история постепенного, все ускоряющегося приближения Григория к катастрофе. Извилистый, лихорадочный путь, смена подъемов и падений — все это приводит его неотвратимо к полной потере всего, из чего складывается жизнь человека. Все старые связи порваны и отпали. Он остается один, отверженный, нагой в своей последней человеческой сущности, безнадежно заблудившийся и измученный. Он отторгнут

ШОЛОХОВА

от людской общности настолько, насколько это мыслимо по сю сторону смерти.

Но в самую последнюю минуту здоровое в нем, твердый характер и несгибаемая воля, которые, несмотря на заблуждения и ошибки, поддерживали его во всех горестных неудачах, находят искру надежды. Эта надежда — в единственном непререкаемом жизненном факте, в маленьком сыне, от которого Григорий оказался оторванным и которого растит теперь большевик, женившийся на его сестре.

Благодаря все тому же шолоховскому тонкому чувству истории, проницательному пониманию всего того, что ведет к формированию или распаду человеческой личности, мы отчетливо видели, как все углубляется пропасть между Григорием и реальной действительностью; но в то же время его последнее одиночество и эта последняя встреча с сыном не производят на нас гнетущего воздействия. В трагическом конце, к которому пришел Григорий, мы ощущаем некую связь с торжествующим освобождением человеческой жизни революцией. Все, чего Григорий не смог понять, чего не захотел отстаивать, чему не помог войти в жизнь,— все это теперь воплощено в ребенке, его сыне.

Перед нами — новый вид трагедии, то, что Вишневский назвал трагедией оптимистической. Конечно, это не тот оптимизм, который подчас сводится к тому, что сметанный на живую нитку счастливый конец, вопреки всякой логике, пришивается к последней сцене трагедии; нет, здесь мы черпаем оптимизм в самих тех силах, которые, взрывая и разрушая старое, несут в себе громкий зов новой жизни. Этот мотив предчувствия победы и избавления живет, как мне кажется, во всех великих трагедиях прошлого: и у древних греков и у Шекспира, вообще у всех настоящих поэтов. Герой может погибнуть из-за личной своей оплошности или поздно понятого неверного расчета, но у нас остается чувство, что из смерти и крушения возникает некое возрождение. Трагедия есть, в сущности, утверждение той мысли, что прежние ошибки не должны повторяться, что для жизни всегда может открыться новый выход, на новом уровне разума и понимания. Отсюда и тот элемент экзальтации, которую вселяют в нас трагедии Шекспира или симфонии Бетховена: вопреки роковым неудачам и смерти борьба не была бесплодной; жизнь начинается снова, с обновленной силой и обогащенным пониманием,— такова истинная суть разыгравшейся борьбы, как бы ни была тяжела плата за нее. Однако в старой трагедии все это носит скорее характер интуитивного намека. У Шолохова этот мотив поднят на уровень сознательного предвидения и в художественном и в социальном смысле. Герои прошлого, погибающие за свои частные интересы и цели, по-своему блуждали между здравым смыслом и беспорядочными увлечениями, могли даже мечтать об историческом прогрессе, но они были бессильны исправить зло и противоречия истории. Только борьба за социализм свободна от трагической безнадежности. И только в таких исторических условиях сама структура трагедии приобретает новое очертание и новую ясность. Экзальтированная, отвлеченная вера в предназначение человечности здесь обретает свою прочную основу и оправдание.

Михаил Шолохов первым из писателей сумел понять и отразить этот переход во всей его полноте и художественном значении. Я не хочу, разумеется, сказать этим, что обдумывал и решил эту проблему в тех понятиях и терминах, которыми я пользуюсь здесь, но он, повторяю, создал новый вид эпоса, в котором и лирическое и трагическое избавлены от своей ограниченности, поставлены на прочную почву. И в этом тоже угадываются черты шолоховского новаторства, которое неразрывно связано с его широким и глубоким усвоением исторического значения революции 1917 года.

Мне всегда казалось, что нечто доподлинно шолоховское звучит в рассказе скульптора Вучетича о том, как писатель отозвался о своем скульптурном портрете, только что законченном.

«— О чем же он думает? — кивнул Шолохов в сторону портрета.

— О судьбе человека.

— Так, так. Мрачная, значит, она — эта судьба у человека.

— А чему радоваться?

Шолохов помолчал.

— Жизни,— тихо сказал он.

Опять долго длилась пауза.

— Ну ладно, Женюша, а как же насчет нашей с тобой ухмылки?

— Какой ухмылки?

— Как какой? Казачьей.

— Не будет ухмылки.

— Как же так?

— Нечему ухмыляться.

— Но ведь казак не может иначе. Если он даже помирать будет, все равно с ухмылкой в усах».

В этой улыбке на краю гибели и заключается сплав лирики и трагедии в творчестве Шолохова. Но в «Тихом Доне» и это претворено во что-то новое — в эстетику революции. Традиционным воззрениям здесь придается новая непоколебимая вера в то, что революция вносит в день сегодняшний и в будущее мира. Комическое и трагическое в пьесах Шекспира соединяются в сложном и довольно запутанном переплетении. В «Тихом Доне» их единство создается плодотворной шолоховской художественной диалектикой, которая сделала Михаила Шолохова первым великим истолкователем ленинской революции в романе.

Свой творческий метод Шолохов с такой же силой и последовательностью применяет и в «Поднятой целине». Хотя этап борьбы и строительства социализма, который изображается в этом романе, имел исключительно важное значение, он не мог, разумеется, вдохновить писателя на такое широкое полотно, как «Тихий Дон», с которого глядит на нас вся революция. Но то же самое динамическое начало, то же сочетание лирического и трагического видим мы и здесь.

На том отрезке революционной истории, который живописуется во втором романе Шолохова, герой, подобный Григорию Мелехову, не мог бы уже олицетворять собой выбор народом своего исторического пути. Но перед нами снова проходит нескончаемой чередой шолоховская галерея характеров, как бы подытоживающая прошлое и одновременно возвышающая в обстановке новой сложной борьбы новое будущее казачьей станицы, как и всей советской деревни.

Главное движение повествования определяется тремя фигурами — ленинградским рабочим Давыдовым и двумя местными коммунистами: Разметновым и Нагульновым. Каждый из них, подобно героям «Тихого Дона», с поразительным мастерством очерчен Шолоховым в их человеческом своеобразии, с присущими каждому сильными сторонами и слабостями. И если, скажем, Аксинья в «Тихом Доне», полная капризной женской гордости и скрытой чувственности, была для Григория воплощением полноты его личной жизни и в то же время источником его блужданий, неудач и упадка, то бессердечно-чувственная Лушка встает со страниц романа как символ беспорядочного жизненного поведения и безответственная сила, подрывающая и распыляющая революционную энергию Давыдова и Нагульнова, которые ее любят. Раскрывая личные отношения героев с исчерпывающей полнотой и откровенностью, Шолохов показывает свою неповторимую способность проникать в самую глубину и частных противоречий и конфликтов, осложняющих революционный подвиг его героев. От этого выигрывает в глубине и вся картина: чем ближе мы входим в личную жизнь Давыдова и Нагульнова, тем отчетливее видим через них жизнь и борьбу советских людей того времени, со всеми его невзгодами, трудностями и бурным движением вперед. И снова горячий лиризм таланта Шолохова надежно уравновешивается здесь ясным и мудрым пониманием психологической структуры и социального бытия его героев.

* * *

В этом кратком очерке я попытался выделить то, что представляется мне лишь узловыми моментами того сложного, неповторимого целого, каким является замечательный творческий метод Михаила Шолохова, подчеркнуть то, что рисуется мне как своеобразие и новаторство его художественного анализа и изображения явлений. И, наконец, мне хотелось показать прочнейшую связь, абсолютную неотделимость его высокой творческой одаренности художника от могучего на него воздействия пламенного дыхания революции. Характеризовать же хотя бы небольшую долю из великого множества выведенных им персонажей, исследовать подробно, как действует на полотне его волшебная кисть, как чередуются и переплетаются на страницах обоих романов проникновенность лиризма и простой, суровый драматизм,— все это потребовало бы неизмеримо большего места.

Но я не могу закончить того, что пишу о Шолохове, не подчеркнув еще раз той особой роли, которую играет в произведениях Шолохова жизнь благодарной природы Дона, окружающей его героев и наполняющей своим очарованием их души. Шолоховское чувство природы, земли — неотъемлемая и заветная часть его высокой лирической одаренности; к этому надо, впрочем, добавить, что природа, пейзаж выступают прямым действующим лицом и драматического развития его произведений. Картины природы никогда не служат Шолохову только материалом для декорации к очередному эпизоду романа. Природа донской земли — будь то ее небо, восходы и закаты солнца, лес с его тенистой чащей или необъятные просторы возделанной степной земли — все это нужно Шолохову и для того, чтобы раскрыть исконное воздействие родного тихого Дона на души его сынов; явления природы, ласковые и грозные, их изменчивость и неизменность все время перекликаются с мыслями и чувствами донского казака, и он ощущает себя частицей этой природы в радости и горе, в работе и любви, а земля, которую он возделывает и за которую воюет, становится как бы продолжением его натруженного в поле или разгоряченного в бою тела. Все это согрето особым, шолоховским поэтическим чувством.

И еще несколько слов. Та интерпретация, которую мы дали здесь последним страницам «Тихого Дона» — трагической и рождающей надежду встречи Григория с сыном,—находит, видимо, свое подтверждение в потрясающем рассказе «Судьба человека». Солдат, вырвавшийся из гитлеровского плена и пробирающийся к дому, ощущает себя, как и Григорий, таким же обездоленным, заброшенным, начисто лишенным всего самого дорогого ему, хотя это вызвано совсем другими причинами. Встретив в пути голодного сироту мальчика, солдат усыновляет его. И постепенно в общении с этим маленьким живым существом он начинает снова обретать и для себя какую-то цель и надежду в жизни. Здесь все сгущено Шолоховым до основных черт трагедии; и все-таки здесь как бы находит простое земное завершение то, что осталось только символом в последней сцене «Тихого Дона». Жизнь, окоченелая, изломанная, нагая и бездомная, снова пускает корни; из безжалостного и бесчеловечного вырастает и утверждает себя человеческая близость — на более широкой, полной и более надежной основе.

Перевел с английского Л. Чернявский.

СНЕЖН

Интервью «Огонька»

Л. СВИРИДОВ,
начальник Управления зимних видов спорта Комитета по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР

Раз в четыре года собираются вместе сильнейшие лыжные гонщики мира и в бескомпромиссной борьбе решают, кто из них сильнейший в олимпийском строю.

До 1924 года снежный счет вели между собой на традиционных международных лыжных соревнованиях в Лахти, Фалуне и Холменколлене только скандинавские гонщики, затем на Белых олимпиадах в эту борьбу включились спортсмены многих других стран, но, по существу, все осталось на старом уровне: никто не мог равняться с замечательными лыжниками Норвегии, Швеции, Финляндии. Достаточно перелистать страницы олимпийской истории, чтобы убедиться, как абсолютна была гегемония скандинавских спортсменов. На шести Белых олимпиадах они никому не уступали призовых мест. Сперва лидировали норвежцы, затем шведы, а на третьей олимпиаде большого успеха добились финны, и прежде всего их замечательный лыжник, в дальнейшем тренер сборной команды Вели Сааринен.

От олимпиады к олимпиаде лыжные гонки оставались семейным делом скандинавов. Еще на VI Олимпийских играх, которые были проведены в Осло, ничто не указывало на близкий конец скандинавской гегемонии. На верхнюю ступеньку пьедестала почета поднялись норвежец и финн — Халлгейр Бренден и Вейко Хакулинен — лыжники экстра-класса, с которыми мы в дальнейшем не раз встречались на лыжне. Одержали победу финские лыжники и в эстафете 4×10 километров. Разделили медали и скандинавские гонщицы (женщины были впервые допущены к участию в Олимпийских соревнованиях в Осло и сперва выступали только на одной дистанции — 10 километров, а затем в программу были включены эстафета 3×5 километров и лыжные гонки на 5 километров). И вдруг абсолютное превосходство спортсменов трех северных стран дало трещину. Сперва на чемпионате мира 1954 года Владимир Кузин завоевал две золотые медали, а потом на очередных Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо советские гонщики снова заставили потесниться скандинавских корифеев. В эстафете победы добились лыжники СССР: Федор Терентьев, Павел Колчин, Николай Аникин и Владимир Кузин. Успешно выступили и наши лыжницы: в гонке на 10 километров золотую медаль завоевала Любовь Козырева, серебряную — Радья Ерошина, и лишь третье место заняла шведка Соня Эдстрем. (Советские лыжницы имели все шансы на победу и в эстафете, и лишь падение Ерошиной лишило их золотой медали, но второе место они сохранили за собой.)

Таков был олимпийский дебют советских гонщиков, но скандинавские лыжники быстро сумели разобраться в сильных и слабых сторонах своих новых соперников, сделали для себя надлежащие выводы и на VIII Белой олимпиаде в Скво-Вэлли, казалось бы, установили утраченное равновесие. На американском снегу нашим спортсменам не удалось завоевать ни одного первого места. Снова мы увидели на пьедестале почета норвежцев, шведов и финнов, и лишь в гонке на 30 километров и в эстафете советские лыжники сумели занять третьи места.

Но впереди нас ждала такая же неудача: на Белой олимпиаде 1964 года в Инсбруке советские лыжники смогли лишь повторить результаты Скво-Вэлли — снова бронзовая медаль на 30 километров, снова бронзовая медаль в эстафете, и это значило, что мы за четыре года так и не сумели продвинуться вперед. И в этом мы убедились на олимпиаде в Гренобле. Там в гонке на 30 километров сенсационной победы добился итальянец Франко Нонес, обыграв-

Чемпион мира Вячеслав Веденин передает эстафету.
Фото Ю. Моргулиса.

ший сильнейших скандинавских гонщиков, а Владимир Воронков был четвертым. На дистанции 15 километров Валерий Тараканов оказался девятым, а в эстафете советская команда была четвертой. Только молодому гонщику Вячеславу Веденину на дистанции 50 километров удалось показать отличный результат: он завоевал серебряную медаль.

Конечно, серебро Веденина и достаточно уверенное выступление Воронкова говорили о том, что советская команда наконец-то получила пополнение, способное продолжать борьбу со скандинавской элитой, но общее впечатление от результатов, показанных нашей командой, было столь неблагоприятным, что обнадеживающих успехов двух молодых лыжников почти никто и не заметил. Мы сурово критиковали наших гонщиков, ставили перед ними трудную задачу: в течение двух лет, которые оставались в их распоряжении до чемпионата мира, добиться перелома.

Как известно, в Высоких Татрах на чемпионате мира 1970 года наши мужская и женская команды показали хорошие результаты. Вячеслав Веденин стал чемпионом

расстановку сил перед Саппоро, то можно прийти к выводу, что особых сюрпризов там ждать не следует. На предолимпийских соревнованиях прозвучали уже хорошо знакомые нам имена — замечательного гонщика из ГДР Герхарда Гриммера, с которым мы познакомились в Высоких Татрах, Федора Симашева — победителя гонки на 15 километров, сильнейших норвежских гонщиков Эудуна Нерланда и Одда Мартинсена. Но мы взяли на заметку не только спортсменов, занявших призовые места, но и молодого финна Юху Меету, который был шестым в гонке на 15 километров. Этот молодой великан, которого называют финским Грённингеном, как оказалось впоследствии, стал чуть ли не главной надеждой Финляндии. В конце 1971 года он на гонках в Швеции опередил одного из сильнейших шведских лыжников, Эрика Ларссона, и того же Герхарда Гриммера. Это о нем сказал чемпион мира финн Калеви Ойкарайнен, давая свои прогнозы на исход первой гонки в Саппоро. «Фаворитами в гонке на 30 километров, безусловно, являются Веденин, Воронков, Гриммер,— писал он,— но может быть и сюрп-

кая: ведь тот же Калеви Ойкарайнен сказал, что, когда принимаешь новый старт, старые заслуги ничего не значат. Слишком много первоклассных гонщиков имеет Финляндия. Не говоря уже о Калеви Ойкарайнене и многообещающем Юхе Меето, на выступление в Саппоро претендуют такие высококлассные мастера, как Ханну Тайпале, Осмо Карьялайнен, Паули Корхонен, да и Калеви Лаурила, в недавнем прошлом один из лидеров финских гонщиков, не выступавший в начале сезона из-за болезни, может еще вернуться на лыжню. Словом, тренеру сборной Суоми Арто Тиайнену есть над чем подумать.

Более или менее точно можем мы определить и состав олимпийской команды Норвегии. В нее входят Одд Мартинсен — серебряный призер Гренобльской олимпиады в гонке на 30 километров, неувядаемый Харальд Грённинген — чемпион X Белой олимпиады в гонке на 15 километров, Уле Эллефсетер — чемпион X Белой олимпиады на 50 километров, Пол Тилдум — многократный победитель крупнейших соревнований, такие сильные лыжники, как Магне Мюрмо и Ивар Формо.

В команду ГДР входят такие прославленные гонщики, как Герхард Гриммер — герой прошлого сезона, Герт-Дитмар Клаузе, Герт Хесслер, Аксель Лессер, и вполне возможно, что мы увидим их среди призеров Белой олимпиады.

Что же касается нашей команды, то о ее лидере мы уже писали выше. Им остается Вячеслав Веденин, достигший своего расцвета и готовый к большим свершениям, упоминали мы и об успехах Владимира Воронкова, Федора Симашева, Юрия Скобова. По-прежнему стабильно выступает Валерий Тараканов. Очень упорно готовились к Саппоро и новые члены сборной команды страны Иван Пронин, Иван Гаранин. Большую силу представляет молодой гонщик Юрий Долганов. Наши ведущие спортивные общества «Труд», «Динамо», ЦСКА, «Спартак» дали для сборной команды страны отличное пополнение, с которым, не жалея сил, работали старший тренер сборной Венедикт Каменский, тренеры Виктор Баранов, Владимир Кузин, Павел Колчин, Виктор Иванов.

Я думаю, что наши славные гонщицы не будут на меня в обиде за то, что львиную долю внимания

ЫЙ СЧЕТ

мира в гонке на 30 километров, Галина Кулакова и Алевтина Олюнина также завоевали золотые медали, мужская и женская эстафеты принесли нам новые победы. В Высоких Татрах громко прозвучали имена Владимира Воронкова, Федора Симашева, Нины Федоровой, и наши скандинавские соперники только разводили руками. Мне пришлось вскоре после чемпионата мира побывать в Норвегии, и я видел, что там очень остро воспринимались неудачи норвежских лыжников. Было ясно, что норвежцы, шведы и финны сделают все, чтобы взять у нас реванш на Белой олимпиаде в Саппоро. И вот до олимпийских стартов остались считанные дни.

С чем же мы приходим к стартам на дистанции Макоманаи? Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, надо хотя бы бегло вспомнить минувший предолимпийский сезон. Прошедшей зимой мы по крайней мере трижды мерились силами с сильнейшими лыжниками мира. Мы встречались с ними на предолимпийских соревнованиях в Саппоро, на традиционных международных гонках в Лахти и в Ленинграде, и если попытаться только на основе этих встреч представить себе реальную

риз. И его в состоянии преподнести наш Юха Меето».

Да, к словам Калеви Ойкарайнена следует прислушаться. Молодой финский лыжник еще три года тому назад был лишь четвертым на чемпионате Европы среди молодежи, а теперь входит в число сильнейших лыжников мира. В свою очередь, думаю, что те же финны внимательно приглядывались в Саппоро к нашему молодому лыжнику Юрию Скобову, который занял в гонке на 30 километров четвертое место.

Конечно, трудно делать прогнозы, но мне кажется, что на Белой олимпиаде в Саппоро лыжная молодежь внесет существенные коррективы в прогнозы знатоков. Но не будем забегать вперед. Раз мы уже заговорили о самом молодом члене сборной команды Финляндии, продолжим рассказ о гонщиках Суоми. На одном из соревнований прошедшей зимы, в которых приняли участие лучшие финские лыжники, на старт вышел после трехлетнего перерыва двукратный чемпион Олимпийских игр Ээро Мянтюранта. Этот прославленный гонщик заявил о своем намерении снова войти в олимпийскую сборную и испытать свои силы в Японии. Что и говорить, задача нелег-

После ухода с лыжни Сикстена Ернберга шведские гонщики лишились своего признанного лидера и потерпели ряд неудач и на первенстве мира 1966 года в Осло и на зимних Олимпийских играх в Гренобле. Правда, в Высоких Татрах швед Еран Ослунд выиграл гонку на 15 километров, но все его товарищи, кроме Яна Хальварссона, не попали тогда даже в десятку лучших. Тренеру шведской команды, в недавнем прошлом одному из лучших гонщиков страны—Леннарту Ларссону, пришлось с помощью ученых и врачей много потрудиться, чтобы модернизировать подготовку гонщиков, увеличить значительно тренировочные нагрузки и подготовить команду к участию в Олимпийских играх. Теперь состав сборной команды Швеции в общем определился. В нее вошли Еран Ослунд, Ларс-Арне Бёллинг, Леннарт Петтерссон, Свен-Оке Лундбек, Бенни Сёдергрен.

С огромным интересом следит лыжный мир за подготовкой к Белой олимпиаде гонщиков ГДР. После их триумфального выступления в Высоких Татрах, после их многочисленных побед прошедшей зимой сила наших друзей по лыжне котируется очень высоко.

мы уделили их товарищам-мужчинам. Гонщицы почти всегда приносили нам успех на Белых олимпиадах. Только в Гренобле им не удалось завоевать ни одной золотой медали, но и там они внесли в общую копилку и серебро и бронзу. У нас есть все основания надеяться на успешное выступление их в Саппоро, где Советский Союз будет представлен такими замечательными гонщицами, как чемпионки мира Галина Кулакова, Алевтина Олюнина, Нина Федорова и призер чемпионата Галина Пилюшенко, Любовь Мухачева, Нина Шебалина. Конечно, им предстоит нелегкий спор с замечательными лыжницами Чехословакии, лидером которых является Хелена Шиколова, с такими сильными гонщицами, как финка Марьятта Кайосмаа, норвежка Берит Мордре-Ламмедаль, шведка Мери Баделит, но когда было легко побеждать на Белых олимпиадах?..

3 февраля на стадионе Макоманаи будут торжественно открыты XI зимние Олимпийские игры, а на следующий день уже весь мир облетит имя первого олимпийского чемпиона. Им станет победитель гонки на 30 километров.

Так начнется снежный счет в Саппоро.

ВЗЯТКА И ВОКРУГ НЕЕ

Б. БОГДАНОВ,
заместитель начальника управления БХСС МВД СССР, полковник милиции

Разоблачение взяточника, пожалуй, самое трудное дело. Нарушая закон, он не буйствует, не хулиганит. Более того, он подчеркнуто вежлив, когда надо, обаятелен.

Но это не мешает ему брать мертвой хваткой человека, находящегося от него в зависимости — материальной, служебной... И не отпускать до тех пор, пока не добьется своего — взятки.

Он хитер и изворотлив и действует, почти не оставляя следов. Даже пойманный с зажатыми в кулаке чужими деньгами, взяточник, как правило, разыгрывает из себя жертву оговора или злого навета.

Криминалисты не могут интересоваться лишь тем, как была передана и получена взятка. Кстати говоря, с древних времен до наших дней техника этой операции не претерпела существенных изменений: как и в давние времена, все делается по принципу «из рук в руки». Но нас, советских граждан, не могут не интересовать обстоятельства, так сказать, социальные. Как случилось, что человек, облеченный высокими должностными полномочиями, злоупотребив доверием людей, оказался опасным преступником? Как случилось, что люди, окружающие взяточника, не приметили тревожных симптомов — живет не по средствам, в коллективе обстановка круговой поруки?..

А когда грянул гром, спохватились:

— Ах, боже мой. Как же это... Ведь все видели... Шепотом друг другу говорили...

Видели, говорили, намекали, а во весь голос не решались сказать. Вот он и ходил гоголем, директор пассажирского транспортного предприятия небольшого районного грузинского городка Ахалцихе Владимир Погосян.

Впрочем, были и дружки, которые спешили «успокоить» тех, кто собирался голос подать, кого одолевали смутные догадки. «Ну и что с того, что живет Погосян в двухэтажном особняке, обставленном ультрасовременной мебелью? Подумаешь, эко дело — приобрел новую «Волгу»?! Всем известно, машину выиграл по лотерейному билету. (Ох, уж эти выигрыши по «счастливому» лотерейному билету, купленному за тысячи рублей!) А ведь все остальное наживалось не за один день. Человек он гостеприимный, хлебосольный, широкий, деньгам счет не ведет. Без него застолье не застолье: там, где появляется Погосян, появляются и ящики марочного коньяка...»

...Все начиналось с приема на работу. Хочешь водить автобус или такси, докажи свое мастерство. Кому? Авторитетной комиссии специалистов? Нет, директору. Доказать — это значит положить на его стол пятьдесят рублей. Не хочешь, не давай, но и на работу в парке не рассчитывай. Желающих «доказать» было немало, но Погосян считал, что это все мелочи, на которые «счастливого» лотерейного билета не купишь. Надо придумать что-то более солидное, постоянное.

И придумал. Он обложил ежемесячным «оброком» в пятьдесят рублей всех шоферов, работающих на городских автобусных линиях. Для тех, кто трудился на междугородных маршрутах, ставка повышалась вдвое: сто рублей. И ни копейки меньше. Все было рассчитано предприимчивым взяточником. По городу машины ходят полупустые, пассажиров тут мало. Значит, и к кассе подойти нетрудно. Самому водителю редко кто деньги за проезд платит. К тому же опасность встречи с ревизором. Да и план как-то надо выполнять... В общем, с таких водителей грешно брать много. Пятидесяти рублей достаточно! А вот кто на междугородных трассах автобус водит — этим вольготно живется. Машина, как правило, битком набита. Здесь сам шофер за проезд деньги получает. И ревизор тут редко появляется. В общем, плати Погосяну сто рублей...

Погосян не забывал и о мерах предосторожности. Старался получать «оброк» в такой обстановке, где, как он был уверен, можно чувствовать себя спокойно.

Одного не учел взяточник. Если способы получения взяток за последние века не изменились, то методы разоблачения преступников стали совершеннее.

...При обыске на работе у него было обнаружено 270 бутылок марочного коньяка, а дома — более 30 тысяч рублей денег и еще 100 бутылок марочного коньяка. Там же нашли несколько пистолетов, патроны, кастет — не на большую ли дорогу собирался?..

Недавно состоялась выездная сессия Верховного суда Грузинской ССР, которая лишила Погосяна свободы на 14 лет и конфисковала все — машину, особняк, деньги, коньяк...

В ходе следствия выяснилось, что Погосян имел липовый диплом об окончании вуза — диплом был куплен так же, как и «счастливый» лотерейный билет, выигравший «Волгу». Но, пожалуй, это не самое главное, что стало известно после следствия и суда. Атмосфера, царившая в коллективе автохозяйства, — вот главное. Погосян мог долгое время безнаказанно орудовать лишь потому, что в коллективе автохозяйства царила атмосфера семейственности, круговой поруки, подхалимства. Как это иногда бывает, директора здесь считали хозяином: «Хозяин говорит...», «Хозяин требует...», «Хозяин вызывает...». Незаметно для коллектива и окружающих Погосяна он стал тут хозяином в худшем смысле этого слова: «Что хочу, то делаю, того, кто против меня, в порошок сотру!..»

Стоит ли после этого удивляться тому, что многие из вызванных к следователю водителей, именно те, кто давал Погосяну «на лапу», без устали хвалили директора, утверждали, что не встречали более честного, порядочного человека. А главное — «хозяин...»! Не хватило у них гражданского мужества выступить против хапуги, как это сделали их товарищи Георгий Лители, Гиви Гоголадзе, Прокофий Элисашвили и Автандил Судадзе...

Единственное, что мы не можем объяснить, хотя вопрос напрашивается сам собою,— где же были люди, призванные контролировать деятельность автохозяйства, интересоваться жизнью, делами коллектива, воспитанием людей?

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ОГОНЬКА»

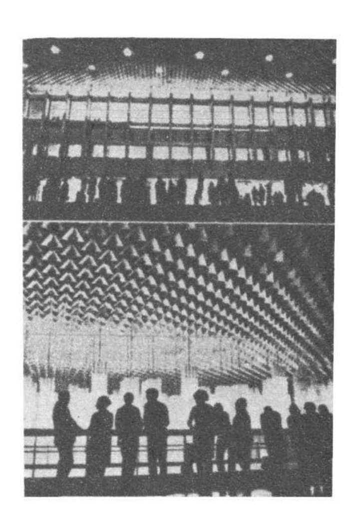
ПРОБЛЕМЫ ВЕЧНОГО ПЕРА

Еще один отклик пришел в редакцию. Начальник Союзоргтехники Министерства приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР А. А. Новоселов сообщает о том, что статья «Проблемы вечного пера» правильно поднимает вопросы повышения качества авторучек, улучшения организации их разработок, сокращения числа моделей и значительного улучшения качества используемых материалов...

Приказом министра намечена программа по устранению недостатков. Намечены меры по улучшению качества авторучек и перьев для них, по пересмотру действующих и разработке новых государственных стандартов. Строго определены базовые модели. Разнообразнее станет внешняя отделка. Резко увеличивается выпуск авторучек с золотым пером, ведется разработка сплава для упрочнения пера. Новые шарики-упрочнители позволят увеличить срок службы пера до трех лет.

Начальник Союзоргтехники сообщает, что «Огонек» правильно указывал на низкое качество авторучек, выпускаемых в Абхазии. Выпуск их запрещен.

Алексей БРАГИН

ОБРАЗ НОВОЙ АЛМА-АТЫ

Обновленный, раздвинувшийся вширь Ленинский проспект уходит на юг, в горы, к ельнику, к снегам, в солнечный высокогорный край мужественного спорта, альпийских красот. Проспект Абая — магистраль молодости города, здесь вузы, стадион — тянется с востока на запад вдоль подножия Заилийского Алатау. На пересечении этих главных улиц и возникла самая молодая и едва ли не самая красивая площадь казахстанской столицы. В любое время года она нарядна и зовет к себе по вечерам огнями Дворца имени В. И. Ленина.

Дворец... Его можно назвать и сердцем площади, и ее светом, и лучшим зданием Алма-Аты. В нем нет вычурности, как нет и официальной строгости. Просторный, он, однако, не подавляет размерами. Светлыми тонами дворец естественно и гармонично украсил наш таньшаньский город.

Крыша дворца — характерная для южных зданий — плоская, с небольшим козырьком. Сложенная из двадцати двух тысяч алюминиевых объемных ромбов, она своей золотистой чешуей отражает и утренние и закатные лучи. Главный фасад, как обычно в таких зданиях, мраморный. Но остальные фасады отделаны мангышлакским ракушечником. Удивительный этот материал — прочный, зернистый, с изящным рисунком — здесь впервые использован для облицовки. Теперь за ним приезжают на Каспийское побережье из Москвы, Киева и других городов страны.

Проспекты сливаются с площадью, выложенной гранитными плитами, добытыми неподалеку от Алма-Аты, а площадь как бы сливается с дворцом. Мы подымаемся по зеленоватым каменным ступеням, попадаем в фойе и не ощущаем контраста. Сколько, сколько тут света!

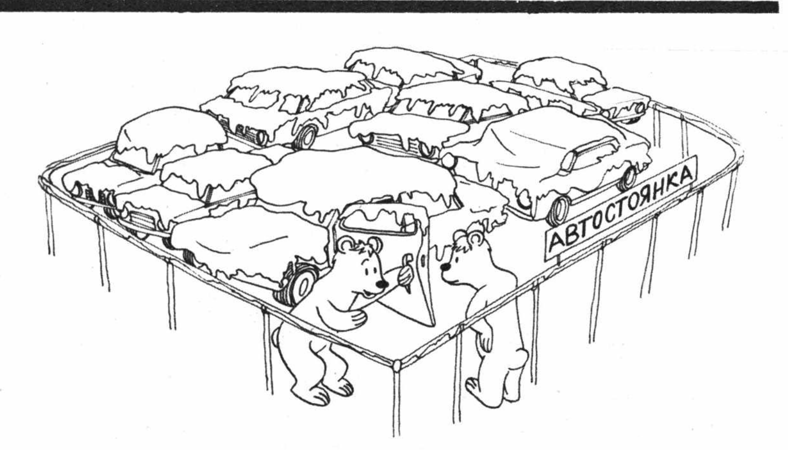
Фойе подготавливает вас к зрительному залу, так же как площадь — к фойе. Шестиярусный зал на три тысячи мест без традиционного амфитеатра и без галерки полого спускается к сцене.

Дворец создан и для народных торжеств и для искусства. Он приблизил к Алма-Ате Москву и Ленинград. На его сцене выступали знаменитые ансамбли «Березка», Краснознаменный песни и пляски Советской Армии имени Александрова, народного танца СССР под руководством Игоря Моисеева, прославленные певцы и музыканты из братских республик и зарубежных стран. Здесь гастролировали Ленинградский академический театр драмы имени Пушкина и Московский академический театр имени Маяковского.

Два слова о сцене. Она может расширяться и сокращаться, подыматься и опускаться. Не все знают, что под сценой находится еще два этажа, что один только цех кондиционированного воздуха с распределительными щитами занимает площадь в тысячу квадратных метров.

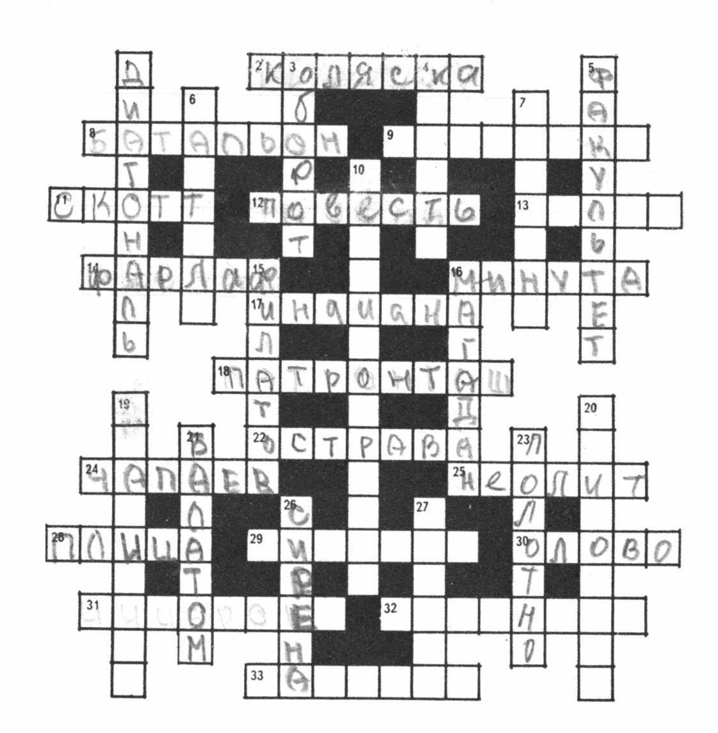
Дворец имени В. И. Ленина воздвигнут коллективным творческим трудом. В институте «Казгорстройпроект» работала авторская бригада во главе с ныне покойным Николаем Ивановичем Рипинским, учеником известного архитектора Жолтовского. Опыт и смелость, седина и молодость шли рука об руку. Архитекторы, конструкторы, строители, ученые из научно-исследовательского института строительной физики участвовали в разработке и осуществлении проекта. Архитекторам В. Киму, Ю. Ратушному, Н. Рипинскому, Л. Ухобтову, конструкторам Б. Делову, В. Кукушкину, инженерам-строителям Н. Кузякину, М. Казыбекову за создание Дворца имени В. И. Ленина присуждена Государственная премия СССР 1971 года. За заслуги в развитии архитектуры и строительства, за активное участие в разработке проекта Дворца имени В. И. Ленина архитекторам А. Соколову и В. Алле присвоено звание заслуженных архитекторов Казахской ССР, а инженеру В. Сушенцову — заслуженного строителя республики.

Дворец и площадь у дворца с памятником поэту Абаю, с двухзальным кинотеатром «Арман», с фуникулером к Зеленой горе Коктюбе стали образом новой Алма-Аты. Старый город Верный сохранился лишь на окраинных улицах, передав столице Казахстана разве что зеленую эстафету стройных тополей, могучих карагачевых деревьев и яблоневых садов. А об ауле Алматы, о былом захолустном купеческом городке мы сможем получить представление только по фотографиям в республиканском краеведческом музее.

— Можешь смело залегать, до весны никто не потревожит!

Рис. В. Тильмана.

КРОССВОРД

По горизонтали: 2. Повесть Н. В. Гоголя. 8. Подразделение полка. 9. Русский художник, передвижник. 11. Английский полярный исследователь. 12. Небольшое литературное произведение. 13. Приток Камы. 14. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 16. Промежуток времени. 17. Штат в США. 18. Снаряжение охотника. 22. Город в Чехословакии. 24. Фильм кинорежиссеров Васильевых. 25. Позднейшая эпоха каменного века. 28. Лопасть гребного колеса. 29. Курорт в Армении. 30. Металл. 31. Древнегреческий оратор. 32. Жанр камерной музыки. 33. Река в Томской области.

По вертикали: 1. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 3. Полный круг вращения. 4. Шахматная фигура. 5. Отделение высшего учебного заведения. 6. Грузинский народный танец. 7. Травянистое декоративное растение. 10. Раздел лингвистики. 15. Советский офтальмолог. 16. Порт на Охотском море. 19. Прибор для относительных измерений ускорения силы тяжести. 20. Русский писатель. 21. Озеро в Венгрии. 23. Льняная ткань. 26. Сигнальный гудок. 27. Драма Бальзака.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 3

По горизонтали: 5. Хореография. 6. Лапта. 7. Пегас. 13. Треска. 14. Ананас. 15. Четверг. 18. Помада. 19. Радиан. 20. «Возмездие». 21. Рекорд. 22. Сажень. 27. Баккара. 28. Басоля. 30. Оберон. 31. Торий. 32. Самур. 33. Сизоворонка.

По вертикали: 1. Соната. 2. Бестужев. 3. Салехард. 4. Пижама. 8. Хронометраж. 9. Осина. 10. Ковалевская. 11. Парад. 12. Майданников. 16. Тавда. 17. Трест. 22. Октод. 24. Жокей. 25. Барвинок. 26. Крыжачок. 29. Япония. 30. Опушка.

На первой странице обложки: Юные фигуристы. Фото А. Бочинина.

На последней странице обложки: Алма-Ата. Дворец имени В. И. Ленина. Фото А. Награльяна.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 3/I-72 г. А 00607. Подп. к печ. 18/I-72 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 57. Тираж 2 125 000 экз. Заказ № 2370.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

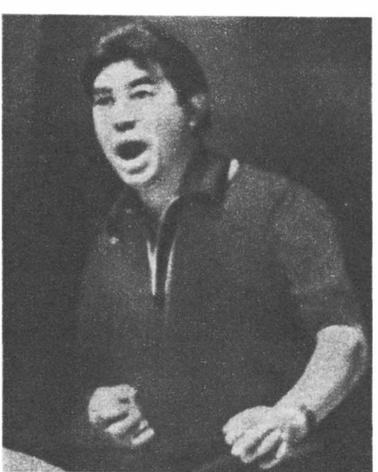
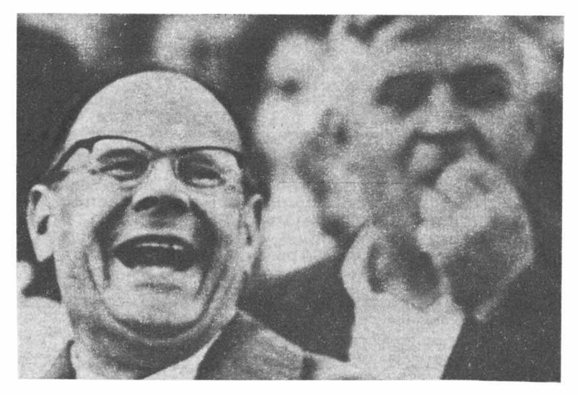
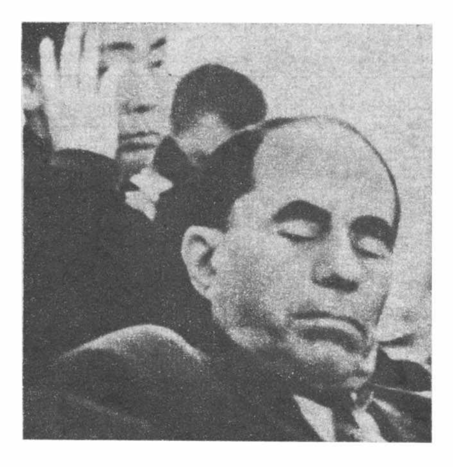

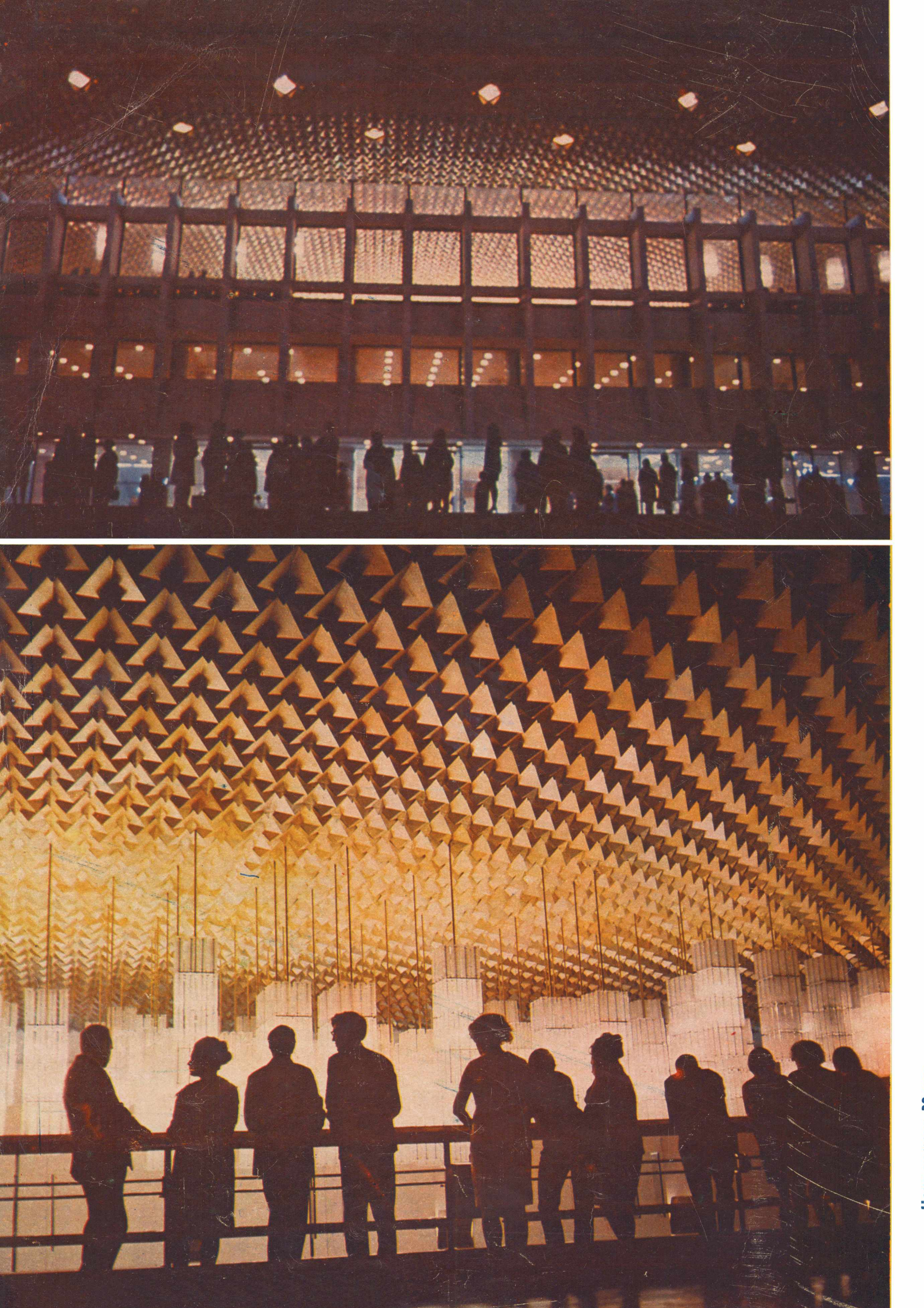
Фото
А. БОЧИНИНА

БОЛ

ЕЛЬЩИКИ

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663.